

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 19 № 3
2022

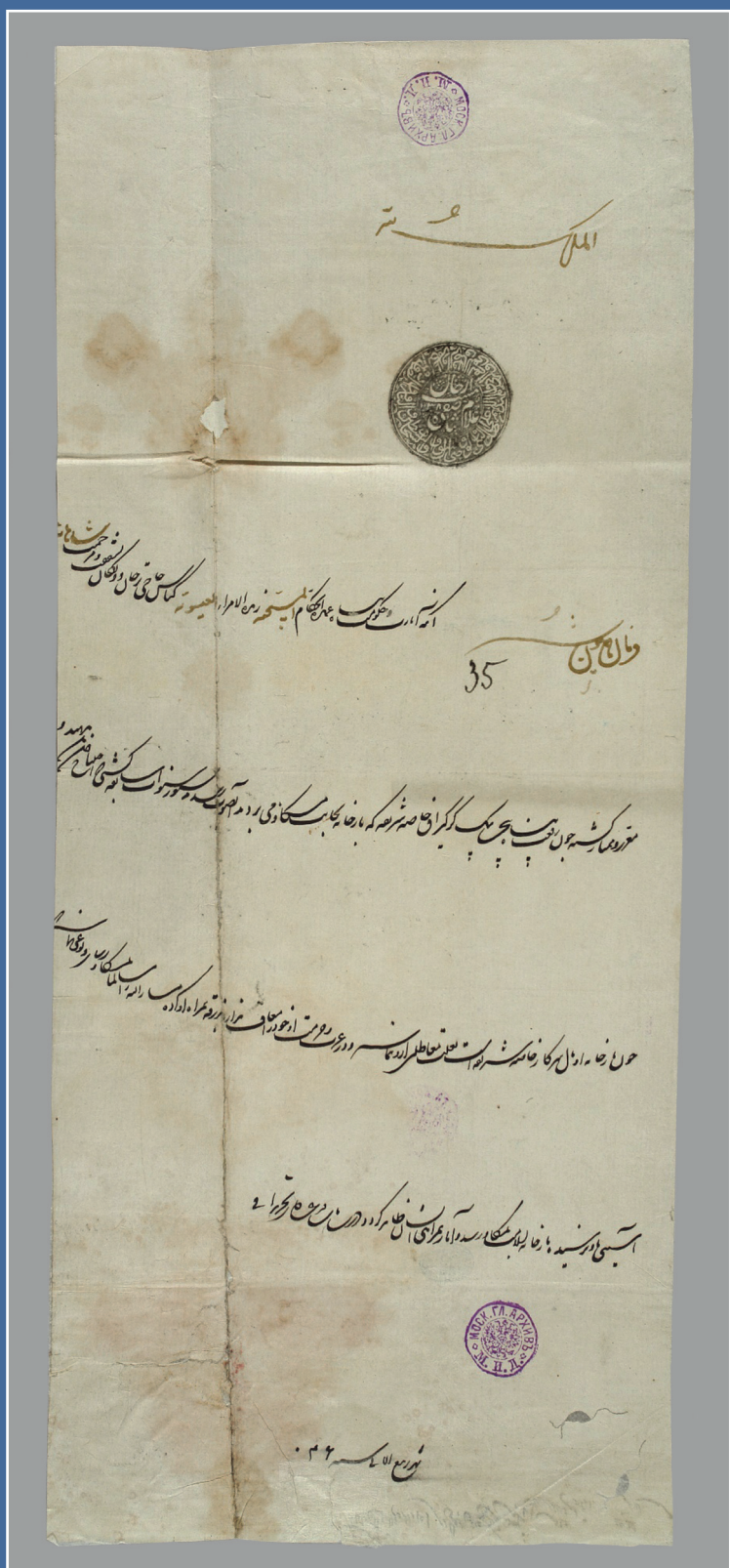
- ПУБЛИКАЦИИ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
- ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
- КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
- РЕЦЕНЗИИ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2022
3 (50)

ISSN 1811-8062 ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА, 2022, ТОМ 19, № 3

Индекс 11254

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Журнал основан в 2004 году

Том 19, № 3

осень

2022

Выпуск 50

Учредитель:

ФГБУН «Институт восточных
рукописей РАН»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа
2020 г.

Подписной индекс
АО «Почта России» ПП090

Периодичность издания
4 раза в год

ISSN 1811-8062

Языки издания:
русский, английский

12+

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВР РАН)

акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Изд-во «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)

д.филос.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)

д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)

О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)

акад. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)

д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (ИДВ РАН; ИВР РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский
пед. ун-т)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский ун-т)

акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)

проф. **Таката Токю** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фудань-
ский ун-т)

член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)

д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)

член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2022

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- Ю.А. ИОАННЕСЯН.* «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти.
Перевод с арабского и персидского. Часть 2 **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- С.Л. БУРМИСТРОВ.* Аргументация мадхьямаки против понятия движения **25**
Д.А. НОСОВ. Борьба с чертом: о неочевидной функции одного народного рассказа ойратов
Синьцзяна **38**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

- О.М. ЯСТРЕБОВА.* О классификации и элементах оформления
персидских документов эпохи Сафавидов **47**
И.А. АЛИМОВ. «Суждение о том, что бесов не бывает» Ли Сянь-миня **77**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- В.В. ЩЕПКИН.* Коллекция Броссе: история ранних поступлений
японских рукописей и ксилографов в Императорскую Петербургскую академию наук
и Азиатский музей (1791–1864) **88**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю.А. ИОАННЕСЯН.* Конференция памяти О.Ф. Акимушкина
(Санкт-Петербург, 16 февраля 2022 г.) **110**
С.Х. ШОМАХАДОВ. Первая Всероссийская научная конференция
«Рукописное наследие Востока» (Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2022 г.) **116**
О.М. ЧУНАКОВА. Фрейманские чтения–2022 (Санкт-Петербург, 18 мая 2022 г.) **124**
Т.А. ПАН. Научная конференция «Петр Великий и Восток»
(Санкт-Петербург, 27 июня 2022 г.) **128**

РЕЦЕНЗИИ

- RŪZBEH ZARRĪNKŪB, SAYYĪD TAWFĪQ HOSSEYNĪ.* Ketābšenāsi-ye Māni wa Kiš-e Mānewī
(be zabānhā-ye Orūpāyī) [Mani and Manichaeism Religion's Bibliography]. — Tehrān:
Jehād-e Dānešgāhī, Wāhed-e Šahīd Beheštī, 1398/2019. — 263 pp. (*А.И. КОЛЕСНИКОВ*) **132**
Русские моряки на Дальнем Востоке: дневник начальника эскадры в Китайском море
И.Ф. Лихачева. 1860–1861 гг. / Под ред. д.и.н. В.Г. Смирнова; отв. сост. В.П. Ципленков;
сост.: М.Е. Малевинская, С.В. Теренина. — М.: Паулсен, 2021. — 386 с., 40 ил.
(*В.Ю. КЛИМОВ*) **137**
ПУ СУН-ЛИН. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника):
Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т. 1 / Сост. А.Г. Сторожук; отв. и науч. редактор
Д.И. Маяцкий, перев. В.М. Алексеева, А.Г. Сторожука. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. —
568 с., ил. (*Т.И. ВИНОГРАДОВА*) **141**

На четвертой стороне обложки:

Указ-*парванача* шаха Сафи I воеводе и дьякам Астрахани, раби' II 1046 / август–сентябрь 1636 г.
(РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1637. Д. 3. Л. 35) (ил. 3 к статье О.М. Ястребовой)

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 19, No. 3

autumn

2022

Issue 50

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics, RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph. D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesyan, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature, RAS, Moscow

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Higher School of Economics, Moscow

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Hist.), Institute of Far East, RAS, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Beijing Normal University, Sichuan Normal University, China

Stanislav M. Prozorov, Ph. D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy, RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Kyoto University, Japan, Fudan University, China

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Youli A. IOANNESYAN*. "A Guide for the Perplexed" by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 2 **5**

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Sergey L. BURMISTROV*. Mādhyamikas' Argumentation against the Concept of Motion **25**
Dmitrii A. NOSOV. Fighting the Devil: On the Non-Obvious Function of One Folk Story of the Oirats of Xinjiang **38**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

- Olga M. YASTREBOVA*. On the Classification and Formal Elements of Persian Documents of the Safavid Era **47**
Igor A. ALIMOV. "The Judgment That There are No Demons" by Li Xian-min **77**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Vasilii V. SHCHEPKIN*. "Brosset Collection": The History of Early Acquisitions of Japanese Manuscripts and Woodblock-Printed Books by the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and by the Asiatic Museum (1791–1864) **88**

ACADEMIC LIFE

- Youli A. IOANNESYAN*. Conference in Memory of O.F. Akimushkin (St. Petersburg, February 17, 2022) **110**
Safarali Kh. SHOMAKHMADOV. The First All-Russian Academic Conference "The Written Heritage of Orient" (St. Petersburg, April 20–22, 2022) **116**
Olga M. CHUNAKOVA. Seminar in Memory of A.A. Freiman (St. Petersburg, May 18, 2022) **124**
Tatiana A. PANG. Scientific Conference "Peter the Great and the Orient" (St. Petersburg, June 27, 2022) **128**

REVIEWS

- Roozbeh Zarrinkoob, Sayyed Tawfiq Hosseini. *Mani and Manichaeism Religion's Bibliography*. Tehrān: Jehād-e Dānešgāhī, Wāhed-e Šahīd Beheštī, 1398/2019. 263 pp. (in Persian, English, Deutsch, Français, and other European languages) (*Ali I. KOLESNIKOV*) **132**
Russian Sailors in the Far East: The Diary of I.F. Likhachev, a Squadron Leader in the China Sea. 1860–1861. Ed. by V.G. Smirnov, Ph.D. in history; head compiler: V.P. Tsipienkov; compilers: M.E. Malevinskaya, S.V. Terenina. Moscow: Paulsen Publishing House, 2021. 386 pp., 40 ill. (in Russian) (*Vadim Yu. KLIMOV*) **137**
Pu Songling. *Liao Zhai zhi yi (Strange Stories from the Lodge of Misfit)*. Complete collection in 12 juans. In 7 vol. Vol. 1. Comp. by A.G. Storozhuk. Ed. by D.I. Mayatsky. Tr. by V.M. Alexeyev and A.G. Storozhuk. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2022. 568 pp., ill. (*Tatiana I. VINOGRADOVA*) **141**

Back cover:

Shah Safi I's *Parvanacha* Edict of *rabi'* II 1046 / August-September 1636 to the Military Governor and Senior Clerks of Astrakhan. RSAAD. F. 77. Op. 1, 1637. D. 3. L. 35 (Pl. 3 to the article by O.M. Yastrebova)

«Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти*Перевод с арабского и персидского***Часть 2¹****Ю.А. ИОАННЕСЯН**Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109680

Статья поступила в редакцию 20.04.2022.

Аннотация: Настоящая статья представляет собой продолжение публикации со вступлением и комментариями перевода части ценного сочинения одного из основоположников шейхизма, Сайида² Казима Рашти, *Далил ал-мутахаййирин* («Путеводитель растерянных»). Сочинение датируется 1842 г. Перевод выполнен с арабского оригинала с привлечением двух персидских переводов.

Ключевые слова: шиитские школы, шейхизм, Сайид Казим Рашти.

Для цитирования: *Иоаннесян Ю.А.* «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 2 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 5–24. DOI: 10.55512/WMO109680.

Об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю.А., 2022

Сочинение (трактат) *Далил ал-мутахаййирин* («Путеводитель растерянных») принадлежит перу одного из родоначальников шейхизма — Сайида Казима Рашти. Шейхизм, появившийся на Ближнем и Среднем Востоке и бурно развивавшийся в конце XVIII — первой половине XIX в. как мистическое течение в шиизме, стал

¹ Часть 1 перевода из трактата «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти см. (Иоаннесян 2022).

² Как и в других наших работах по шейхизму, в слове «Сайид» в составном имени «Сайид Казим (Рашти)» мы пишем с прописной буквы, без удвоения «йй». В остальных случаях с удвоением «йй».

альтернативой и «шиитским ответом» общеизвестному феномену мистической мысли и практики в исламе — суфизму. В шейхизме отчетливо выделяются две относительно самостоятельные составляющие, связанные с двумя фазами его истории: одна (ранняя) пришлась на период, предшествующий зарождению в 1844 г. бабизма и ознаменовавшийся деятельностью основателей шейхизма — Шайха Ахмада Ахса'и и Сайида Казима Рашти; другая соответствует последующему периоду, связанному со смертью Сайида Казима Рашти, возникновением бабизма, переходом многих видных шейхитов в бабизм, расколом тех, кто не признал основателя бабизма — Баба и встал в резкую оппозицию к нему. Сайид Казим Рашти (Сайид Казим) явился учеником и продолжателем дела Шайха Ахмада Ахса'и, которому в первую очередь и посвящен настоящий трактат, раскрывающий как исторические, так и мировоззренческие аспекты раннего шейхизма.

Трактат написан по-арабски в 1258/1842 г. Эта дата (11-го числа месяца *раби' I* 1258 г.) указана в его авторском колофоне. Данное сочинение также представлено персидскими переводами, сделанными вскоре после его появления. Публикуемый ниже русский вариант выполнен нами с арабского оригинала по второму изданию трактата: *ал-Хаджж Сайид Казим ар-Рашти*. Далил ал-мутахайирин. Ат-таб' ас-сани. Кирман: Матба'а «ас-Са'ада» (без указания даты) и двум персидским переводам. Один из них, осуществленный Зайн ал-'абидином Ибрахими, издан типографским способом и, если судить по его колофону, появился в том же году, что и оригинал, всего через месяц после выхода в свет последнего (14-го числа месяца *раби' II* 1258 г.): *ал-Хаджж Сайид Казим ар-Рашти*. Далил ал-мутахайирин. Тарджума: Зайн ал-'абидин Ибрахими. Чап-и дуввум. Кирман: Чапхана «Са'адат» (без даты). Второй, выполненный учеником Сайида Казима — Мухаммадом Рази б. Мухаммадом Ризой в 1276/1859 г., включен в сборник литографированных шейхитских текстов, изданный, наиболее вероятно, в Табризе, экземпляр которого представлен в коллекции ИВР РАН (шифр: Рк 213) (Сайид Казим Рашти 1859). Сборник этот без пагинации, а указанное сочинение занимает в нем первые 50 листов. Перевод З. Ибрахими значительно ближе к оригиналу, чем Мухаммада Рази. Данное обстоятельство объясняется не низкой квалификацией последнего, а его желанием максимально доступно преподнести авторский текст читателю, для чего переводчик прибегает к многочисленным собственным вставкам и пояснениям, порой в виде пространственных пассажей, отсутствующих в оригинале. Этот перевод ценен и в том отношении, что он помимо раскрытия смысла сочинения наглядно демонстрирует, как понималось учение основателей шейхизма их ближайшими учениками.

В представленном ниже переводе в квадратных скобках слева с пометой «а» указана страница арабского оригинала сочинения, с пометой «п» — порядковый номер страницы литографского сборника с персидским переводом трактата, выполненным Мухаммадом Рази б. Мухаммадом Ризой.

Перевод Путеводитель растерянных

Быть может, у тебя в голове возникнет сомнение, [ты решишь], что всё упомянутое мной есть бездоказательное заявление, не обоснованное доводом утверждение. А я скажу, что доказательство в пользу данного заявления — самое явное из доказательств,

а довод — самый вразумительный из всех. И он состоит в том, что хотя его самого³ и нет в сем дольнем мире, но существуют, слава Богу, его книги и сочинения. Ему, да возвеличит Бог его положение, задавали вопросы по большинству аспектов знания, даже по всем аспектам. И ответил он на каждый из них ясным изложением и внятными доводами. И не / [а. 23] привязывал себя к подражанию кому-либо. Ты увидишь, что в любой науке был он независим и высказывался, словно ее основатель. Не встречается его метод изложения при обосновании [тезиса] в какой-либо книге, не присутствует он в чьей-либо речи, не записан он в каких-либо «беседах»⁴. Если взглянешь ты оком беспристрастности и вслушаешься в его слово, сторонясь при этом тропы несправедливости и произвола, то найдешь его коренящимся⁵ в его⁶ врожденном складе. Воспринимает его природа при наличии чистых помыслов столь [естественно], будто оно — [многokrатно] слышанное и познанное. Эти книги его имеются, сочинения известны, стиль изложения и донесения слова не составляет тайны, полемические приемы раскрыты.

Итак⁷, прошло некоторое время, в течение которого он, да возвысит Бог положение его, находился в Ахсе в уединении, сторонясь людей, предаваясь поминанию Бога, отвращаясь от всего иного, чем Бог. Проживал он в городе том чужаком для людей, подвижником мечети и *михраба*⁸, отвергнувшим любых друзей и сотоварищей, хранящим завет и обет, отринувшим порочные пути, не жалеющим усилий [для совершения] длительных поясных поклонов и коленопреклонений. Аскет в миру, удалялся он от него самоотречением своим, взирая на него оком, полным жуткого страха.

[п. 12] Не возлагал он надежд на мир сей, помыслы его были отвращены от его⁹ обманчивого блеска, а очи сторонились созерцания его красот. / [а. 24] Так продолжалось до тех пор, пока гнёт не расширил свой охват, не сбросило покрывало насилие и заблуждение не призвало своих последователей. Возникла ваххабитская смута¹⁰, произошло завоевание Ибн Са'удом тех областей и покорение им жителей тех земель. Доводы [здорового смысла] и логические обоснования, открытые [Шайху Ахмаду] и известные ему, потребовали от него отъезда из края того и переселение за его пределы с перемещением из града в град, из деревни в деревню. Подробное перечисление переселений тех затянет повествование. И достиг он Басры и переместил в нее свою семью. И пожелал он сам, драгоценная сущность, с сыном и несколькими последователями отправиться на паломничество к восьмому имаму — поручителю, к его святости 'Али б. Мусе ар-Риде/ар-Ризе, тысячи приветствий и восхвалений ему, его предкам и сыновьям¹¹!

³ Т.е. Шайха Ахмада.

⁴ В оригинале: سؤال وجواب. Этот же термин в обоих персидских переводах оставлен без изменения. В соответствующей статье персидско-русского словаря Гаффарова ему соответствует «разговор, беседа» (Гаффаров 1976).

⁵ Букв.: облаченным, завернутым.

⁶ Т.е. Шайха Ахмада.

⁷ В оригинале: ثم, но в обоих персидских переводах: پس, что в данном контексте, скорее, переход к следующей теме.

⁸ *Михраб* — ниша в стене, обращенная в сторону Мекки.

⁹ Т.е. мира сего.

¹⁰ В оригинале: الفتنة الوهابية. У Ибрахими: فتنه وهابيه (Ибрахими: 23). *Ваххабиты* — запрещенная в современной России исламская организация (Прозоров 2004: 375).

¹¹ В оригинале: ألف عليه وعلى آياته وابنائنه آلاف التحية و الثناء. Но у Ибрахими: ألف عليه وعلى آياته وابنائنه آلاف التحية و الثناء (Ибрахими: 2–324), у Мухаммада Рази та же фраза, только вместо نمود стоит: فرمودند.

И выехал из нее¹², и направился к тому блаженному пункту назначения и возвышенному месту, пока не достиг он обители богопоклонения — [города] Йезда. И узнали его/о том некоторые именитые богословы из жителей города того, и распространилась молва о нем, да возвысит Бог положение его, участилось упоминание о нем и возросло уважение к нему среди людей. Поспешили к нему все богословы и извлекали пользу от него в разных видах знания, и нашли в нем¹³ вздымающееся и бушующее море, клокочущее, исторгающее высь струи познаний, дно которого недостижимо и глубины постижения которого неисследимы.

И покорились ему богословы, и смиренно преклонили пред ним головы мастера [а. 25] слова и поэты. Ибо / нет равного ему в знании 'аруза'¹⁴, не заменить его в музыковедении. Как объяснял он суть вопроса, он выводил музыку из [движения] сфер на основе шестеричных принципов. В науке о грамматике был он наставником грамматистов, [как если бы] Сибавайхи¹⁵ был одним из его учеников, и подобен Халилю в спряжении [глагола]. В науке лексикологии и искусстве выражения проявлял он независимость, выступал законодателем и учредителем норм. Был он высшим авторитетом в знаниях о звездах, опорой ученых в этой области. Прояснил он принципы звезд, неизвестные никому другому из искушенных в тех путеводных знаках и канонах, и раскрыл потаенные истины звезд, на которых строится вычисление и о которых не имели ни малейшего понятия и представления знатоки той области. В науке геометрии высветил он такие тонкости и грани в ее основах и в производном от этих основ, которых едва ли достигают сердца достигших совершенства в ней.

В астрономии он открыл ее мельчайшие нюансы и растолковал то, что относилось к трудностям этой науки, связанным с неясностью в вопросе о движении некоторых сфер не вокруг своих полюсов. В знании арифметики обошел он всех сведущих в ней тем, что [а. 26] удалил из нее любые сложности и разрешил все проблемы, / которые считали неразрешимыми. А в алхимии и эликсирах прояснил научные закономерности, их стадии, четверичность¹⁶ и [явил] то из невиданных доселе знаний, что сокрыты в каждой [п. 13] четверти, / равно как и диковинное из их внешних и внутренних граней. Истолковал он изречение Повелителя верующих¹⁷, мир ему, об этой науке: «Вы спросили меня о сестре пророчества и защите человечества¹⁸, она [всегда] была, есть и будет. Люди ведают ее внешнюю сторону. Я же знаю и ее внешнее, и ее внутреннее. Оно есть не иначе, как затвердевшая вода, неподвижный воздух, жидкая земля и преобразующийся огонь» (текст предания). И изложил он внутреннюю составляющую этой науки, ее тайны и различные состояния так, что изумились умы и сердца мудростью того досточтимого¹⁹, и сделалось очевидным, что он — тот, кто обучился сей внутренней составляющей у Повелителя верующих по слову из речений его, мир ему: «Мы — знающие, а наши шииты — обучающиеся»²⁰, а также: «Нет никого лю-

¹² Т.е. Басры.

¹³ Букв.: его.

¹⁴ 'Аруз / 'аруд — система метрического стихосложения в арабоязычной, персоязычной и тюркоязычной письменной поэзии.

¹⁵ Сибавайхи и упомянутый далее Халил (ал-Халил) — известные арабские филологи-грамматисты (см.: Прозоров 2004: 24).

¹⁶ У Мухаммада Рази передано как «четыре столпа» (اركان اربعة).

¹⁷ Т.е. имама 'Али.

¹⁸ Т.е. алхимии.

¹⁹ Т.е. Шайха Ахмада Ахса'и.

²⁰ Ал-Кулини в «Ал-Кафи» приводит это предание со ссылкой на шестого шиитского имама ас-Садику (ал-Кулини 1363: 34).

блящего нас и прирастающего любовью к нам, и искренне стремящегося познать нас, чтобы не вкладывали мы в его сердце ответ на тот вопрос, который он задаст»²¹.

В науке о числах и нумерологии привел такое, перед чем признали свою немощь²² и противники, и сторонники. И разъяснил их загадки, и высветил их лучи, и выявил их состояния в [разных] формах и образах из того, что было недоступно никому, [а. 27] кроме него. И разложил он [по порядку] / формы, истолковал с помощью вразумительных доводов, назвал первооснову форм, их корень, отца и мать, вскрыл извест сто процентов истину о форме треугольника и квадрата, изложение которой выходит за грани возможного.

Его владение наукой о буквах общеизвестно, а в знании умножения и дробления [букв]²³ не было ему равных. В искусстве гадания по буквам [были] у него установленные правила и предписанные законы²⁴, относящиеся к целому, частному, первооснове, началу и концу этого [вида] знания. [А] истина о гадании по буквам в том, что оно²⁵, истоки выведения [одних слов из других] и принципы его практического применения берут начало от Пророка и его наместника, мир им обоим.

Во врачевании был он мастером искусства того. Ему принадлежат открытия и выводы, перед которыми признают свою немощь ученые в данной области. Он обнаружил в этой, одной из медицинских наук, то, чему нет названия в книгах о них, а именно науку сжатия²⁶ и извлечения и проявил в ней удивительные грани, и высветил поразительные аспекты. В искусстве комментирования [досточтимый тот], да возвысит Бог положение его и вознесет его стяги в обоих мирах, явил такие умозаключения в части преданий и вразумительные рассказы, которые не упоминали комментаторы и не ведали их, кроме [а. 28] очень немногих²⁷. / Перечислил он различные стороны комментирования, как то: толкование внешнего [смысла], внешнего слоя внешнего, внутреннего [содержания], внутреннего слоя внутреннего, символично-аллегорическое толкование, разъяснение иносказательного [смысла] и внутреннего [содержания] иносказательного смысла. И осветил он различие между этими дробными составляющими, их грани, условия, правила и другие обстоятельства и особенности их осуществления.

В науке о *хадисах*²⁸ был он главенствующим среди собирателей *хадисов* и опорой исследователей истины. А в дисциплине выявления достоверности *хадисов* через критику *иснадов*²⁹ явился он знаменосцем, светильником, рассеивающим всякий мрак, дающим ответы, разрешающие сомнения и колебания, возникающие в отношении нее³⁰. В науке о передатчиках *хадисов* был наиболее ревностным из всех

²¹ Источник этого предания обнаружить не удалось (на это же сетуют и некоторые иранские комментаторы преданий).

²² Ибрахими добавляет в переводе: (عاجز شدن) «(признали свою немощь) в понимании их (т.е. науки о числах и нумерологии) тайн» (Ибрахими: 26). Мухаммад Рази делает другую вставку: «از اتیان مثل آن» (...немощь) в приведении чего-нибудь подобного».

²³ Здесь и далее речь идет о гадании посредством манипуляций с буквами.

²⁴ Ибрахими здесь отходит от оригинала (له قواعد مقررّة و قوانین مقتنه) и дает свою, отличную интерпретацию текста: «قواعدی قرار داد و قوانینی گذارد» «установил он (сам) правила и учредил законы» (Ибрахими: 26). У Мухаммада Рази перевод точный: «اورا است قواعد مقررّه و قوانین مقتنه».

²⁵ Т.е. гадание.

²⁶ Перевод этого термина (علم الضم) дается нами условно, поскольку его эквивалентов в данном контексте нам обнаружить не удалось.

²⁷ Т.е. комментаторов преданий.

²⁸ См. (Прозоров 2004: 275; Бойко 1991: 262–263).

²⁹ *Иснад* — совокупность ссылок на рассказчиков в сборниках *хадисов*.

³⁰ Т.е. данной дисциплины.

усердствующих на этой стезе, превосходивший их памятью. Запоминал он о каждом человеке—передатчике *хадисов* любое хвалебное и одобрительное слово, как и сказанное [в пользу] исследования истины и предпочтения достоверности. И являл он собой одно из чудес времени своего в том, что касается запоминания лиц. / [п. 14] В науке об основополагающих догматах³¹ сам он был устранителем погрешностей [в толковании] норм, законодателем и знатоком любых вопросов с ней связанных, сведущим в имеющихся в ней противоречиях, исследователем этих вопросов, изъяснителем их полезности, излагающим способы выведения заключений с их помощью.

В знании исламского права (*фикха*) был он самым осведомленным среди правоведов [а. 29] (*факихов*) и *муджтахидов*³², обладающим / святой силой и искрой Божьей, искусственным во всех изречениях и *фатвах*³³. Не ускользало от него ничего из вопросов и иных обстоятельств, больше [других] знал он на память *фатвы*³⁴, а его осведомленность в суждениях, по которым имелось согласное мнение³⁵ [*муджтахидов*] во всем разнообразии его вариантов, как то: составное³⁶, утвердившееся в практике новейшего времени, согласие общеизвестное, согласие, выводимое собственными усилиями и исследованием правоведа (*факиха*) из суждений других правоведов относительно частного и общего, превосходила всех правоведов.

В течение лет и месяцев, которые я провел при нем, да возвысит Бог положение его, не видел я, чтобы в части вопросов, которые ему задавались, ему требовались обращение к чему-либо или справка³⁷. Напротив, был он сведущ во всех доказательствах, нюансах разрешения проблем и разногласиях между богословами по данному вопросу. Это было одним из дивных проявлений досточтимого того, да возвысит Бог положение его. «И если я измыслил его, то на мне мое прегрешение, и я свободен от того, в чем вы грешите»³⁸.

В спекулятивном богословии (*ал-калам*)³⁹, в практической и теоретической философии с их разновидностями, составляющими их основу и ответвления, по единодушному признанию всех, никто из людей прошлого не смог превзойти его, как и из тех, кто придет в будущем, не догонит его никто. Так же и в других науках — эзотерических, эзотерических⁴⁰, в науках о реальном и виртуальном, основных и производных. Не утомляли его ни исторические науки, ни череда прошедших веков, ни знание их [тайн], ни процветающих, ни гибнущих общин, ни того, что происходило в

³¹ Поскольку за словом *الاصول* не следует определения, то остается домысливать, идет ли речь об основах, основополагающих догматах веры (*усул ад-дин*) или о четырех источниках исламского права (*усул ал-фикх*) (Прозоров 2004: 302). Персидские переводы также не добавляют здесь информации к тексту.

³² Высшее звание и авторитет в богословских науках.

³³ *Фатва* — богословско-правовое заключение, сделанное для практического применения какого-либо предписания *шари'ата* или истолкования какого-либо казуса с позиций *шари'ата*.

³⁴ Ибрахими добавляет «богословов»: *فتاوى علماء را* (Ибрахими: 28).

³⁵ См. (Прозоров 2004: 169, 243); см. также (Боголюбов 1991а: 91).

³⁶ В тексте: *اجماعات مركب*. "اجماع مركب". В википедии *фикха* поясняется как «согласие, полученное путем сложения двух или более мнений для опровержения какого-либо высказывания». http://wikiifeqh.ir/%D8%A7%D8%AC%D9%85%D8%A7%D8%B9_%D9%85%D8%B1%DA%A9%D8%A8 Дата обращения: 05.05.2019.

³⁷ Мухаммад Рази добавляет еще: *تفكر (ى)* «раздумья».

³⁸ Коран 11:37(35).

³⁹ См. (Прозоров 2004: 48, примеч. 55).

⁴⁰ Об этих терминах см. (Прозоров 2004: 83).

[а. 30] мире из дивных дел и диковинных событий эпох. / Постигание чудес, связанных с творениями, небывалых созданий и явлений, что случаются ночью и днем, обретение знаний о небесах и мире во взаимосвязи вышних и смешения низших со следами воздействия лучей вышних, и оказания ими необычного влияния — основополагающего принципа науки о талисманах/оберегах⁴¹, а также постижение природы низших созданий⁴², смеси разной природы, [определяющей характер], познание схождения [двух светил в одном знаке зодиака при их]⁴³ движениях как стремительном, так и медленном, и умеренном, и их отношения к буквам качеств⁴⁴, из которых выводимы четыре науки: белая магия⁴⁵, *лимийа*⁴⁶, *химийа*⁴⁷, *римийа*⁴⁸, постижение орфоэпического чтения Корана нараспев⁴⁹, [искусства] медленного, внятного чтения с соблюдением пауз, четким произнесением букв и правильностью произношения при чтении в тридцати [его] аспектах, половина из которых составляет достоинства чтения, а другая половина лишает его привлекательности, а также знание букв, их свойств, сочетаний, отношения каждой буквы ко всем буквам в целом — во всем этом был он непревзойденным светилом и авторитетом⁵⁰.

⁴¹ Эта наука (علم الطلسمات/طلسمات) определяется следующим образом в словаре Деххода (Фарханг-е Деххода): «Наука о талисманах/оберегах — это отрасль знания, посредством которой изучаются особенности смешения активной/действующей высшей силы с пассивной/воздействуемой силой низшей, что ведет к возникновению особого действия в мироздании» (пер. наш).

⁴² В оригинале: معرفة طبائع السفليات, у Ибрахими: شناختن طبیعت موجودات پائین (Ибрахими: 29).

⁴³ В оригинале: قران (без *мадды* над алифом), у Ибрахими: تقارن (Ибрахими: 29). Но у Мухаммада Рази: قرآن.

⁴⁴ В оригинале: نسبتها بحروف الصفات, у Ибрахими также во множественном числе: نسبت آنها (!) به حروف. Соответственно, если трактовка Мухаммада Рази верна, «их» должно относиться к разным видам «движения» при сближении светил. Относительно же самого понятия «буквы качеств» нам нигде в словарях и источниках пояснения найти не удалось, кроме чисто грамматического в словаре Деххода (Фарханг-е Деххода). В нем указывается, что حرف صفت означают «букву/буквы», графически отображающие суффикс или другой словообразовательный компонент, присоединение которого к существительному образует прилагательное.

⁴⁵ В оригинале: السيميا, в обоих персидских переводах: سيميا. Этот термин в персидско-русском словаре А. Гаффарова поясняется как «белая магия, чародейство...» (Гаффаров 1976) и возводится к греческому χημεία.

⁴⁶ В оригинале: الليميا (в персидском варианте: ليميا). Это искусство или отрасль тайного знания определяется в различных источниках по-разному. Согласно одному определению, *лимийа* — это наука, имеющая дело с воздействием воли и духа посредством связи с более сильными духами, например, ангелами. При этом указывается, что в результате такого «смешения» происходит соединение активной/действующей высшей силы с пассивной/воздействуемой низшей силой, производящее особый эффект. Но в таджикско-таджикском толковом словаре дается иное определение: «*Лимийа* — одна из средневековых наук, основанных на математике... она состоит из чисел и геометрии» (Шукуров и др. 1969).

⁴⁷ Эту область тайного знания (هيميا/الهيميا) определяют как науку, посредством которой познают семь небесных тел, по представлениям древних, кружащихся вокруг земли: Луну, Меркурий, Венеру, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн, и на основе этих знаний оказывают целенаправленное воздействие на процессы, происходящие на Земле.

⁴⁸ Данный вид искусства или отрасль тайного знания (ريميا/الريميا) определяется как чудотворство, основанное на знании сил земных субстанций (جواهر ارضيه) и особенностях смешения их друг с другом, посредством чего, в частности, возможно перемещение в пространстве на большие расстояния (например, вокруг Земли) за одно мгновение.

⁴⁹ См. о таком чтении (Халидов 1991: 220).

⁵⁰ Эта фраза — явный пример сложнейшего стиля, особенно в области синтаксиса, Сайида Казима Раши, независимо от языка его текстов — будь то арабский или персидский.

Он был настолько [выдающимся], что все чтецы Корана, которых приходилось нам видеть, признавали невозможным для себя достижение и десятой доли того, чем владел он, да возвысит Бог положение его, из знаний о написании Корана и начертании строк его текста. Ибо некоторые слова в нем имеют особые формы, которые не следуют нормам [а. 31, п. 15] известного письма. / [То же относится и к] другим знаниям: о применении исламских законов, о книге бытия, книге долженствования⁵¹, законодательной книге, о данном в откровении законе бытия и бытии по данному в откровении закону⁵², о науке весов⁵³ — взвешивании знаний на весах пяти чувств и взвешивании пяти чувств верной мерою, правильными весами⁵⁴, о частностях спекулятивного богословия⁵⁵ и о том, что потребно для него [из сведений] о сочетаниях созвездий, заключающих в себе разные уровни божественного предопределения⁵⁶ во взаимосвязи с устремлениями различных волей в каждом из них. [Обладал Шайх Ахмад] и другими познаниями, от упоминания части которых я удержался, а на другую часть указал. [К тому же], еще бóльшие его знания остались от меня сокрыты.

Несказанно удивительно и бесконечно поразительно то, что [Шайх Ахмад], да возвысит Бог положение его, укрепит его достоинство и вознесет ввысь его стяги в обоих мирах, извлекал все знания и тонкости сии из Книги и *сунны* и обосновывал их доводом мудрости, полемики и доброжелательного убеждения, и по каждому вопросу всех этих отраслей знания давал ссылку на однозначно понимаемый стих Корана и неоспоримое предание, как и приводил логическое доказательство в опоре на разум, озаренный светом данного в откровении закона, и пример из знамений мира зримого. Используемые [им] примеры относились к словам Всевышнего: «Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих, пока не станет им ясно, что это — истина»⁵⁷, «Приводит Бог притчи людям, но разумеют их только сведущие»⁵⁸, «Мы привели в этом Коране для людей всякие притчи, — человек более всего препирается!»⁵⁹. Дело это сложное, малодоступное и невыполнимое. И достигают [ступени] сей не иначе,

⁵¹ Под «книгой бытия» (араб. الكتاب التكوین/التكوینی, перс. کتاب تکوین = نظم هستی) разумеют существующее мироустройство, основанное на установленных Богом непреложных законах, не зависящих от воли человека и поэтому носящих объективный и «принудительный» по отношению к человеку характер. «Книга долженствования» (араб. الكتاب التتوین/التتوینی, перс. کتاب تتوین = نظم بایستی) понимается как свод нравственных законов и предписаний, направленных на достижение человеком совершенства. Их особенность состоит в том, что они предполагают сознательный выбор и волю человека к их соблюдению, поэтому носят не принудительный, а «рекомендательный» характер. Книга, в которой записаны все нормы, предлагаемые к соблюдению, толкуется как «законодательная книга» (араб. الكتاب التشریح/التشریعی). В более конкретном смысле «книга бытия» отождествляется с «миром, вселенной», а «книга долженствования» — с Кораном.

⁵² В оригинале: الشرع وجودی و وجود شرعی (Ибрахими: 29). Мухаммад Рази в своем переводе علم الوجود الشرعی опускает.

⁵³ В оригинале: علم المیزان. Слово *المیزان* имеет несколько значений. Оно может означать «весы справедливости» (об этом см.: Прозоров 2004: 167, примеч. 255), служить особым термином в алхимии (ср., например, трактат (ад-)Джалдаки Хурасани: كتاب البرهان فی اسرار علم المیزان «Книга доказательства относительно тайн науки весов») и др. Однако в данном контексте вся эта фраза представляется аллюзией на коранический стих 17:37(35): «И будьте верны в мере, когда отмериваете, и взвешивайте правильными весами».

⁵⁴ Ср. перевод Ибрахими: سنجیدن علوم به مشاعر و سنجیدن مشاعر به میزان قویم و ترازوی مستقیم (Ибрахими: 29).

⁵⁵ Возможно, подразумеваются основополагающие вопросы богословия (*ал-калам фи-л-джалил*) и «тонкости» (*ал-калам фи-д-дакик*) (см.: Прозоров 2004: 127).

⁵⁶ В оригинале: قضاء الله و قدره... В персидских переводах: قضا و قدر خدا (см.: Прозоров 2004: 86).

⁵⁷ Коран 41:53.

⁵⁸ Ср.: «Эти притчи Мы приводим людям, но разумеют их только сведущие» (Коран 29:42(43)).

⁵⁹ Коран 18: 52(54).

как люди, достойные особых благостей от Бога и явного водительства семейства Божьего⁶⁰. Если ты примешься отрицать что-либо из упомянутого мной, то его⁶¹ книги поведают тебе о том, его полные ясных доказательств записи свидетельствуют об этом. Образцы сохранившихся поныне некоторых его произведений повествуют тебе о том, что «наши труды указывают на нас».

Когда взглянули богословы Йезда и мастера словесности среди них на это непревзойденное достоинство, светило разносторонней учености, узрели они его совершенную набожность и то, что не обременял он никого и не оспаривал что-либо из того, чего придерживался другой, оставаясь при этом степенным, мужественным, признательным, благонравным, благородным, соединяя в себе знание и практику и воплощая любые похвальные качества. Тогда повиновались ему ученые, и признали его превосходство мистики, литераторы, одаренные красноречием, поэты, мастера ремесел, потому что был сведущ он в них⁶², например, в портняжном деле, ткачестве, плотничестве, изготовлении инструментов из железа, желтой меди, золота, серебра, в [а. 32] применении ковких и / нековких металлов, твердых и жидких полезных ископаемых. Не знаю, что сказать, и что из того, чем обладал он, описать, на какое совершенство указать. Света его не скрыть, и достоинств его не исчислить:

Если пришел бы ты к нему,
То увидел бы все человечество в одном лице,
Целую вечность в одном часе,
И [всю] землю в одном жилище⁶³.

Я сопровождал его⁶⁴, да возвысит Бог положение его, в пути и дома и не получал [п. 16] от него/о нем ничего, кроме самых благих вестей. День ото дня я заново утверждался в своей приверженности ему, росла моя уверенность в нем и в необходимости полагаться на него. Ибо постоянно был я очевидцем убедительных свидетельств, вразумительных и ясных доводов и совершенных доказательств, которые поражают умы и сердца. Не сомневаемся, что они от начала до конца — от Господа господ и от покровительства благих имамов, мир Божий им.

Город Йезд был в то время средоточием учености⁶⁵, рудником достойнейших и деятельных людей, таких как ал-Мулла Исма‘ил ал-‘Аква’и⁶⁶ — превосходный и совершенный муж, отрешенный от мира⁶⁷ *муджтахид*, источник [подражания]⁶⁸ для жите-

⁶⁰ В оригинале: *آل الله*, у Ибрахими: *محمد و آل محمد* (Ибрахими: 30), у Мухаммада Рази: *اولیای طاهرين*.

⁶¹ Т.е. Шайха Ахмада.

⁶² Т.е. в ремеслах.

⁶³ Часть стиха, авторство которого относят к поэту Абу-л-‘Ала’ ал-Ма‘арри. См. о нем (Прозоров 2004: 17).

⁶⁴ В оригинале: *صحبتہ*, в обоих персидских переводах сделан акцент не на сопровождении, а при служивании, ср. у Ибрахими: *ملازم آن بزرگوار بودم* (Ибрахими: 31).

⁶⁵ Букв.: ученых (богословов).

⁶⁶ Хотя речь идет о персе, артикли при имени сохранены, поскольку за основу настоящего перевода взят арабский оригинал, в котором имена фигурируют с артиклями. В персидских переводах артикли отсутствуют.

⁶⁷ В оригинале и переводах: *واصل*. В числе прочих значений этого слова в словаре Деххода указывается: *عارفی که از جهان و جهانیان منقطع گشته و به حقیقت رسیده است* «мистик, отрешившийся от мира и всего мирского/мирян, достигший истины» (Фарханг-е Деххода).

⁶⁸ В тексте: *مرجع*. Мы думаем, что подразумевается *مرجع التقليد* (см.: Прозоров 2004: 332).

лей города, их предводитель⁶⁹ и порука. Его постановление сопровождалось их повиновением, а его повеление подлежало исполнению. Он определял правовые аспекты данного в откровении закона в таких вопросах, как «смертная казнь», «отсечение [рук]», [а. 34] «штраф» и тому подобное. / Ему были присущи пронизательный ум и смелость в ведении дел. Никто из других не мог оспорить его повеление так, чтобы сделалось оно уязвимым.

Среди богословов⁷⁰ был и достойнейший, совершенный и отрешенный муж, объединявший в себе как познания в рационалистической науке, так и в передаваемой традиции, сведущий в частных вопросах вероучения и права и в их основах⁷¹, главенствовавший в исследованиях общих и частных, прославленный господин ал-Хаджж Раджаб 'Али⁷². Ибо являл он собой совершенного ученого, разносторонне эрудированного и умудренного во многих отраслях знания, и служил источником [подражания] в следовании большинству норм. Другим достойнейшим, проверенным [ученым] был Мирза 'Али Рида/Риза — превосходный и искушенный мастер словесности, сведущий в разных областях наук, особенно в лексикологии и иных филологических дисциплинах. Так же и прославленный господин, совершенный богослов и *муджтахид* ас-Саййид Хайдар. Были среди них⁷³ и непоколебимый авторитет, премудрый ал-Мулла Махди, и прославленный ученый, благородный и досточтимый господин ал-Мирза Сулайман, совершенный богослов ал-Мирза Мухаммад 'Али ал-Мударрис и другие выдающиеся богословы-знатоки рационалистической науки и передаваемой традиции, а из иных — отроки, учащиеся медресе, как то: досточтимый ал-Ахунд ал-Мулла Хусайн ал-Йазди, ал-Мулла Хусайн ал-Йазди, ал-Мулла Хусайн ал-Кирмани, ал-Мулла Абу-л-Касим и другие им подобные.

Все из них⁷⁴ покорились авторитету его⁷⁵ блистательной личности и признавали его выдающиеся достоинства и не превзойденные никем знания. Не было и двоих, что спорили бы между собой о его [искушенности] в теории и практике. Они оказывали ему [а. 35] предпочтение перед собой как первому среди них во всех / случаях, в которых требовалось предпочтение одному из богословов, как, например, во время пятничного *намаза*, на празднествах и при коллективных молитвах, во время похоронных обрядов, когда собирались все. Его слову отдавалось преимущество, оно было решающим при возникновении разногласий, а сам он выступал арбитром.

И распространилась весть о нем, да возвеличит Бог положение его, дела его стали известны повсюду, прославился он своими достоинствами в городах, так что узнал о нем монарх — Фатх 'Али-шах, да объемлет Бог его своим милосердием. И загорелся он желанием встретиться с [Шайхом Ахмадом], страстно захотелось шаху увидеть его, так как был он под сильным впечатлением от того, что услышал о широте познаний и выдающихся достоинствах [мужа того]. Написал он правителю Йезда отправить [Шайха Ахмада] к себе со всеми почестями и надлежащим уважением. Когда же довели до него [п. 17] просьбу монарха, он отказался ее принять и воздержался от поездки к нему.

⁶⁹ В оригинале: مقدمهم. Этим же словом передано у Мухаммада Рази. У Ибрахими: پیشوا — «лидер, вождь» (Ибрахими: 32).

⁷⁰ Букв.: них.

⁷¹ См. (Прозоров 2004: 305).

⁷² В тексте написано слитно: رجبعلى.

⁷³ Т.е. ученых.

⁷⁴ Т.е. вышеперечисленных лиц.

⁷⁵ Т.е. Шайха Ахмада.

Монарх, узнав об этом, вторично дал указание им⁷⁶, чтобы уговорили они [Шайха Ахмада]. И отправились к нему они, смиренные просители, чтобы заявить ему, что, если не обрадует он [шаха] своим согласием, они опасаются проистекающего из этого вреда. Когда [Шайх Ахмад] услышал это от них, то ответил [положительно] на их просьбу и настойчивый призыв и вознамерился отправиться в путь. Послали к нему в услужение выдающегося богослова, досточтимого ал-Мирзу ‘Али Риду/Ризу’⁷⁷, который находился в его обществе и опекал его до самого прибытия в монарший град — Тегеран.

Встретился [Шайх Ахмад] с шахом, и тот принял его с величайшими почетом и благоговением, определил ему местопребывание и сопряженное с ним и поселил его там. И все, кто находился в Тегеране из достигших совершенства богословов и обучающихся, / [а. 36] поспешили к нему на встречу с предельной учтивостью и уважением. Не было двоих, кои бы разошлись во мнении между собой о нем, ни один не высказался неодобрительно о [Шайхе Ахмаде], никто не упрекнул его.

Предложил ему шах остаться при нем⁷⁸ и перевезти свою семью из Басры в Иран для проживания в Тегеране. И ответил [согласием Шайх Ахмад], да возвеличит Бог положение его, на одну из двух частей предложения — переезд в Иран. Относительно же проживания в Тегеране, он не увидел в том необходимости, заявив [монарху] следующее: «Что до проживания там, где пребываешь ты, то — нет! Если поселюсь я там же, где и ты, какую из двух возможностей ты предпочтешь для меня? Хочешь видеть меня униженным пред собой или окруженным почтением? Но ведь унижение меня не достойно сана твоего. Что касается почтения, то оно недостижимо, так как монарх есть лицо, к которому обращены дела поданных. Столп монархии стоит не иначе, как на изъятии и наделении⁷⁹, казни и отсечении [частей тел], взимании и дарении. И если увидят люди, что ты внимаешь мне и слушаешь меня, то обратятся ко мне со своими потребностями и замыслами. Если откажу я им, то стану ненавистным им, если же соглашусь и доложу тебе то, что хотят они, то ты можешь поступить [двойко] — либо одобришь и сделаешь⁸⁰ всё, что желают они, либо нет⁸¹. Что до первой возможности, то не думаю, что поступишь так, полагая, что дела монархии придут в расстройство и нарушится порядок в [а. 37] государстве. / В таком случае стану я презренным [в глазах людей]. Посему, лучше для меня и тебя, чтобы поселился я в городе, удаленном от тебя. Все города — твои, и где бы ни был я, буду пред тобой».

И пришлось по вкусу [шаху] его благородные речи, и предоставил он тому право [п. 18] выбора места жительства. И избрал он Йезд, чтобы поселиться там, и возвратился туда. И повелел монарх некоему человеку отправиться в Басру и перевезти оттуда семью [Шайха Ахмада] с почтением и уважением. Обрел он в Йезде приют и длительное время — более пяти лет провел он в наилучших условиях, предаваясь обучению, распространению знаний, являя чудеса.

И вот получило известность в народе, что некоторые из излагаемых им положений — туманны. Люди стали одержимы ими, посчитали их чуждыми. Тогда [Шайх

⁷⁶ Т.е. правителю и чиновникам Йезда.

⁷⁷ В оригинале и переводах два последних имени написаны слитно.

⁷⁸ Т.е. при шахе.

⁷⁹ В оригинале: *بقبض و بسط*, у Ибрахими: *به گرفتن و دادن* (Ибрахими: 32).

⁸⁰ Букв.: одаришь.

⁸¹ У Ибрахими здесь стоит вопросительный знак, т.е. фраза воспринимается им как вопрос.

Ахмад], да возвеличит Бог положение его, поручил кому-то взойти на *минбар*⁸² и обратиться с такой проповедью:

«О люди! Воистину, у знания есть внешнее и внутреннее⁸³ содержание. И оба они согласуются друг с другом, не вступая в противоречие. Не опровергается внешнее на основе внутреннего, а внешняя форма — образом истинного содержания. Как изрек наш господин ас-Садик⁸⁴, мир ему, „поистине, люди уверовали во внешнее и отказались от внутреннего. Не принесла им никакой пользы их вера. И подлинно, были люди, что уверовали во внутреннее и отказались от внешнего. Не принесла [и] им никакой пользы [а. 38] их вера. Не бывает веры во внешнее без / внутреннего“.

О люди, поистине уполномочил досточтимый Посланник, да пребудет благодать Божья и мир на нем и на его семье, людей внешнего исполнять⁸⁵ то [из внешнего]⁸⁶, чем обладают они. И не сокрыл ничего, не поступил с ними вероломно и не уполномочил их исполнять ложное. Огради Господь от сего и еще раз огради! Посему, то из слов, действий и убеждений, по которым достигли единого мнения люди внешнего, — истинно, и нет ни сомнения, ни колебания в том. Следовательно, то из внутреннего и таинственного, что согласуется с внешним, соответствует, не противоречит ему и не опровергает его, есть несомненная и непреложная истина. А такое внутреннее, что противоречит внешнему, опровергает его, [как если бы одно] было положительным, а другое отрицательным, есть ложь. Надлежит сторониться его, недозволительно внимать ему, так как противоречит оно действительности, и есть оно уличение во лжи Бога, да славится Он, и Его Посланника. Итак, лишь только то [слово] из тайного и явного, что приписывают мне, [считайте вы действительно] сказанным мной, что согласуется с убеждениями в вопросах внешнего, кои присущи праведной и спасающейся общине. То же, что противоречит [убеждениям] в вопросах внешнего праведной и спасающейся общины, не есть мое слово, не произносил я его. Боже, упаси от таких слов и убеждений, непричастен я им, как непричастны им Бог и Посланник!

О люди! Не пререкайтесь между собой, а то погибнете, не вступайте в распри и раздоры, а то ослабеете духом, и улечутся ваша сила! Терпите, ибо Бог с терпеливыми!»

Тут спустился оратор с *минбара*. Успокоились души, умиротворились чувства, [а. 39] [появилось] осознание мерила, / открылись людям ясная истина и те искушения для умов, в которые ввел их лукавый. Утвердились они в положении сем, и неизменно возрастала известность [Шайха Ахмада], и крепла в сердцах [людей] любовь к нему.

Трижды отправлялся в Мешхед учитель наш и господин к ‘Али б. Мусе ар-Риде/Ризе⁸⁷, мир им обоим, и собирались вокруг него богословы Мешхеда, те авторите-

⁸² *Минбар* — трибуна для проповедника в соборной мечети.

⁸³ Т.е. экзотерическое и эзотерическое.

⁸⁴ Т.е. шестой шиитский имам — Абу ‘Абд Аллах Джа‘фар б. Мухаммад ас-Садик.

⁸⁵ Мухаммад Рази добавляет: *بدون تغییر* «без изменений». Он также передает значение глагола следующим образом: *مستقر و مامور کرد*.

⁸⁶ В обоих персидских переводах «из внешнего» стоит в самом тексте. У Ибрахими: *بهمان ظاهری که* (Ибрахими: 36), у Мухаммада Рази: *از ظاهر داشتند*. В оригинале прямое указание на «внешнее» отсутствует.

⁸⁷ Восьмой шиитский имам. См. о нем (Прозоров 2004: 163, примеч. 253 и др.).

ты, к которым обращались по частным и основным вопросам. Были они, да славится положение их, настолько именитыми и известными, что из-за общепризнанности их заслуг нет надобности [подробно] останавливаться на их личностях. Это — непревзойденные, почтенные братья ал-Мирза Хидайат Аллах, ал-Мирза Да'уд, ал-Мирза 'Абд ал-Джавад, их бесподобный и глубокоуважаемый дядя, светило среди богословов — ал-Ака Абу Мухаммад, прославленный господин и превосходный учитель, выдающийся богослов и аскетичный богомолец, досточтимый ал-Мирза Ма'сум и иные из знатных богословов. [Они] признали первенство почтенного Шайха⁸⁸, да возвеличит Бог положение его и позволит сиять его доводу, превозносили и восхваляли его, выказывали ему уважение, прославляли и чествовали его, отдавая дань его достоинствам и обильным знаниям. Так же и другие богословы, учащиеся и ученики, находившиеся на [а. 40] территориях, прилегающих к священному граду — Мешхеду и святыням. / Ни разу не выразили они ничего, что не соответствовало бы уважению к нему или превознесению его.

Затем, когда вернулся он в Йезд, то вознамерился отправиться в Ирак, откликаясь на призыв Повелителя верующих ['Али], мир ему, которого увидел во сне⁸⁹. День его отъезда с семьей и домочадцами из обители богопоклонения [Йезда] стал тягостным днем для жителей города того, омрачились сильно их сердца и постигла их глубокая печаль. Хитростями и увещаниями пытались они воспрепятствовать его отъезду, [полагая], быть может, останется [Шайх Ахмад], да возвеличит Бог положение его, с ними, так как в нем было благословение их и неизменное процветание. Но не принесли плода ухищрения те и уловки. Уехал он от них, оставив их рыдающими, омраченными и сокрушающимися. Никто не был доволен, когда узнавал о его отъезде.

Выехал он [и находился в пути], пока не прибыл в Исфахан. Все население Исфахана сподобилось предстать пред ним, особенно богословы, правители⁹⁰ и вельможи того города устроили ему наилучший прием⁹¹, превозносили и восхваляли его наилучшим образом. Никто не порицал его и не отозвался о нем дурно.

Город Исфахан в те времена, как и в наши дни, был сердцем Ирана, средоточием наилучших ученых мужей, рудником достойнейших людей, [сведущих] как в рационалистической науке, так и в передаваемой традиции. Зеленел в нем в ту пору [а. 41] цветник / знаний, процветал⁹² мистицизм. И были в нем такие знатные богословы, правоведы (*факихи*) и философы-мудрецы, что язык немеет при описании их, бесценен разум при осмыслении граней их выдающихся дарований. Это — досточтимый высочайший господин, благороднейший и авторитетный, источник для подражания рода человеческого, доказательство Ислама (*худжжат ал-ислам*), прибежище и старого, и [п. 20] молодого, ас-Саййид Мухаммад Бакир, также выдающийся, деятельный и совершенный богослов, непревзойденный эрудит своей эпохи, не знающий равных среди современников, наделенный величайшим и проницательным умом, милостивый господин и покровитель Хаджж Мухаммад Ибрахим, по прозвищу Карбаси⁹³, также деятельный, выдающийся, совершенный богослов, набожный и благочестивый аш-Шайх

⁸⁸ Т.е. Шайха Ахмада.

⁸⁹ Букв.: в мире сновидений.

⁹⁰ В тексте: حکام.

⁹¹ Так в оригинале и в версии Ибрахими. У Мухаммада Рази иначе: خصوصاً علما و حکام و اعيان أشهر: «...удостоились чести встретиться с выдающимся [Шайхом]». شرف ملاقات انبزرگوارا درک نموده

⁹² Букв.: базарная площадь была жаркой — персидская идиома.

⁹³ Так в оригинале и у Ибрахими, у Мухаммада Рази: Калбаси.

Мухаммад Таки, также непоколебимый и верный авторитет, выдающийся богослов, предводитель добросовестных богословов ал-Мирза Бакир ан-Навваб, также великий философ, благожелательный и наделенный пронизательным умом и достоинством богослов, высокочтимый господин и покровитель ал-Мулла ‘Али ан-Нури, также совершенный богослов ал-Мулла Мухаммад ‘Али ан-Нури, выдающийся и преславный ал-Мулла Исма‘ил, по прозвищу Вахид ал-‘Айн, высокочтимый, блистательный, светлейший ал-Мулла ‘Али Акбар, достойнейший господин, пользующийся величайшей властью ал-Ака [а. 42] Мир Мухаммад Хусайн Султан ал-‘улама и другие из / великих богословов и выдающихся и почтенных [мужей], к которым обращались всякий раз для аннулирования и подтверждения судебного решения.

Все те великие люди обходились с прославленным Шайхом, знаменитым и благородным, наилучшим образом, выказывая ему предельное уважением и почтительное отношение. Были они покорны слову его в любом вопросе и на любую тему, переписывали его сочинения и книги, превозносили их достоинства и ценность и расхваливали их повсюду. С неиссякаемым красноречием рассуждали они о его⁹⁴ заслугах и доблестях. Среди них получило известность⁹⁵ большинство его книг, особенно, «Шарх аз-зийара ал-джами‘а»⁹⁶ и другие из его сочинений и ответов на вопросы. Не обнаруживали они в них ни изъяна, ни ошибки. И это при том, что [Шайх Ахмад], да возвеличит Бог положение его, по большинству вопросов противоречил философам—приверженцам «метафизики озарения»⁹⁷, стоикам⁹⁸ и перипатетикам⁹⁹ и настаивал на ложности их [взглядов] и искоренении их построений¹⁰⁰. Философы [же], что находились в Исфахане, все были носителями и распространителями этих идей¹⁰¹. Несмотря на это, ни один из них не дерзнул придрасться к какому-либо из его высказываний или утверждений¹⁰². Самое большее, на что [решились они], — это заявить, что смысл один и тот же, и усмотрели расхождение [лишь] в языке¹⁰³. Не сомневались [а. 43] они в том, что / всё, чего придерживается господин наш, Шайх, — истинно, но уверяли, что именно это и изрекают философы.

Если подвести итог, все они подтверждали и удостоверяли истинность его [убеждений], признавали его достоинства, и никто не высказал ни одного упрека, и ни закралось ни в чье сердце сомнения относительно его. Спросили как-то высокочтимого господина ал-Мулла ‘Али ан-Нури о том, как соотносится его¹⁰⁴ ранг с рангом покойного Ака Мухаммада ал-Бидабади. И ответил тот, снискавший милость Божью: «Выделение одного [из двух] возможно при достижении самим выделяющим ранга

⁹⁴ Т.е. Шайха Ахмада.

⁹⁵ Мухаммад Рази добавляет: «и одобрение».

⁹⁶ «Шарх аз-зийара ал-джами‘а ал-кабира» — «Толкование на пространную молитву, произносимую во время паломничества у шиитских святынь». Данное сочинение — одно из основополагающих произведений Шайха Ахмада Ахса‘и.

⁹⁷ В тексте: الحكماء الاشرافيين.

⁹⁸ В тексте: رواقيين.

⁹⁹ В тексте: مشائين.

¹⁰⁰ Так в оригинале и у Ибрахими (у последнего с добавлением: «...построений этих сект/школ»). У Мухаммада Рази: و در رد و ابطال اقوال انها اصرار کرده «настаивал на развенчании их изречений».

¹⁰¹ У Мухаммада Рази: «признавали эти положения», т.е. те положения (идеи), которые развенчивал Шайх Ахмад.

¹⁰² У Мухаммада Рази: نكرند ... انكار «не дерзнул отрицать или опровергнуть...».

¹⁰³ У Мухаммада Рази мысль выражена точнее: در اصطلاح «в терминах».

¹⁰⁴ Т.е. Шайха Ахмада.

их обоих. Я же ниже по положению, чем они, не достиг их ступени в части достоинств и знаний. Как могу я отдавать предпочтение [одному]?»

Вкратце, провел [Шайх Ахмад] сорок дней среди них, пользуясь у них неизменным [п. 21] уважением и высочайшим почтением. / Не отрицали они ни его выдающихся заслуг, ни положения в науке. Затем выехал он от них. Хотели они, чтобы он остался при них, сожалели о расставании с ним и желали пребывания под его покровительством вблизи него. Но не могли они докучать Шайху своими просьбами и настаивать, чтобы он остался с ними, поскольку были осведомлены о повелении, [данном ему] в сновидении¹⁰⁵ и о встречающих его лицах, уполномоченных принцем¹⁰⁶. «Не всегда получаешь то, чего желаешь»¹⁰⁷.

В итоге, когда отъехал [Шайх Ахмад] и подъезжал к Керманшахану¹⁰⁸, встретил его великородный принц¹⁰⁹ во главе процессии, а с ним — великое множество народу. / [а. 44] Затем сопроводили они его со своими спутниками в город с величайшим почтением и торжественностью. Вышли ему навстречу все городские богословы, управляющие, знать и важные особы, пока он въезжал в город. [Принц] упрасивал его и домогался того, чтобы тот остался с ним. Но поскольку [Шайху Ахмаду] было велено¹¹⁰ сподобиться посещения порога [гробниц] благодатных имамов, то не согласился он [задержаться], кроме как по возвращении из паломничества к достославным святыням. [Принц] снабдил его всем потребным для этого, и пустился [Шайх Ахмад] в путь для целования высочайшего порога [священных гробниц].

Возвратился он в Керманшахан, и встретил его принц¹¹¹ подобающим образом. И обосновался он в нем и провел среди его богословов длительное время, много лет. [Все] были единомышленны [в признании] его достоинств, славы, высоты положения, превосходства, аскетизма, благочестия, набожности, отрешенности от сего мира и усердия в том, что потребно для приближения и приобщения к Богу. Никто не высказывался [о нем] дурно¹¹². Из тех именитых богословов, выдающихся, благородных и славных мужей были четверо братьев, что являли собой правило пропорций между достоинствами, знаниями, руководством, саном, почетным положением и добросовестностью. Это — сияющее светило, блистательнейший богослов ал-Ака Мухаммад Джа‘фар, совершенный, достохвальный, снискавший [Божью] поддержку богослов ал-Ака Ахмад, славный и благородный богослов ал-Ака Мухаммад Исма‘ил, совершенный, выдающийся богослов, стяжавший непреложный авторитет и подкрепленный Божьими щедротами и приязнью [а. 45] ал-Ака Махмуд. Они — дети просвещеннейшего / ученого мужа, величайшего господина и наставника ал-Ака Мухаммада ‘Али, сына общепризнанного учителя и всеобщего источника для подражания в большом и малом, известного своими дости-

¹⁰⁵ См. выше.

¹⁰⁶ Ибрахими поясняет в сноске: покойный царевич — Мухаммад ‘Али Мирза (Ибрахими: 41).

¹⁰⁷ Арабская пословица.

¹⁰⁸ В оригинале и у Мухаммада Рази — Керманшахан, у Ибрахими — Керманшах.

¹⁰⁹ Так в оригинале и у Ибрахими. У Мухаммада Рази встретил не сам царевич, а «уполномоченные царевича» (نواب شاهزاده).

¹¹⁰ Имамом ‘Али в сновидении (см. выше).

¹¹¹ Так в оригинале и у Мухаммада Рази. И Ибрахими вместо «царевича» указано «население города» (Ибрахими: 42).

¹¹² В оригинале: لم ينكر احد, отсутствующее в обоих персидских переводах. И Лейн, и Гиргас в числе значений этого глагола помимо «хвалить, славить» приводят и противоположное им значение: «to speak evil of smb.», «говорить дурно, порицать» (Arabic-English Lexicon 1955–1956; Гиргас 2006).

жениями и заслугами, ал-Ака Мухаммада Бакира ал-Бихбихани¹¹³, да обвинет его Бог своею милостью и упокоит в Своем раю! И другие прославленные богословы, проживавшие в городе том, вместе со всеми учащимися, занятыми обретением знаний, обходились с [Шайхом Ахмадом] наилучшим образом и отводили ему почетнейшее место в своих рядах. И был он у них неизменно чтим и уважаем. Никто не злословил о нем и не отзывался пренебрежительно.

В бытность свою в Керманшахане неоднократно ездил [Шайх Ахмад] на паломничество к [гробницам] имамов в Ирак и в каждую поездку встречался с [п. 22] богословами и выдающимися людьми¹¹⁴, пребывавшими у святого порога, такими как владыка славной опоры, великий и благородный господин, носитель знаний о божественном откровении [в Коране]¹¹⁵, *муджтахид* в полном смысле слова¹¹⁶ в глазах оппонентов и единомышленников, подкрепленный тайно и явно Божьими щедротами, наш глава Мир Саййид ‘Али ат-Табатаба’и, также непревзойденный и подкрепленный [Божьими щедротами] достохвальный господин ас-Саййид ‘Али Мухаммад, также шайх, великий и надежный наставник, неуязвимый богослов аш-Шайх Хасан б. аш-Шайх Мухаммад ‘Али Султан, также превосходнейший шайх и безупречнейший богослов [а. 46] аш-Шайх Халаф ибн ‘Аскар. Богословы те пребывали вблизи [гробницы] Господина мучеников¹¹⁷, приветствие ему и хвала!

Были [среди них] и другие [мужи] из проживавших в величественном Наджафе — славнейшие и благороднейшие шайхи и богословы, дети нашего достохвального шайха и совершеннейшего, благороднейшего и непорочного господина¹¹⁸ аш-Шайха Джа‘фара, также славный богослов, свободный от любых изъянов, средоточие гордости и чести аш-Шайх Хусайн Наджаф, также славный шайх, блистательный и благоденствующий богослов аш-Шайх Хидр/Хизр Шалал¹¹⁹, а также непорочный господин, ярчайший свет и ослепительнейшее сияние полнолуния, средоточие достоинства и величия, объединяющее ступени знания и практики, постигшее глубины книг бытия и долженствования¹²⁰, ас-Саййид Бакир ал-Казвини и другие из непорочных богословов и выдающихся мужей, которым тысяча приветствий и тысячекратная честь.

[Были среди них] и проживавшие у гробницы нашего господина и наставника ал-Казима¹²¹, мир ему, другие непорочные саййиды и выдающиеся мужи — блистательнейший саййид ас-Саййид Рида/Риза аш-Шаббар¹²², также прославленный ученый саййид, автор многочисленных известных сборников преданий и общепризнанных сочинений, сострадательный¹²³ саййид — ас-Саййид ‘Абд Аллах Шаббар, также ученый саййид,

¹¹³ Ал-Ака Мухаммад Бакир ал-Бихбихани — известный шиитский богослов (1706–1783). См. о нем (Прозоров 2004: 305).

¹¹⁴ У Мухаммада Рази: «и в каждую поездку встречался со всеми богословами...».

¹¹⁵ В тексте: التزليل (см.: Прозоров 2004: 298, 320–321).

¹¹⁶ В тексте: المجتهد المطلق. Очевидно, المجتهد здесь — синоним الكامل, переводимый как «совершенный, полный» (Боголюбов 1991б: 92).

¹¹⁷ Эпитет имама ал-Хусайна.

¹¹⁸ У Ибрахима здесь и в других местах многие эти почетные титулы опущены или заменены более простыми.

¹¹⁹ Мы не уверены относительно огласовок этого имени.

¹²⁰ См. об этих терминах выше.

¹²¹ Речь идет о Казимайне, как и переведено Мухаммадом Рази. Ал-Казим (Абу Ибрахим Муса б. Джа‘фар ал-Казим) — седьмой шиитский имам.

¹²² Здесь и ниже транскрипция этого имени условна.

¹²³ В тексте: الارواه — «сострадательный». Так переведено это слово Г.С. Саблуковым и И.Ю. Крачковским в Коране 9:115(114).

выдающийся труженик¹²⁴, господин и наставник ас-Саййид Лутф ‘Али¹²⁵, а также видные саййиды, выдающиеся, почтенные, благородные и знаменитые мужи — верный [а. 47] господин / ас-Саййид¹²⁶ Хасан, достохвальный саййид, идущий прямым путем, ас-Саййид Мухаммад, два сына прославленного и испытанного саййида, блистательного господина ас-Саййида Мухсина, также ученый саййид ас-Саййид Хашим ибн ас-Саййид Ради/Рази, а также блистательнейший шайх, благороднейший и сострадательный господин, превосходнейший богослов аш-Шайх Асад Аллах и другие богословы.

Эти видные ученые, выдающиеся и почтенные мужи, [проживавшие] у тех гробниц, повсеместно, где бы ни располагался наш господин и шайх, превозносили, славили, восхваляли его, признавали его высочайший уровень и достойнейшее положение. Особое красноречие в славословии проявил главный¹²⁷ саййид ал-Мир Саййид ‘Али, да упокоит его Бог. Он называл [Шайха Ахмада] ученым-богословом от Господа и изумлялся объемом его знаний в науках и гнозисе во всех их видах, говоря, что такое, несомненно, благодаря поддержке Живого, Непокоримого [Господа]¹²⁸.

Во время пребывания у гробницы [имама] ал-Хусайна вел занятия [Шайх Ахмад], да возвысит Бог положение его, в святом шатре, разъясня «ар-Рисала ал-‘илмийа» ал-Муллы Мухсина ал-Кашани¹²⁹. И присутствовали на занятиях богословы, учащиеся и [а. 48] ученики. / Все языки славили его и превозносили его совершенства, всеохватные знания, проникновение в истинную сущность вещей и следование по стезе правоверных имамов. Никто не высказался о нем недоброжелательно, и ни один не дерзнул отозваться [п. 23] о нем недостойно.

[Однажды] принесли упомянутому досточтимому саййиду¹³⁰, да обнимет Бог его Своею милостью, некоторые труды из числа сочинений Шайха [Ахмада], говоря ему: «Взгляни и скажи, что сочтешь ты в них истинным, а что ложным». И взял тот их, и держал у себя [пару] дней, и принес их назад на третий день, воздев руки к небу и призывая в свидетели Бога, Посланника Бога, да пребудут над ним благодать Божья и мир, Повелителя верующих, лучезарную Фатиму и других имамов. Называя каждого поименно, он клялся ими, что постижение возвышенной тематики трудов тех и воплощенных в них величественных замыслов не в его компетенции. «Вопросы эти выходят за пределы моей сферы. Не ведаю я ничего, кроме основ вероучения и права. Ужели способен я окунуться в такие бездонные пучины, в которых потонуло столько судов?» — [заклучил он].

В одно из паломничеств к имамам [в] Ираке, мир им, случилось [Шайху Ахмаду] встретиться с великодушным просвещенным богословом, ученым — обладателем океана познаний, гордостью искателей истины, примером для подражания *муджтахидов*, [а. 49] господином величайших мужей ал-Мирзой Абу-л-Касимом ал-Кумми, / и был принят им с высочайшим почтением и уважением. Тот признал его выдающиеся заслуги, так как видел воочию некоторые его сочинения в области исламского права.

¹²⁴ В тексте: الحاسم. В числе значений этого корня в словаре Лейна указано: he strove, laboured, toiled, exerted himself, wearied himself in work (Arabic-English Lexicon 1955–1956).

¹²⁵ В тексте написано слитно.

¹²⁶ В оригинале написано с ошибкой: اليد. В переводах без ошибки.

¹²⁷ Букв.: первый.

¹²⁸ В оригинале: الحى القيوم. У Ибрахими: خداوند (Ибрахими: 44), у Мухаммада Рази: بارى.

¹²⁹ Мулла Мухсин ал-Кашани (ум. 1680) — шиитский богослов, исследователь *хадисов* и экзегет. См. о нем (Прозоров 2004: 304).

¹³⁰ Ибрахими уточняет — Мир Саййиду ‘Али. У Мухаммада Рази: Ака Саййиду.

Таким же образом встречался [Шайх Ахмад] и с блистательным шайхом, благородным богословом, выдающимся мастером разделения и соединения, главенствующим среди собирателей *хадисов*, проникающим зеркала явлений, досточтимым аш-Шайхом Хасаном, сыном покойного аш-Шайха Хусайна Ал 'Усфура¹³¹, да одарит его Бог Своим расположением. Он, да поможет ему Бог и продлит его годы, по сегодняшней день проявлял особое красноречие в [превознесении] его достоинств и положения во всем его блеске.

Продолжение следует.

Литература

- Боголюбов 1991а — *Боголюбов А.С.* «Ал-иджма'» // Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Милославского, Ю.А. Петросяна, М.Б. Пиотровского, С.М. Прозорова (отв. секретарь). М.: Наука, 1991. С. 91.
- Боголюбов 1991б — *Боголюбов А.С.* «Иджтихад» // Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Милославского, Ю.А. Петросяна, М.Б. Пиотровского, С.М. Прозорова (отв. секретарь). М.: Наука 1991. С. 91–92.
- Бойко 1991 — *Бойко К.А.* «Хадис» // Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Милославского, Ю.А. Петросяна, М.Б. Пиотровского, С.М. Прозорова (отв. секретарь). М.: Наука, 1991. С. 262–263.
- Гаффаров 1976 — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. I–II. М.: Наука, ГРВЛ, 1976.
- Гиргас 2006 — *Гиргас В.Ф.* Арабско-русский словарь к Корану и хадисам / Переизд. подгот. С.М. Прозоров и М.Г. Романов. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2006.
- Ибрахими — *ал-Хаджж Сайид Казим ар-Раити.* Далил ал-мутахаййирин. Тарджума: Зайн ал-'абидин Ибрахими. Чап-и дуввум. Кирман: Чапхана «Са'адат», [б. г.].
- Иоаннесян 2022 — *Иоаннесян Ю.А.* «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 1 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (вып. 49). С. 5–19. DOI: 10.55512/WMO106542.
- ал-Кулини 1363 — *ал-Кулини аш-Шайх.* Ал-Кафи [ал-Кафи фи 'илм ад-дин]. Дж. 1. Тегеран, 1363.
- Прозоров 2004 — *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.
- Сайид Казим Рашти 1859 — *Сайид Казим Раити.* Далил ал-мутахаййирин. [Маджму'а, Табриз] 1276/1859. Литография Рк 213 из собрания ИВР РАН (без пагинации).
- Фарханг-е Деххода — *Фарханг-е Деххода* (online). <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%B7%D9%84%D8%B3%D9%85%D8%A7%D8%AA>
- Халидов 1991 — *Халидов А.Б.* «Ат-Таджвид» // Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Милославского, Ю.А. Петросяна, М.Б. Пиотровского, С.М. Прозорова (отв. секретарь). М.: Наука, 1991. С. 220.
- Шукуров и др. 1969 — *Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Хошим Р., Маъсуми Н.А.* Фарханги забони тоҷикӣ (аз асри 10 то ибтидои асри 20) [Словарь таджикского языка (с X по XX в.)]. Ч. 1. М., 1969.
- Arabic-English Lexicon 1955–1956 — *Arabic-English Lexicon* by E.W. Lane; Stanley Lane-Poole. New York: Fredrick Ungar, 1955–1956.

References

Arabic-English Lexicon by E.W. Lane; Stanley Lane-Poole. New York: Fredrick Ungar, 1955–1956 (in English).

- Bogolyubov, Alexei S. “Al-ijma’”. In: *Islam. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam. An Encyclopedic Vocabulary]. Ed. by G.V. Miloslavskii, Y.A. Petrosyan, M.B. Piotrovskii, S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1991, p. 91 (in Russian).
- Bogoliubov, Alexei S. “Ijtihad”. In: *Islam. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam. An Encyclopedic Vocabulary]. Ed. by G.V. Miloslavskii, Y.A. Petrosyan, M.B. Piotrovskii, S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1991, p. 91–92 (in Russian).
- Boyko, Konstantin A. “Hadith”. In: *Islam. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam. An Encyclopedic Vocabulary]. Ed. by G.V. Miloslavskii, Y.A. Petrosyan, M.B. Piotrovskii, S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1991, p. 262–263 (in Russian).
- Girgas, Vladimir F. *Arabsko-Russkii slovar’ k Koranu i hadisam* [An Arab-Russian Dictionary to the Koran and Hadiths]. Prepared for publication by S.M. Prozorov and M.G. Romanov. SPb.: Dila, 2006 (in Arabic and Russian).
- Farhang-e Dehkhoda* (online) [The Dictionary by Dehkhoda] <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%B7%D9%84%D8%B3%D9%85%D8%A7%D8%AA> (in Persian).
- al-Hajj Sayyid Kazim ar-Rashti. *Dalil al-mutahayyirin* [A Guide for the Perplexed]. Tarjuma: Zayn al-‘abidin Ibrahimi. Chap-i duvvum [Translated by Zayn al-‘abidin Ibrahimi. Second edition]. Kirman: Sa‘adat (in Persian).
- Hajj Sayyid Kazim ar-Rashti. *Dalil al-mutahayyirin* [A Guide for the Perplexed]. At-Tab‘ as-sani [Second Edition]. Kirman: “Sa‘adat” (in Arabic).
- Ioannesyan, Youli A. “‘A Guide for the Perplexed’ by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 1”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 2 (iss. 49), pp. 5–19 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO106542.
- Khalidov, Anas B. “At-Tajvid”. In: *Islam. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam. An Encyclopedic Vocabulary]. Ed. by G.V. Miloslavskii, Y.A. Petrosyan, M.B. Piotrovskii, S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1991, p. 220 (in Russian).
- al-Kulini, al-Shaykh. *Al-Kafi* [Al-Kafi]. Vol. 1. Teheran, 1363 (in Arabic).
- Prozorov, Stanislav M. *Islam kak ideologicheskaya sistema* [Islam as an Ideological System]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004 (in Russian).
- Sayyid Kazim Rashti. *Dalil al-mutahayyirin* [A Guide for the Perplexed]. [Majmu‘a, Tabriz] 1276/1859. A lithographical volume from the IOM collection, code number: Pk 213 (in Persian).
- Šukurov M.Š., Kapranov V.A., Xošim R., Ma’sumi N.A. *Farhangi Zaboni Tojiki* (az asri 10 to ibtidoi asri 20) [The Tajiki Language Dictionary (10th–20th Centuries)]. Vol. 1. Moscow, 1969 (in Tajiki).

“A Guide for the Perplexed” by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian Part 2

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 20.04.2022.

Abstract: The article presents another part of our Russian translation (with an introduction and commentaries) of the valuable treatise, *Dalil al-mutahayyirin* (“A Guide for the Perplexed”), by Sayyid Kazim Rashti, one of the founders of the Shaykhi school. The work is dated 1842. The translation is made from the Arabic original, with its two Persian versions taken into account.

Key words: Shi'ah schools, Shaikhism, Sayyid Kazim Rashti.

For citation: Youli A. Ioannesyan. “‘A Guide for the Perplexed’ by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 2”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 5–24 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109680.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, the Department of Middle and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

Аргументация мадхьямаки против понятия движения

С.Л. БУРМИСТРОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109679

Статья поступила в редакцию 24.03.2022.

Аннотация: Понятие движения в мадхьямаке понимается как пустое (не имеющее референта в реальности) в силу того, что любое изменение, включая и изменение положения предмета в пространстве, есть порождение непросветленного сансарического сознания. Учение мадхьямиков о движении не раз сравнивали с воззрениями античной философской школы элеатов, тоже считавших движение логически невысказанным. Но если у элеатов истинное бытие есть покой, то в мадхьямаке пустым оказывается также и понятие покоя, ибо оно соотносено с понятием движения и не имеет смысла без него. Согласно аргументации Нагарджуны и его комментатора Чандракирти, движение не имеет места ни в том отрезке пространства, который уже пройден, ни в том, который еще не пройден, а сам движущийся субъект понимается как точка, не имеющая пространственного протяжения, а значит, лишенная внутреннего движения. Кроме того, мадхьямики противопоставляют субъект движения, пространство и собственно движение, полагая их существующими (на уровне относительной истины) независимо друг от друга, что приводит к логическим противоречиям и тем самым демонстрирует пустоту этих понятий. Истинную суть движения можно было бы описать словами, если бы мы уже знали ее, а приблизиться к ее пониманию мы можем только посредством слов и понятий. Всё это образует логический круг, и выходом из него может быть только просветление и обретение знания истинной реальности.

Ключевые слова: религиозно-философские системы древней и средневековой Индии, буддизм, мадхьямака, элеаты, движение, пространство, сансара.

Для цитирования: *Бурмистров С.Л.* Аргументация мадхьямаки против понятия движения // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 25–37. DOI: 10.55512/WMO109679.

Об авторе: БУРМИСТРОВ Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

© Бурмистров С.Л., 2022

Вопрос о природе движения ставился в истории философии неоднократно, и решения относительно сущности этого явления предлагались различные, включая и полное отрицание возможности движения как понятия. Значение этой темы для исто-

рико-философского исследования состоит в том, что ее изучение позволяет раскрыть понимание не только природы движения в собственном смысле слова, — а значит, приблизиться и к пониманию того, как мыслители древности смотрели на природные процессы и явления, — но и выявить особенности понимания пространства.

Переход от ритуалистического понимания пространства как области, расчерченной границами, пересечение которых должно сопровождаться определенными обрядами для сохранения этих границ целыми, к пониманию метафизическому, при котором пространство виделось уже как свободное от имманентно присущих ему разграничений, не имеющее структуры, предполагал изменение восприятия границ: они уже не составляли часть вселенского порядка, нарушение коего может привести к необратимому разрушению мира, а были лишь человеческими установлениями и воспринимались как проведенные более или менее произвольно, в зависимости от решений людей, а не богов или каких-то других сверхъестественных инстанций. В философии буддизма махаяны любые вообще границы воспринимались как порождение непросветленного сознания: истинная реальность свободна от любых разграничений, включая даже границу между нирваной и сансарой. Всё это вполне касалось и представлений мыслителей махаяны о пространстве и движении. Особенный интерес в связи с этим представляют, естественно, «Коренные строфы о Срединном пути» (*Mūla-madhyamaka-kārikā*, далее — ММК) Нагарджуны (II–III вв.) — основополагающий текст философии мадхьямаки, исторически первой философской школы буддизма махаяны.

С точки зрения мадхьямаки все понятия пусты — не ложны, а именно пусты, т.е. не имеют и в принципе не могут иметь никакого референта в реальности. Истинная реальность неопишима и не может быть постигнута непросветленным сознанием и тем более — не может быть каким бы то ни было образом представлена в языке или любой другой знаковой системе, ибо любая такая система ограничена и всю полноту истинной реальности не вместит. Можно, конечно, говорить о реальности на уровне относительной истины или повседневного словоупотребления (*saṃvṛtti-satya*). Здесь существуют и различия, и границы, и время, и пространство, и движение — просто потому, что мы, носители сансарического сознания, всё это наблюдаем и можем достигать наших целей, если понимаем суть этих понятий и учитываем ее при планировании наших действий. Однако всё это — только сансарическая реальность, из которой надо вырваться (в соответствии с представлениями хинаянских школ) или которую надо постичь как несуществующую на уровне абсолютной истины (с точки зрения школ махаяны).

Общая позиция Нагарджуны и его последователей и комментаторов такова: о движении можно говорить на уровне относительной истины, на абсолютном же уровне понятие движения оказывается внутренне противоречивым и потому — пустым. Такое представление в высшей степени сходно с учением другой философской школы, возникшей в совершенно другой культуре и в другое время, — античной школы элеатов. На сходство учений мадхьямиков и элеатов обратил внимание еще В.Н. Топоров, отметив при этом, что сходство это имеет три аспекта: собственно типологический; причинно-типологический (в учениях этих школ получил воплощение философский интерес к проблеме достоверности познания); и, наконец, исторический (сходство в определенной степени обусловлено мифопоэтическим субстратом, общим для всех индоевропейских народов) (Топоров 1972: 52). Действительно, подобно мадхьямикам, элеаты различают знание (*γνῶσις*) и мнение (*δόξα*). Для повседнев-

ной практики человеку вполне достаточно мнения, но тот, кто хочет постичь мир как он есть, должен искать знания, причем, в отличие от мадхьямиков, у элеатов сущее — то, что постигается знанием — можно мыслить и говорить о нем (Там же: 54).

Однако на этом сходство заканчивается. У элеатов истинное бытие мыслимо обычным человеческим разумом и может быть познано, если разум необходимым образом воспитан. Фраза Парменида: «Мыслить — то же, что быть» (Фрагменты ранних греческих философов 1989: 296), — говорит о том, что для познания истинного бытия человеку не требуется каким-то радикальным способом преобразовать свое сознание: бытие доступно любому, кто научится надлежащим образом мыслить и прежде всего — осознает, что бытие есть, небытия же нет (Там же: 288). В отличие от них, для мадхьямиков такой вывод решительно неприемлем, ибо всё, что мы постигаем в сансаре, есть только разные части и проявления сансары, и пока человек не прорвется за завесу аффективного неведения, радикально трансформировав для этого свое сознание, он не сможет увидеть истинную реальность. Бытие элеатов целостно, неизменно, не рождается и не гибнет, не движется и не изменяется (Там же: 297), и в этом смысле его можно сблизить разве что с Брахманом адвайта-веданты, и то — лишь при условии, что мы говорим о нем из сансарической позиции, истинная же его сущность для человека, не обретшего освобождение (*mokṣa*), непостижима. Кроме того, Парменид это истинное бытие описывает как «глыбу прекруглого шара» (Там же), т.е. некое тело, и верно подмечено, что оно истолковывается Парменидом при помощи тактильных метафор (Романенко 2003: 59). Для буддизма махаяны такой вывод невозможен, так как телесность сама есть такое же порождение аффектов, как и вообще вся сансара, так что истинное бытие не может быть телесным — нам с нашей сансарической позиции можно лишь говорить, чем оно *не* является.

Таким образом, *поистине* для элеатов существует лишь то, что непротиворечиво мыслится. Изменение же, включая сюда и движение, внутренне противоречиво: согласно одной из апорий Зенона, если признать, что существует движение, тогда придется признать также, что тело может за конечное время пройти бесконечное множество точек, что немислимо (Фрагменты ранних греческих философов 1989: 307). Вот в этом аргументация элеатов действительно сблизается с воззрениями мадхьямиков, у которых, как будет показано далее, понятие движения тоже рассматривается как внутренне противоречивое и потому пустое. Движение у Зенона, если реконструировать логику его рассуждений, невозможно по той причине, что местоположение тела в любой момент означает, что оно занимает равное себе место. Тогда само движение должно пониматься как прерывное. Но в этом случае в любой данный момент «движущееся» тело покоится, а движение происходит тогда, когда тело не занимает места и не находится во времени, т.е. вовсе не существует (Комарова 1988: 223). Иными словами, понятие движения содержит в себе неустранимые противоречия, а значит, в истинном бытии движения не существует.

Близкая аргументация была и у мадхьямиков. Однако в их рассуждениях есть один нюанс, который можно найти и у элеатов, но в не столь явном виде: движение рассматривается в мадхьямаке через призму понятия времени. Воображаемый оппонент — сторонник понимания времени и движения как реальных явлений — говорит, что движение рассматривается как состояние, имеющее место в трех временах — прошлом, настоящем и будущем. И если рассматривать это как опору нашего познания, то можно говорить и о том, кто уже прошел тот или иной путь, и о том, кто еще не начал движение, и о том, кто движется сейчас (Андросов 2006: 237). Но, говорит

Нагарджуна, все эти понятия внутренне противоречивы и поэтому вообще не могут считаться понятиями. «То, что [уже] пройдено, не проходится [заново]. То, что [еще] не пройдено, [тоже] не проходится. А помимо того, что [уже] пройдено и [еще] не пройдено, нет [ничего такого, что] было бы проходимо [в настоящий момент]» (Nāgārjuna 1903: 92). Естественно, если движение уже закончилось или еще не началось, оно не имеет места. Но в соответствии с рассуждением Нагарджуны, помимо уже пройденного и еще не пройденного пространства, нет никакого пространства, которое «движущийся» проходил бы прямо сейчас (*gatāgatavinirmuktaṃ gamuamānaṃ na gamuate*). Иными словами, существует только уже пройденное и еще не пройденное пространство, а то, что мы называем пространством, в котором имеет место движение, зависит от этих двух. Собственно говоря, движущееся Нагарджуна понимает здесь как точку, не имеющую пространственного измерения, и тогда аргументация против движения становится более понятна: если точка не занимает пространства, значит, ей и не может быть присуще никакое движение. За собой она оставляет пройденное пространство, перед нею лежит пространство, которое еще предстоит пройти, но ни в том, ни в другом движения нет — ибо нет самой движущейся точки. Поэтому движения не может быть вообще нигде (Ibid.: 93).

Если сравнить эту аргументацию с рассуждениями элеатов, становится видно, что у них «движущееся» тело всегда занимает определенное пространство, но невозможно мыслить находящееся в этом пространстве тело как движущееся — в противном случае оно не занимало бы это пространство, что противоречиво. У Нагарджуны же движущееся пространства не занимает, т.е. даже если речь идет о теле, имеющем по определению некоторую пространственную протяженность, оно имплицитно мыслится здесь как дискретное множество точек, каждая из которых непротяженна, а потому и мыслить любую из них как движущуюся невозможно. Об этом прямо говорит Чандракирти в «Прасаннападе» (*Prasannapadā*, букв. «Ясное изложение») — комментарии к «Коренным строфам...» Нагарджуны: стопы идущего занимают, несомненно, определенное пространство (*deśa*), но они состоят из мельчайших частиц (*paṇamāṇi*), и для частицы на кончике пальца пространство позади нее — уже пройдено, а для частицы на пятке — еще не пройдено, т.е. в любом случае в этом пространстве не имеет место никакое движение. Но так как стопа — это только множество частиц и ничего более, а вышеизложенное рассуждение справедливо для любой пары частиц в ней, то оказывается, что между любыми двумя частицами не имеет места движение (Nāgārjuna 1903: 93). Из всего этого естественно следует, что движения нет вообще.

В этих рассуждениях вполне проявляется характерная особенность буддийского мировоззрения: материя рассматривается как дискретное множество частиц (атомов, *paṇamāṇi*), и никаких отличных от них реалий вроде платоновских идей не существует. Нет, к примеру, никакого кувшина, отличного от тех частиц глины, из которых он состоит. Аналогично не существует и никакого «Я», отличного от элементарных психофизических состояний (дхарм), из коих состоит то, что мы в повседневном словоупотреблении для удобства называем «личностью». Общеизвестное сравнение индивидуального потока дхарм с киноплёнкой (акад. Ф.И. Щербатской) хорошо иллюстрирует эту черту буддийской мысли: каждый отдельный кадр статичен и только наше сознание с присущими ему ограничениями воспринимает смену кадров как движение на экране (Щербатской 1988: 141–142). Разница, однако, состоит в том, что все кадры принадлежат одной и той же плёнке («субстанции») или носителю качеств,

dharmin), тогда как в «личности» в понимании буддийских мыслителей отдельные дхармы вообще ничто не связывает воедино, и они воспринимаются сознанием как единый поток только благодаря особой дхарме *grāpti* «удержание», которая и обеспечивает сохранение относительного единства на протяжении определенного отрезка времени — человеческой жизни, продолжительность коей определяется ранее накопленной кармой (Asanga 1950: 10).

Итак, вообще говоря, движение невозможно, с точки зрения мадхьямаки, во всех трех временах — точнее, о нем можно говорить и оно даже может считаться реальным, но лишь на уровне относительной истины, на уровне же истины абсолютной оно нереально, ибо понятие его внутренне противоречиво. Но далее Нагарджуна опровергает реальность движения в настоящем времени. Воображаемый оппонент может возразить: в том пространстве, которое движущийся проходит в настоящий момент, имеет место физическое усилие (*ceṣṭā*, букв. «жест, движение»), а в пространстве уже пройденном или еще не пройденном усилия не наблюдается, поэтому движение по крайней мере в том участке пространства, который сейчас проходит движущийся, имеет место (Nāgārjuna 1903: 93).

Прежде всего обращает на себя внимание здесь то, что оппонент говорит о движущемся как о сознательном живом существе, которое движется, побуждаемое некими собственными намерениями, и совершает для этого определенные усилия. Достаточно сравнить это, например, с апориями Зенона, где одушевленность или неодушевленность движущегося предмета не имеет особого значения. Ахилл и черепаха — живые существа, но, например, стрела — неодушевленный предмет, и Зенон не принимает во внимание, кто и зачем эту стрелу выпустил. В апории «Стадий» тоже не имеет значения, какие тела движутся, — рассматривается лишь сам факт «движения». Мадхьямики же говорят именно о живом существе, точнее, даже о человеке, и воображаемый оппонент подчеркивает наличие усилия или *сознательного* движения в проходимом пространстве. В этом рассуждении проявляется религиозная специфика учения о движении в мадхьямаке: тот, кто сознательно совершает усилие, чтобы двигаться, тем самым создает карму, которая потом привяжет его к сансаре и, способствуя прорастанию аффектов, помрачит его сознание неведением. Но даже понятие кармы в мадхьямаке — тоже всего лишь ментальный конструкт, призванный известным образом направить сознание человека, указывая ему путь к просветлению, и понятие это столь же противоречиво и поэтому пусто, как и любые другие.

Аргумент, выдвинутый воображаемым оппонентом, Нагарджуна опровергает, указывая, что наличие движения в проходимом пространстве не может быть установлено, так как в этом пространстве невозможно «двойственное движение» (*dvigamana*) (Nāgārjuna 1903: 94). Чандракирти объясняет это не вполне ясное выражение так: в пространстве может иметь место только одно движение, второго движущегося в том же участке пространства быть не может, а без движения говорить, что этот участок пространства кто-то проходит, невозможно (*Ibid.*: 94–95).

Впрочем, В.П. Андросов, ориентируясь на китайские и тибетские переводы ММК, сделанные еще до Чандракирти, переводит это фрагмент иначе: «Ведь никоим образом правильно не установлено, // Как без движения [пребывает] движущийся сейчас» (Андросов 2006: 238). В примечании к санскритскому тексту ММК Луи де ла Валле Пуссен приводит тибетский перевод этого фрагмента, который при реконструкции санскритского оригинала дает не *gamuamāne dvigamaṇaṃ* («в проходимом [имеются] два движения»), а *gamuamāne huagamaṇaṃ* («в проходимом ведь нет движения»), от-

мечая, что следует предпочесть именно это прочтение (Nāgārjuna 1903: 94, п. 2; Андросов 2006: 462).

Если верно первое чтение — то, на которое опирается и которое комментирует Чандракирти, — то ход мысли мадхьямиков можно реконструировать следующим образом. Любая данная точка пространства, где имеет место движение, может быть занята только одним движущимся предметом, а движение может рассматриваться только относительно чего-то другого — покоящегося: например, идущий движется только относительно «покоящейся» земли. Но если в данной точке пространства нет ничего, кроме данного движущегося, то и сопоставить его с чем-то иным, покоящимся, невозможно, ибо оно, если вообще есть, находится в другом участке пространства.

Если же верно прочтение де ла Валле Пуссена, на которое ориентируется В.П. Андросов, то в этом случае движение опровергается через понятие движения как свойства, необходимо, «по природе» присущего движущемуся. Как сказано в «Акутобхаве» (*Akutobhava*) — автокомментарии Нагарджуны к ММК — «не установлено, как пребывает без движения тот, кто движется сейчас» (Андросов 2006: 238), т.е. если движение присуще ему «по природе», то он не может не быть движущимся, он будет двигаться всегда и при любых условиях, а поэтому для него невозможно в какой-то момент начать движение или прекратить его. Это толкование подтверждается и следующей карикой, где Нагарджуна развивает эту мысль: проходимое пространство, если мы признаём реальность движения, оказывается проходимым без того, кто его проходит. Чандракирти разъясняет это так: движение для его субъекта (того, кто движется) — привходящее качество, сам по себе этот субъект свободен от движения, оно не присуще ему по природе. Но как в таком случае он может двигаться? (Nāgārjuna 1903: 95). Иными словами, перед нами оказывается дилемма, оба решения которой логически неприемлемы: либо мы признаём, что движение субъекту присуще по природе — но тогда он остается движущимся, даже когда покоится, что нелогично; либо мы признаем, что движение для него — привходящее свойство, но в этом случае движение не присуще ему по сути, даже если он движется, что тоже нелогично.

Смысл этого аргумента становится более ясен из следующей карикой. Есть, говорит Нагарджуна, субъект движения, проходимое пространство и собственно движение (Nāgārjuna 1903: 95). Но связь их совершенно произвольна (зависит от тех языковых и, шире, символических структур, посредством которых мы всё это осмысляем) и поэтому невозможно говорить ни о присущности движения движущемуся, ни о движении как привходящем свойстве. Отсюда делается вывод, что понятие движения внутренне противоречиво, а значит, пусто. Суть аргументации, насколько ее можно реконструировать, сводится к тому, что движение в целом предполагает наличие движущегося субъекта и пространства, через которое он движется, и обоим этим реалиям движение должно быть присуще необходимо. Даже если допустить существование субъекта, которому движение присуще «по природе» (закрыв глаза на все возникающие здесь логические противоречия), то пространство, которому не присуще движение, сделает и существование движущегося субъекта невозможным. Таким образом, движение раскалывается надвое: одно — присущее субъекту, другое — пространству. Возможно, вышеуказанное выражение *dvigamana* говорит именно об этом.

Здесь Нагарджуна метафизически противопоставляет собственно движение, субъект движения и проходимое им пространство. Если реалии, обозначаемые этими понятиями, никак по сути друг с другом не связаны, то всякое утверждение о наличии связи между ними оказывается произвольным и не основанным ни на чем, кроме

сознания того, кто это утверждает. Но сознание это — сансарическое, помраченное аффектами, поэтому и формулируемые им суждения суть только проявления неведения и не имеют смысла. С точки зрения Нагарджуны, движение само по себе лишено и субъекта, и пространства, поэтому понятие это и не имеет смысла. В «Акутобхасе» Нагарджуна разъясняет, что под «двойственностью движения» подразумевается «движение, осуществляющее действие „движущегося сейчас“, и собственно движение» (Андросов 2006: 239). Яснее это комментирует Чандракирти: один аспект движения — это путь (*adhvan*), который проходит движущийся; другой — это субъект или, вернее, «субстрат» (*adhikaraṇa*) движения, или тот, кто, собственно, движется. Но далее Нагарджуна противопоставляет эти два аспекта так, как если бы они относились к разным субъектам и были бы фактически двумя разными актами движения. Один акт — тот, который связан с путем или отрезком пространства, где имеет место движение, — требует наличия субъекта, движущегося по нему. Второй акт — тот, что связан с субстратом движения, — требует пространства, в котором движение осуществляется (*Nāgārjuna* 1903: 96). Но в этом случае движение опять аналогичным образом удваивается, и мы по этой причине уходим в «дурную бесконечность», что делает очевидной логическую невозможность принятия тезиса о реальности движения как истинного.

Чандракирти, однако, делает в своем комментарии важное пояснение относительно сути движения. Воображаемый оппонент может возразить: в одном и том же субъекте можно наблюдать разные действия — например, он может одновременно видеть, говорить и т.д., так что одному идущему могут быть присущи два и более движения. Но, говорит Чандракирти, отклоняя это возражение, действующий (*kāraṇa*) — не субстанция (*dravya*), которой могут быть присущи разные свойства одновременно, а энергия (*śakti*), и из различия действий, совершаемых субъектом, следует и различие энергий, обуславливающих эти действия (*Nāgārjuna* 1903: 96–97). Этот момент важен тем, что здесь подчеркивается кармический аспект любого действия: оно порождает карму, причем так, что одно данное действие может иметь один и только один кармический плод, а любой кармический плод, в свою очередь, имеет одну и только одну причину. Так построен закон взаимозависимого возникновения (*pratītya-samutpāda*), в котором (в его наиболее известной формулировке) единственным непосредственным следствием неведения являются формирующие факторы, единственным следствием формирующих факторов — сознание и т.д. (Лама Анагарика Говинда 1993: 56–57). В «Компендиуме Абхидхармы» (*Abhidharma-samuccaya*) Асанги вопрос кармической связи действия и его плода рассматривается в том кратком фрагменте, где речь идет о формирующих факторах, не связанных с сознанием (*citta-viprayukta-saṃskāra*), среди каковых перечисляются продолжение (*pravṛtti*), логическая особенность (*pratīnyama*), соответствие (*yoga*), непосредственность (*java*), последовательность (*anukrama*) (*Asanga* 1950: 10). Эти понятия определяются следующим образом: «Что такое продолжение? Продолжение — это непрерывность связи причин и следствий. Что такое логическая особенность? Логическая особенность — это различие (*nānātva*) причин и следствий. Что такое соответствие? Соответствие — это сходство (*anurūpa*) причины и следствия. Что такое непосредственность? Непосредственность [состоит] в немедленном [возникновении] следствия [при наличии] причины. Что такое последовательность? Последовательность [состоит] в единообразии череды (*ekatvapravṛtti*) причин и следствий» (*Ibid.*: 11). «Продолжение» как особая дхарма означает связь причины и следствия, а «логическая особен-

ность» — различие разных причинно-следственных цепочек. Как объясняется это в комментарии к «Компендиуму Абхидхармы» (Abhidharma-samuccaya-bhāṣya), приписываемом Стхирамате или Яшомитре, «разнообразие причин и следствий — [это] добродетельное поведение [как причина] желаемого результата и недобродетельное — [как причина] нежелаемого результата: это и есть взаимная причинность каждого результата» (Abhidharmasamuccayaabhāṣyam 1976: 10). «Соответствие» (yoga) понимается как сходство причины и следствия, исключающее возможность для любого данного события быть порожденным какой угодно причиной или иметь какие угодно следствия. Все эти факторы определяют единство «личности» или индивидуального потока дхарм как множества причинно-следственных цепочек, каждая из которых ограничена от любых других, никак не влияет на них и не испытывает влияния с их стороны.

Если принять сказанное во внимание, становится ясно, что о движении мадхьямики говорят в данном случае как об одном из типов действий, создающих карму, и в любой данный момент невозможно в одной «личности» существование двух одно-временных кармически значимых действий. В рамках одного момента (kṣaṇa) никакое изменение субъекта, включая и его физическое движение, невозможно, а движение между разными моментами не поддается определению, так как для этого движения необходим был бы какой-то субстрат — то, относительно чего определяется движение. Но так как даже в учении хинаянских школ никакого субстрата нет — есть только дхармы, каждая из которых сменяет другую мгновенно (kṣāṇikavāda), — то и движение за пределами одного момента неопределимо.

Но в этом случае оказывается пустым и понятие субъекта движения: «Если устранить [понятие] движущегося, непостижимым [оказывается само] движение, а если нет движения — откуда возьмется движущийся?» — задает Нагарджуна риторический вопрос (Nāgārjuna 1903: 97). Естественно, поскольку оба эти понятия взаимозависимы, то устранение или доказательство пустоты одного делает бессмысленным и второе. В контексте учения о карме, разделявшегося всеми (кроме локаятиков) школами индийской философии, всё это означает, что ни у одной из вышеописанных цепочек кармически значимых действий нет ни субъекта (что естественно для буддийской философии), ни реального «движения» кармы: действие, которое могло бы иметь кармически значимые следствия, остается в рамках одного момента, не выходя за его пределы, а значит, карма не передается в будущее, т.е. понятие кармы фактически оказывается пустым.

Это видно из критики мадхьямиками вопроса о возможности *начала* движения. Оно не может начаться ни в том отрезке пути, что уже пройден, ни в том, что еще не пройден, ни в том, который проходится сейчас (Nāgārjuna 1903: 100), и если первое и второе суждения очевидны, то истинность третьего Чандракирти доказывает, ссылаясь на доказанную выше невозможность движения, в котором, если бы оно было реальным, было бы два движения — относящееся к пространству и относящееся к субъекту. Отсюда следует, что вообще все понятия, описывающие движение, пусты, включая понятия уже пройденного пути, еще не пройденного, проходимого сейчас, субъекта движения и т.д. Всё это только ментальные конструкции, истинные относительно нашего эмпирического мира, но к истинной реальности неприменимые (Андросов 2006: 241).

Таким образом, в действительности (yathābhūta) движения нет. К этому выводу пришли и элейты с их учением о совершенно неподвижном бытии — неподвижном

и в пространственном смысле, и в смысле изменения. Но у них, повторим, бытие *мыслимо* обычным человеческим разумом, и фундаментальное свойство бытия — покой. В мадхьямаке же покой — понятие столь же пустое, сколь и движение. Это вполне естественно не только для мадхьямаки, но и вообще для махаянской философской мысли, в которой истинная реальность — это единый универсум, непостижимый сансарическим сознанием и, в частности, свободный от любых различий. Все различия, включая даже различие сансары и нирваны, надстраивает над истинной реальностью непросветленное сознание. Но если мы отграничиваем в универсуме некую область *A*, то всё, что находится по ту сторону границы, автоматически — и именно по причине прочерчивания этой границы! — становится не-*A*. Если мы говорим, что нечто есть «движение», то тем самым мы постулируем и существование «не-движения», т.е. покоя. А так как понятие движения пусто, то столь же пусто и понятие покоя: оба они сконструированы сознанием и к истинной реальности отношения не имеют.

Движущийся, разумеется, не стоит. Но не стоит и покоящийся, так как, разъясняет Чандракирти, здесь возникает та же проблема, что и с двумя движениями: одно «стояние» (*sthiti*) делает его не движущимся, другое — стоящим, а значит, и субъектов «стояния» должно тогда быть двое (Nāgārjuna 1903: 102). Логика его рассуждений, видимо, такова: допуская, что существует субъект движения и что неподвижность тоже реальна, мы признаём, что возможно для первого обрести вторую, что противоречиво, ибо идущий стоять не может, а если он остановился, наше прежнее суждение о нем «он есть идущий» оказывается ложным. Говоря проще, мадхьямики противопоставляют понятия движения и покоя настолько радикально, что полагают приписывание одному и тому же субъекту двух этих свойств невозможным. Тот, кто движется, — движется всегда, покой для него невозможен; тот, кто покоится, — покоится всегда, для него невозможно движение. Иными словами, понятия взаимоисключающие не могут быть приписаны одному и тому же субъекту даже в разное время (например, сейчас *X* покоится, но в прошлом он двигался или будет двигаться в будущем), так как и время — понятие столь же пустое, что и движение (это Нагарджуна доказывает в гл. XIX ММК). Если же понятие времени пусто, мы не можем уже говорить, что *X* когда-то покоился, или двигался, или будет покоиться и т.д. Но в то же время движение, покой и другие противоположные свойства не могут быть присущи ему и одновременно — не только потому, что они исключают друг друга, но и потому, что само понятие одновременности тоже пусто. Для движения равно существенны и его начало, и его продолжение, и его прекращение (Ibid.: 103), но все они «располагаются» во времени и потому пусты, т.е. представляют собой ментальные конструкции, не имеющие никакого отношения к реальности.

Далее, даже если рассматривать только движение и субъект движения, отвлекшись от других аспектов вопроса, то и здесь тоже вскрываются противоречия. Если оба они тождественны, то нелогичность такого воззрения состоит в том, что действие и субъект действия не могут быть одним и тем же, если же различны — тогда можно было бы утверждать возможность действия без деятеля или деятеля без действия (Nāgārjuna 1903: 104–105). Здесь, естественно, следует принять во внимание и кармические следствия из вышеизложенных рассуждений. Если действие и его субъект тождественны, то последний отождествляется не только с самим действием, но и с его кармическими последствиями, что делает невозможным преодоление кармы и освобождение из сансары. Если же действие и деятель совершенно различны, то становится возможным кармическое действие без субъекта, который его совершает

и претерпевает его результаты, что бессмысленно, или существование субъекта, вкушающего плоды кармического действия, без самого этого действия, что равно бессмысленно.

Но как тогда быть с тем очевидным фактом, что мы в повседневной жизни и сами движемся, и наблюдаем движение как одушевленных, так и неодушевленных объектов? Ответ, что оно наблюдается только на уровне относительной истины, будет верным, но неполным. В действительности мы можем понять, что такое движение с точки зрения относительной истины, только если поймем его суть с точки зрения абсолютной. Мы *уже* должны понимать, что это такое — лишь тогда мы поймем, как возможно движение в сансарическом мире (Arnold 2012: 555). Более того, пустота всех проанализированных выше понятий состоит в том, что они определяются одно через другое. Мы описываем движение, используя понятие времени, в течение которого нечто движется, и пространства, по которому оно движется; но и время мы описываем, указывая на изменения чего-то и, в частности, на его перемещение в пространстве; равно и о пространстве мы говорим как о чем-то, в чем возможно движение. Точно так же зависят друг от друга понятия движения и движущегося субъекта. Они не могут считаться совершенно различными, ибо тогда о субъекте как о движущемся можно было бы говорить, даже если он стоит, и их нельзя воспринимать и как тождественные, ибо тогда истинными могли бы стать высказывания о движении вообще без движущегося субъекта, и наоборот.

Если же принять во внимание, что под движением понимается не только пространственное перемещение, но и движение по кругу рождений и смертей, то становится более ясен и сотериологический аспект этого вопроса. Движущийся — тот, кто рождается в сансаре снова и снова, претерпевая последствия своих действий, — не может быть тождественным с каждым новым своим рождением, ибо в этом случае новое рождение было бы новым со всех отношениях и новый рождающийся не имел бы никаких кармических связей с прежним. Но он не может и отличаться от обстоятельств своего нового рождения, ибо в этом случае мы пришли бы к учению о существовании некоего абсолютного «Я», перерождающегося из тела в тело, т.е. к учению об атмане, порвав тем самым с буддийским учением и придя к какому-то из учений брахманистских (Westerhoff 2008: 477). Поэтому понятие сансары — движения по колесу рождений, смертей и новых рождений — оказывается столь же немислимым, что и обычное движение в пространстве, а если так, то теряет смысл и противоположное ему понятие нирваны.

Таким образом, аргументация мадхьямаки против понятия движения сводится, в общем, к следующим положениям. Во-первых, движение в пространстве немисливо, так как то, что «перемещается», — точка, которая сама по себе не имеет пространственного измерения, а значит, движения не существует ни в ней самой, ни в уже пройденном пути, ни в еще не пройденном. В этом состоит отличие взглядов мадхьямиков на движение от соответствующих воззрений элеатов, у которых тело в любом случае занимает какое-то пространство (и именно это делает понятие движения внутренне противоречивым). Во-вторых, понятие движения, как видно из только что сказанного, связано с понятием времени, а оно пусто, что делает пустым и понятие движения. В-третьих, понятие движения представляет собой порождение (ргарайса) непросветленного сознания, движимого аффектами. Какова реальность и существует ли в ней какое-либо движение — мы, пока не обрели просветление, знать не в состоянии, и говорить о движении можно поэтому только на уровне отно-

сительной истины. Абсолютная же истина ни в каком человеческом языке невыразима. В-четвертых, наконец, если понятие движения пусто, то пусто также и соотношенное с ним понятие покоя (положение, которого нет у элеатов). Любые элементы любых концептуальных структур — философских или научных теорий, религиозных воззрений и т.п. — взаимозависимы и с точки зрения мадхьямаки определяются одно другим, а не чем-то иным, истинно реальным. Именно это делает их пустыми.

Принимая же во внимание сотериологический аспект понятия движения как трансмиграции из одного рождения в другое, мадхьямики делают вывод о пустоте также и сансары и на этом основании — соотношенной с нею нирваны. Если эти понятия зависят друг от друга, то оба они пусты, поэтому использовать эти термины можно только с целью перестроить свое сознание так, чтобы оно могло очиститься от аффективных и эпистемологических препятствий и узреть истинную реальность — *yathābhūta*. Только после этого и может быть полностью познана истинная природа движения.

Литература

- Андросов 2006 — *Андросов В.П.* Учение Нагарджуны о Срединности. М.: Вост. лит., 2006.
- Комарова 1988 — *Комарова В.Я.* Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
- Лама Анагарика Говинда 1993 — *Лама Анагарика Говинда.* Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
- Романенко 2003 — *Романенко Ю.М.* Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб.: Алетейя, 2003.
- Топоров 1972 — *Топоров В.Н.* Мадхьямики и элеаты: несколько параллелей // *Конрад Н.И., Бонгард-Левин Г.М.* (ред.) Индийская культура и буддизм: Сборник статей памяти академика Ф.И. Щербатского. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 51–68.
- Фрагменты ранних греческих философов 1989 — *Фрагменты ранних греческих философов.* Часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Отв. ред. И.Д. Рожанский. М.: Наука, 1989.
- Щербатской 1988 — *Щербатской Ф.И.* Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» / Пер. с англ. Б.В. Семичова // *Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму / Сост. А.Н. Зелинский и Б.В. Семичов. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 112–198.
- Abhidharmasamuccayabhāṣyam 1976 — *Abhidharmasamuccayabhāṣyam* / Ed. by N. Tatia. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla-Anuśīlana-Saṃsthā, 1976.
- Arnold 2012 — *Arnold D.* The Deceptive Simplicity of Nāgārjuna's Arguments against Motion: Another Look at Mūlamadhyamakakārikā. Chapter 2 // *Journal of Indian Philosophy.* 2012. Vol. 40. P. 553–591.
- Asanga 1950 — *Asanga.* Abhidharma samuccaya / Critically Edited and Studied by Pralhad Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 1950.
- Nāgārjuna 1903 — *Nāgārjuna.* Mūlamadhyamakakārikās (Mādhyamikasūtras) avec la Prasannapadā commentaire de Candrakīrti / Publié par Louis de la Vallée Poussin. St. Pétersbourg: Académie Impériale des Sciences, 1903.
- Westerhoff 2008 — *Westerhoff J.* Nāgārjuna's Arguments on Motion Revisited // *Journal of Indian Philosophy.* 2008. Vol. 36. P. 455–479.

References

Abhidharmasamuccayabhāṣyam. Ed. by N. Tatia. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla-Anuśīlana-Saṃsthā, 1976 (in Sanskrit).

- Androsov, Valerii P. *Uchenie Nāgārjuny o Sredinnosti* [Nāgārjuna's Teaching on the Middle Way]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006 (in Russian).
- Arnold, Daniel. "The Deceptive Simplicity of Nāgārjuna's Arguments against Motion: Another Look at Mūlamadhyamakakārikā. Chapter 2". *Journal of Indian Philosophy*. 2012, vol. 40, pp. 553–591 (in English).
- Asanga. *Abhidharma samuccaya*. Critically edited and studied by Pralhad Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 1950 (in Sanskrit).
- Komarova, Vera Y. *Uchenie Zenona Eleiskogo: popytka rekonstruktsii sistemy argumentov* [The Teaching of Zeno of Elea: An Attempt at the Reconstruction of Arguments]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1988 (in Russian).
- Lama Anagarika Govinda. *Psikhologiya rannego buddizma. Osnovy tibetskogo mistitsizma* [Psychology of the Early Buddhism. Foundations of Tibetan Mysticism]. St. Petersburg: Andreev i synov'ia, 1993 (in Russian).
- Nāgārjuna. *Mūlamadhyamakakārikās (Mādhyamikasūtras) avec la Prasannapadā commentaire de Candrakīrti*. Publié par Louis de la Vallée Poussin. St. Pétersbourg: Académie Impériale des Sciences, 1903 (in Sanskrit).
- Romanenko, Yuri M. *Bytie i estestvo: Ontologiya i metafizika kak tipy filosofskogo znaniia* [Being and Essence: Ontology and Metaphysics as the Types of Philosophical Knowledge]. St. Petersburg: Aleteya, 2003 (in Russian).
- Rozhanskii, Ivan D. (ed.). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' I: Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniia atomistiki* [Fragments of Early Greek Philosophers. Part I: From Epic Cosmogonies to the Rise of Atomistics]. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian).
- Stcherbatsky, Theodor. "The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word 'Dharma' ". Transl. by B.V. Semichov. In: Stcherbatsky Th. *Selected Works on Buddhism*. Ed. by A.N. Zelinskii and B.V. Semichov. Moscow: Nauka, GRVL, 1988, pp. 112–198 (in Russian).
- Toporov, Vladimir N. "Mādhyamiki i eleaty: neskol'ko parallelei" [Mādhyamikas and Eleatics: Some Parallels]. Konrad N.I., Bongard-Levin G.M. (eds). In: *Indiiskaia kul'tura i buddizm: Sbornik statei pamiatii akademika F.I. Stcherbatskogo* [Indian Culture and Buddhism: Collected Papers in Memoriam Academician Th. I. Stcherbatsky]. Moscow: Nauka, GRVL, 1972, pp. 51–68 (in Russian).
- Westerhoff, Jan. "Nāgārjuna's Arguments on Motion Revisited". *Journal of Indian Philosophy*, 2008, vol. 36, pp. 455–479 (in English).

Mādhyamikas' Argumentation against the Concept of Motion

Sergey L. BURMISTROV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 24.03.2022.

Abstract: The concept of motion in Madhyamaka is treated as empty, i.e. having no referent in reality, for any change including the change of position of an object in space is generated by unenlightened saṃsāric consciousness. The Mādhyamikas' teaching on motion was compared by some scholars with the views of the ancient Greek philosophical school of Eleatics, who also treated motion as

unthinkable. But, while the Eleatic school considered true being to be absolute rest, the Mādhyamikas considered the concept of rest to be as empty as that of motion, for it is correlated with the concept of motion and has no sense without it. According to Nāgārjuna's argumentation and to his commentator Candrakīrti, motion exists nor in that part of space which has already been traversed neither in that part which has not yet been traversed, and the moving object itself is treated as a point having no spatial dimension and therefore devoid of internal motion. Besides, the Mādhyamikas oppose the moving subject, space and motion itself to one another, considering them to be independent of each other on the level of superficial truth. This leads to logical contradictions and thereby shows that all these concepts are empty. The real essence of motion could be described by words only if we knew it already, and we can understand it only using words and concepts. This forms a vicious logical circle, and the way out of it can be enlightenment and knowledge of the true reality.

Key words: religious and philosophical systems of ancient and medieval India, Buddhism, Madhyamaka, Eleatics, motion, space, saṃsāra.

For citation: Burmistrov, Sergey L. "Mādhyamikas' Argumentation Against the Concept of Motion". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 25–37 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109679.

About the author: Sergey L. BURMISTROV, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Section of South Asian Studies of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

Борьба с чертом: о неочевидной функции одного народного рассказа ойратов Синьцзяна

Д.А. НОСОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109724

Статья поступила в редакцию 21.07.2022.

Аннотация: В статье рассматривается опубликованный в 1990 г. в Урумчи на старо-монгольском письме народный рассказ «Sulum-i sita᠋ya᠋usan ni» («Сжег шулмуску»). Он вошел в сборник сатирических сказок об Аргачи — народном герое, напоминающем Ходжу Насредина. Из всех опубликованных произведений выбранный рассказ выделяет образ антагониста. Если обычно ойратский фольклорный хитрец противостоит богачу, аристократу или чиновнику, то в данном случае он обманывает мифологического персонажа — женщину-демона. Этот рассказ во многом повторяет халха-монгольскую быличку, русский пересказ которой В.А. Казакевич (1896–1937) включил в отчет о своем путешествии в 1925 г. в район р. Халхингол. Записанную в Халхе историю исследователь снабдил объемным комментарием, что позволило полностью реконструировать контекст и прагматическую функцию устойчивого нарратива. Выявлена традиционная стратегия обмана опасного для человека мифологического персонажа при нежелательном посещении им юрты. Стратегия выражена известным по всему миру сюжетным типом AT 1135 “Eye Remedy”.

Ключевые слова: ойраты, халха-монголы, Синьцзян, Монголия, фольклор, мифологические рассказы, сказочный сюжет AT 1135.

Благодарность: Автор выражает благодарность профессору, д.филол.н. Б.А. Бичееву и доктору филологии (Ph.D.), профессору Института этнических литератур АОН КНР Сэцэнбату, без которых эта работа не состоялась бы.

Для цитирования: *Носов Д.А.* Борьба с чертом: о неочевидной функции одного народного рассказа ойратов Синьцзяна // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 38–46. DOI: 10.55512/WMO109724.

Об авторе: НОСОВ Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

© Носов Д.А., 2022

В фольклоре ойратов, проживающих на территории СУАР КНР (регионе, также известном как Синьцзян), существует корпус рассказов, объединенных общим персо-

нажем — Аргачи (старомонг. *Аргаѝ*¹). Исследователь из Монголии Б. Катуу посчитал его вариантом популярного среди всех монголов *бадарчина* (монг. *бадарч*) — плутова- того странствующего монаха, попадающего в различные веселые переделки (Катуу 2002: 47). На существование в фольклоре ойратов образов плутов, подобных Тилю Улен- шпигелю, указывал почти сто лет назад один из основоположников отечественного монголоведения — Б.Я. Владимирцов (1884–1931). В предисловии к сборнику произ- ведений фольклора ойратов Северо-Западной Монголии ученый особо отметил неболь- шой рассказ № 12 Балц саң² (Владимирцов 1926: 85–90). Он предположил, что истории об этом герое были заимствованы монголами из фольклора тибетцев путем устной пере- дачи (Там же: X), подчеркнув тем самым факт взаимодействия фольклорных традиций ойратов современного Ховд аймака Монголии с устным творчеством других народов.

Ойраты проживают и в КНР, в том числе в полиэтничном Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где тесно переплетаются буддийская и мусульманская культуры. Опираясь на наблюдение Б.Я. Владимирцова, можно предположить, что устное на- родное творчество соседей также оставило след в фольклоре ойратов этого региона. Далее, на примере корпуса текстов, объединенных общим главным героем — Арга- чи, мы покажем, как сюжеты и образы острословов-хитрецов, популярные у различ- ных народов мира, встраиваются в корпус устного народного творчества ойратов, выскажем предположение о влиянии исторических условий на формирование устой- чивого образа персонажа и о той функции, что выполняют юмористические рассказы, помимо стремления развлечь слушателя.

Б. Катуу опубликовал 17 сказок, в которых главный герой носит имя Аргачи (Ка- туу 2002: 273–288). Среди исполнителей всех представленных текстов сатирических сказок, в том числе об Аргачи, исследователь называет четырех торгутов³ из этниче- ской группы ховогсайр, двоих — из группы бээлийн, одного — из группы вангийн и одного — из рода хошууд (Там же: 288). Представители всех этих ветвей торгутов проживают на территории и Монголии, и Синьцзяна.

В 1990 г. в столице СУАР КНР — г. Урумчи на классическом монгольском (старо- монгольском) письме был опубликован сборник под заглавием «Аргачи» (Аргаѝ 1990). Знакомство с текстами обоих сборников показало, что 16 из 17 опубликован- ных Б. Катуу сказок об Аргачи имеют свои параллели в синьцзянском издании. При этом между текстами синьцзянского и улан-баторского издания минимум различий (Носов, Сэцэнбат 2020: 78–79). Поэтому публикацию 1990 г. можно считать наиболее репрезентативным сборником сказок об этом персонаже, что доступен отечествен- ным исследователям на сегодняшний день.

Бытуя среди монгольского населения Синьцзяна, региона весьма полиэтничного, корпус сказок об Аргачи испытал влияние еще одного широко известного фольклор- ного плута — Ходжи Насреддина, или Афанди, как называют его уйгуры, прожи- вающие в КНР (Харитонов 1978: 10).

Значительная часть историй об Аргачи (по крайней мере, из опубликованных в Урумчи в 1990 г.) имеет прямые сюжетные параллели в «Насреддиниане». Но от На-

¹ Здесь и далее транслитерация старомонгольского текста выполнена автором статьи.

² Переданное фонетической транскрипцией имя персонажа Белен (вар. Балан) Сенге (также из- вестен в монгольском фольклоре как Далан Худалч). Это бродячий монах-хитрец, обманывавший жадных богачей и незадачливых путников (Кульганек 2000: 21).

³ Торгуты — монгольский народ ойратской группы, проживающий в Республике Калмыкия РФ, Ховд аймаке Монголии и СУАР КНР.

средина Афанди или *бадарчина* рассматриваемого персонажа выгодно отличает способность выйти победителем из любой ситуации. Он никогда не проигрывает спор или состязание в остроумии.

К сожалению, издание 1990 г. не имеет научного аппарата и не использует ни специализированный (Lörincz 1979), ни общемировые каталоги сказочных мотивов (Thompson 1955–1958) и сюжетов (АТ) (Thompson 1964). Оно ставит своей целью сохранить корпус рассказов об Аргачи для всех монголов (Агүаџи 1990: I), проживающих в КНР. Вероятно, поэтому для передачи текстов было выбрано старомонгольское, а не более привычное ойратам «ясное» письмо (монг. *тодо бичиг*).

Составители сборника указали, что опубликованный ими материал был собран среди ойратов Синьцзяна (Агүаџи 1990: I). Упомянутые в издании 1990 г. географические названия позволяют локализовать место действия того или иного рассказа на территории СУАР КНР. Социально-политическая терминология, встречающаяся в текстах, преимущественно относится к эпохе Цин (1644–1911). Тексты, подготовленные Б. Катуу, указывают на то, что повествования об Аргачи фиксировались и на западе Монголии.

Но не только бывшая Маньчжурская империя стала домом для этого героя народных рассказов. Персонаж по имени Аргачи, выполняющий те же функции трикстера, что и у ойратов, известен фольклору шорцев — тюркской народности, проживающей в Российской Федерации на юго-востоке Западной Сибири (Чудояков 2002: 99–103). Он упомянут в одной сказке, которая относится к широко распространенному в мире сюжетному типу АТ1535 *The Rich and the Poor Peasant* (Thompson 1964: 440–441).

Аргачи присутствует и в фольклоре алтайцев, проживающих на территории Республики Алтай РФ. Бытовую сказку под названием «Аргачы ла Мекечи / Аргачи и Мекечи» на все тот же сюжет АТ1535 опубликовала Т.М. Садалова (Садалова 2002: 364–377). Исследователь отмечает существование нескольких ее вариантов (Там же: 428–430). В алтайском рассказе Аргачи выступает в качестве антагониста.

В отличие от монголов Синьцзяна, у которых насчитывается минимум 61 история про Аргачи, у шорцев и алтайцев их значительно меньше. Этому можно дать историко-географическое объяснение. Территории компактного проживания шорцев, алтайцев, как и территория СУАР КНР, в XVII–XVIII вв. входили в состав Джунгарского ханства, основу которого составляли ойраты. Поскольку именно у ойратов сказки об Аргачи получили широкое распространение, то мы формулируем рабочую гипотезу о генезисе образа фольклорного персонажа — Аргачи в XVII–XVIII вв. среди народов, подданных Джунгарского ханства.

Аргачи воспринимается ойратами как адвокат или судья, помогающий простолюдинам противостоять несправедливым поступкам аристократов. Этот конфликт ярко выделен в художественной ткани повествования, например, в зачине сказки «*Daγardaγ ügei debel*» («Незамерзающая дэли⁴») (Агүаџи 1990: 8–9):

Стал Аргачи обличать и высмеивать отвратительные поступки богачей и знати. За это богачи и знать люто возненавидели его. И вот однажды некий жестокий богач схватил Аргачи, заточил его в промозглом холодном доме и сказал: «Посмотрим, как ты умрешь к завтрашнему утру», — так говорят (Агүаџи 1990: 8).

⁴ *Дэли* (монг. *дээл*) — традиционная одежда монгольских народов. Все переводы на русский язык выполнены автором статьи.

Есть и прямые указания на исполнение Аргачи обязанностей судьи. Основа рассказа «*Сину-а qoni idekü ügei*» («Волк не ест овец») (Агъаѝ 1990: 59–60) — выборы *тушимела* (чиновника) по разбирательству тяжб, которые рассматриваемый нами персонаж выигрывает благодаря своей житейской мудрости.

Эта особенность позволила выдвинуть предположение относительно исторической основы образа Аргачи. Обычно чиновники Джунгарского ханства (часто именовавшиеся в материалах русских путешественников «зайсанами»⁵) назначались ханами из числа родовой знати или потомственного чиновничества. Но в определенный момент их стали привлекать из людей «низкого» происхождения. Такую же практику русские официальные лица и путешественники зафиксировали у калмыков. По свидетельству государственного деятеля и этнографа Василия Михайловича Бакунина (1700–1766), хан Дондук-Омбо (1737–1741) практиковал назначение *зайсанами* «рядовых калмык», что «природные заясанги почитали себе за крайнюю обиду» (Почекаев 2021: 53). Наличие возможного исторического прототипа служит еще одним подтверждением высказанной нами выше рабочей гипотезы о генезисе образа Аргачи в XVII–XVIII вв. в социо-культурном пространстве Джунгарского ханства.

В большинстве рассказов, опубликованных в 1990 г. в Урумчи, Аргачи как народный адвокат или судья противостоит несправедливости представителей высших классов и награждается верховным правителем за искусство вести тяжбу. Но в сборник включена одна история, в которой антагонистом является мифологический персонаж — женщина-демон (Агъаѝ 1990: 86–87). Позволим себе привести целиком транслитерацию старо-монгольского текста этого рассказа и перевод его на русский язык:

Sulum-i sitayaysan ni	Сжег шулмусу ⁶
<p>Qarɣayitu-yin dabayan-tu šulum arbin bayday geju kümüs süni-ber eneger yabudaq ügei bayiju gen-e:</p> <p>Nutuq-tu tusa kijü yabidaq Aryači qayisun tuly-a qoɣola künesü-ben abuyad yabuysayar dabayan-u unggü-tu kürçü qonojai:</p> <p>Aryači ɣal tüleged čai bučalɣaju . nige ayay-a tosun bolon nige ayay-a usu-yi qajayu-dayan talbiyad usun-ača toloyai-dayan türkijü ɣal-tu ekegeju sayutal-a nige šulum keüken kürçü ireged:</p> <p>— Ner-e tani ken bui? geji asayuba gen-e : Aryači toɣomsarul-ügei-ber:</p> <p>— Minü ner-e über-iyen geju keleged ayayan-daki usun-ača toloyai-dayan türki-ged sayuyad bayiju gen-e : Šulum keüken üjeged:</p>	<p>Люди по ночам не ходили на перевал Харгайт, считая, что там много чертей.</p> <p>Оказывавший помощь народу Аргачи, взяв с собой котел, треножник и еду, заночевал в пещере на [этом] перевале.</p> <p>Аргачи разжег огонь, вскипятил чай, а рядом с собой поставил чашку масла и чашку воды. Смазывая свою голову водой из чашки, он стал сушить ее над огнем. В этот момент [в пещеру] вошла девушка-шулмус и спросила:</p> <p>— Как Ваше имя?</p> <p>— Мое имя [Я] Сам, — невозмутимо ответил Аргачи, продолжая мочить свою голову водой из чашки, так говорят.</p> <p>Глядя на это, девушка-шулмус спросила:</p>

⁵ *Зайсан* — калмыцкая форма монгольского наследственного звания *цзайсан* (Бруннерт, Ггельстром 1910: 373).

⁶ *Шулмус* (монг. *шулам*) — демон, ведьма.

<p>— Та уауу kijü bayin-a? — gejü asaуу- qu-du Агааи:</p> <p>— Bi kijige-ben qaralayulju bayin-a ge- jei: Šulum Агааи-yin qaјауу-du ойртоју:</p> <p>— Bi basa toloyai-ban qaralayulju abuy-a ged ауау-a-tai tosun-ača šaltaју (sabšiju) törkiged ғал-tu egegegsen-tü šardi getel-e tologyai ni šidaqul-a šulum em-e čiskid bar- kirayad güyügseger bayiju sidayad üküju gen-e:</p> <p>Tegün-eče ekileged Qaryayitu-yin daba- yan-tu šulum ügei boluуsan gen-e:</p>	<p>— А что вы делаете?</p> <p>— Я черно свои волосы, — ответил Ар- гачи.</p> <p><i>Шулмус</i> приблизилась к нему и заявила:</p> <p>— Я тоже почерню свою голову.</p> <p>Она нанесла себе на шевелюру густой слой масла из чашки и склонилась над огнем. Тут же ее голова загорелась, де- вушка-<i>шулмус</i> завизжала, стала бегать ту- да-сюда и умерла, догорев, так говорят.</p> <p>С тех пор, говорят, с перевала Харгайт черти и исчезли.</p>
--	--

Ответ Аргачи на вопрос антагониста о своем имени: *Minü ner-e über-iyen* / Мое имя [Я] Сам (Агааи 1990: 86) позволяет рассматривать данный рассказ как вариант сюжета, широко представленного в фольклоре народов мира, — АТ1135 “Eye Remedy”, и его версию — АТ1136. Более подробно описание приведено для сюжетов СУС1136 «Я сам» и СУС1135 «Ослепление: Человек, назвавшись именем „Я сам“, калечит черта; на вопрос [своего повелителя] об обидчике черт отвечает: „[Это сделал] Я сам“» (СУС: 266).

Аналогичный рассказ, в котором главный герой хитростью сжигает антагониста, но без сюжетного ядра АТ1135, был найден среди архивных материалов советских исследователей Монголии и опубликован В.Н. Клюевой, работавшей с 1944 по 1950 г. заведующей кафедрой русского языка Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор) (Поршнев, Шмаков 1959: 15–16). Он повествует о победе девушки над монгольским мифологическим персонажем — «снежным человеком» *хун-хара*. Нам удалось установить, что оригинал, значительно переработанный В.Н. Клюевой, был записан В.А. Казакевичем (1896–1937) предположительно между 20 и 23 июня 1925 г. на территории современных Матад или Халх-гол сомонов Дорнод аймака и включен в подготовленный исследователем отчет «о поездке на Хэрулюн-гол и Халхыйн-гол летом 1925 года» (АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1):

Когда-то в этих краях жили-были молодые муж и жена. Муж добывал средства к пропитанию охотой, а жена постоянно оставалась дома в одиночестве. Однажды, работая возле дома, она вдруг увидела приближающегося «хун-хара». Вспомнив все рассказы о нем и сознавая невозможность спастись бегством, женщина вбежала в юрту и поспешно стала готовиться к встрече страшного гостя. На левой (мужской) стороне юрты поставила она чашу с маслом, а на правой, где сама сидела, чашу с водой. «Хун-хара», не зная, как открыть дверь, выломал ее и, войдя, сел по левой стороне, против женщины, приветливо ей ухмыляясь. Она предложила ему чашку чая, которую он с удовольствием выпил. Через некоторое время умная женщина помешала руки в воде и стала ими приглаживать свои волосы. «Хун-хара», обладая обезьяньим нравом подражания, обмакнул лапы в чашу с маслом, стоявшую возле него, и начал намазывать свою гриву. Проделав эту историю несколько раз, хозяйка взяла палочку и, сунув ее в огонь, поднесла зажженной к своим волосам. «Хун-хара» тоже зажег лучину, запалил свою шкуру, отчего и сгорел (АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28 об. — 29).

Переданный В.А. Казакевичем мифологический рассказ зеркально (изменены гендерные маркеры антагониста и главного героя, а также место действия «перенесено» из пещеры в юрту) повторяет историю «Šulum-i šitayaysan ni» (Аргачи 1990: 86–87). Но исследователь приводит его не просто как памятник фольклора, а как пример взаимодействия реального человека с мифологическим персонажем, предваряя рассказ следующим описанием *хун-хара*:

Между прочим, с особым удовольствием говорят о легендарном звере «хун-хара», причем рассказчики умудряются оставить слушателя в недоумении, стоит или нет верить в реальность этих сказок. «Хун-хара» якобы громадного роста, нечто среднее между человеком и медведем. Волосы у него длинные и спускаются прямо на глаза. Поэтому он имеет привычку всегда ходить против ветра, откидывающего волосы с его лица, а при попутном ветре он ничего не видит. Главную пищу его составляют сурки⁷. Пользуясь своей громадной силой, «хун-хара» засовывает лапу в тарбаганью нору и выворачивает громадные глыбы земли, после чего хватает добычу. Убив сурка, он кладет его под мышку и идет дальше. Поймав нового сурка, он кладет его снова под мышку, не замечая, как первый оттуда падает, и так охотится целый день. К вечеру, оставшись с одним лишь сурком, «хун-хара» приходит в ярость, ломает деревья и ревет, но быстро успокаивается. Если человек встретится с ним, то всякое бегство бесполезно, все равно догонит и убьет со злости, лучше смиренно стоять. Тогда добродушный зверь возьмет человека под руку и будет с ним ходить. В таком случае стоит [только] сунуть ему в лапы другой рукой какую-нибудь вещь, как он забудет про человеческую руку и положит на ее место поданный предмет, не замечая, что выпустил пленника, который пользуется случаем и убегает (АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28).

Рассказ о том, как девушка обхитрила *хун-хара*, включен В.А. Казакевичем в текст экспедиционного отчета и не маркирован как отдельное фольклорное произведение. Поскольку данные о месте и времени записи текста, а также об информанте отсутствуют, мы реконструировали их, основываясь на приведенных в источнике сведениях.

Включение этого нарратива непосредственно в ткань повествования отчета, составленного на русском языке, может указывать на характер исполнения оригинального монгольского текста и его жанровую принадлежность. Это мифологический рассказ, фольклорный речевой акт⁸ исполнения которого не носил развлекательный характер. Его цели — продемонстрировать слушателю, в данном случае исследователю-иностранцу, традиционную стратегию взаимодействия с опасным, но не очень умным мифологическим персонажем. Об этом также свидетельствует замечание В.А. Казакевича о невозможности охарактеризовать рассказы о *хун-хара* по признаку достоверности/недостоверности.

Повествования об Аргачи классифицированы составителями издания 1990 г. как «сатирические сказки» (Аргачи 1990: I). С точки зрения классификации калмыцкого фольклора, предложенной В.Т. Саранговым (1950–2021), они соответствуют всем четырем признакам бытовых сказок (Сарангов 2010: 94–97). Это является опосредованным указанием на развлекательную функцию данных фольклорных текстов, подготовленных для читателя конца XX в.

В том же коротком вводном тексте, предваряющем опубликованный в Урумчи сборник, составители указывают, что Аргачи «восхваляет торжество истинных тра-

⁷ Речь идет о млекопитающих рода сурков вида *Marmota sibirica*, более известных в Монголии и Забайкалье как тарбаган (монг. *тарвага(н)*).

⁸ Более подробно о понятии «фольклорный речевой акт» см. (Адоньева 2018).

диций правильного поведения» (Агүагі 1990: I). Это маркирует еще одну функцию данного корпуса произведений устного народного творчества — прикладную. Мы полагаем, что на примерах историй об Аргачи транслировались стратегии поведения при осуществлении судебной тяжбы. Следовательно, этот корпус также включает в себя «инструкции» по взаимодействию с мифологическими персонажами, позволяющие выйти невредимым в случае нежелательной встречи с ними. Интересно, что рассмотренный в статье способ избавиться от незваного «потустороннего» гостя зафиксирован на разных оконечностях ареала проживания монгольских народов — от Синьцзяна на западе до границы Халхи и Барги на востоке.

Сокращения

СУАР КНР — Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики
 СУС — Сравнительный указатель сюжетов
 АТ — Aarne-Thompson (Thompson 1964)

Литература

- Адоньева 2018 — *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. 2-е изд. СПб.: Пальмира, 2018.
- Бруннерт, Гегельстром 1910 — Современная политическая организация Китая / И.С. Бруннерт и В.В. Гегельстром. Под ред. и при участии первого драгомана Российской императорской миссии в Пекине Н.Ф. Колесова. Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской духовной миссии, 1910.
- Владимирцов 1926 — *Владимирцов Б.Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.–З. Монголия). Л.: Издание Института живых восточных языков имени А.С. Енукидзе, 1926.
- Катуу 2002 — Торгууд ардын аман зохиол. Эмхтгэн боловсруулж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичиж, тайлбар зүүлт үйлдсэн Доктор, профессор [Устное народное творчество торгутов. Составление, научное введение и комментарии доктора, профессора] Б. Катуу. Улаанбаатар, 2002.
- Кульганек 2000 — *Кульганек И.В.* Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Носов, Эцэнбат 2020 — *Носов Д.А., Эцэнбат.* Сказки о Мастере Аргачи на просторах Центральной Азии // *Mongolica*. 2020. Т. XXIII. № 2. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 76–81. DOI: 10.25882/9bfw-fd84.
- Поршнев, Шмаков 1959 — Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / Под ред. Б.Ф. Поршнева и А.А. Шмакова. М., 1959.
- Почекаев 2021 — *Почекаев Р.Ю.* Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И.С. Унковского) // *Mongolica*. 2021. Т. XXIV. № 1. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 51–57. DOI: 10.25882/yed8-k615.
- Садалова 2002 — Алтайские народные сказки / Сост., пер. Т.М. Садаловой, переводы диалектных текстов К.М. Макошевой; вступит. ст. Т.М. Садаловой. Новосибирск: Наука, 2002 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Сарангов 2010 — *Сарангов В.Т.* Фольклор калмыцкого народа: учебное пособие. Элиста: Издво КГУ, 2010.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.
- Харитонов 1978 — Двадцать три Насредина / Составление, вступит. ст., примеч. и указатели М.С. Харитонова. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.
- Чудояков 2002 — Шорские сказки, легенды / Сост. А.И. Чудояков. Кемерово: ООО Редакционно-издательская фирма «Весть», 2002.

- Аргаџи 1990 — Аргаџи. Arad-un aman ǰokiyal (Аргачи. [Произведения] устного народного творчества). Urumčĭ: Šinjĭyang-un arad-un keblel-ün qoryi-a, 1990.
- Lörincz 1979 — Lörincz L. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979 (in German).
- Thompson 1955–1958 — Thompson S. Motif Index of Folk Literature. Vol. 1–6. Copenhagen; Bloomington, 1955–1958.
- Thompson 1964 — Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Helsinki, 1964.

References

- Adoneva, Svetlana B. *Pragmatika fol'klora. 2-e izd.* [The Pragmatics of Folklore. 2nd ed.] St. Petersburg: Palmira, 2018 (in Russian).
- Altaiskie narodnye skazki. Sost., perevod: T.M. Sadalovoi, Perevody dialektnykh tekstov K.M. Makoshevoi; vstupit. st. T.M. Sadalovoi* [Altai Folk Tales. Compiled, Translated and Prefaced by T.M. Sadalova. Translation from Different Dialects by K.M. Makosheva]. Novosibirsk: Nauka, 2002 (Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East, Series) (in Russian).
- Аргаџи. Arad-un aman ǰokiyal* [Argachi. Pieces of Folklore]. Urumčĭ: Šinjĭyang-un arad-un keblel-ün qoryi-a, 1990 (in Old Mongolian).
- Dvadtsat' tri Nasreddina. Sostavlenie, vstupitel'naia statiia, primechaniia i ukazateli M.S. Haritonova* [Twenty Three Nasr-ad-dins. Compiled, Commented and Prefaced by M.S. Haritonov]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1978 (in Russian).
- Informatsionnye materialy komissii po izucheniiu voprosa o "snezhnom cheloveke"* [Information Materials of the Commission for the Study of the Issue of "Bigfoot"]. Vol. 3. Ed. by B.F. Porshnev & A.A. Shmakov. Moscow, 1959 (in Russian).
- Kulganek, Irina V. *Katalog mongoloiazыchnykh folklornykh materialov Arkhiva vostokovedov pri SPbF IV RAN* [A Catalog of Folklore Materials in Mongolian Languages of the Archive of Orientalists at the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, RAS]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000 (in Russian).
- Lörincz, Laszlo. *Mongolische Märchentypen*. Budapest, 1979 (in Hungarian) (in German).
- Nosov, Dmitrii A. & Cecenbat. "Skazki o Mastere-Argachi na prostorakh Tsentral'noi Azii" [Tales about Argachi in Central Asia]. *Mongolica*, 2020, vol. XXIII, no. 2. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 76–81 (in Russian). DOI: 10.25882/9bfw-fd84.
- Pochekaev, Roman Ju. "Sudebnyi protsess v Dzhungarskom khanstve s uchastiem inostrantsev (po zapiskam I.S. Unkovskogo)" [Judicial Proceeding in the Zungbar Khanate with the Participation of Foreigners (Based on the Notes of I.S. Unkovski)]. *Mongolica*, 2021, vol. XXIV, no. 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 51–57 (in Russian). DOI: 10.25882/yed8-k615.
- Sarangov, Vladimir T. *Fol'klor kalmytskogo naroda: uchebnoe posobie* [Folklore of the Kalmyk People: A Tutorial]. Elista: KGU Publ., 2010 (in Russian).
- Shorskie Skazki, Legendy. Sostavitel' A.I. Chudoyakov* [Folktales and Legends of the Shors. Compiled by A.I. Chudoyakov]. Kemerovo: Redaktsionno-izdatelskaia firma "Vest" LLC, 2002 (in Russian).
- Sovremennaia politicheskaiia organizatsiia Kitaia*. I.S. Brunnert i V.V. Gagelstrom. Pod red. i pri uchastii pervogo dragomana Rossiiskoi imperatorskoi missii v Pekine N.F. Kolesova [Modern Political Organization of China. By I.S. Brunnert and V.V. Gagelstrom. Ed. and with the Participation of the First Dragoman (Interpreter) of the Russian Imperial Mission to Beijing N.F. Kolesov]. Beijing: Printing House of the Uspenskii Monastery at the Russian Ecclesiastical Mission, 1910 (in Russian).
- Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka*. Sost.: L.G. Barag, I.P. Berezovskij, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov [A Comparative Index of Folktale Types: The East Slavic Fairy Tale]. Compiled by L.G. Barag, I.P. Berezovski, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad: Nauka, 1979 (in Russian).

- Thompson, Stith. *Motif Index of Folk Literature*. Vol. 1–6. Copenhagen–Bloomington, 1955–1958 (in English).
- Thompson, Stith. *The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography*. Helsinki, 1964 (in English).
- Torguud arдын аман зохiol. Emhtgen bolovsrүүлз, еrdem шинзһилгеенй удиртгал бичизһ, тајлбар зүүлт үјлдсен Доктор, профессор В. Катuu* [Folklore of the Thorguts. Edited, Commented and Prefaced by Dr., Prof. B. Khatuu]. Ulaanbaatar 2002 (in Mongolian).
- Vladimirtsov, Boris Ya. *Obraztsy mongol'skoi narodnoi slovesnosti (S.-Z. Mongoliya)* [Samples of Mongolian Folk Literature (N.-W. Mongolia)]. Leningrad: Published by the Institute of Living Oriental Languages named after A.S. Enukidze, 1926 (in Russian, in Mongolian).

Fighting the Devil: On the Non-Obvious Function of One Folk Story of the Oirats of Xinjiang

Dmitrii A. NOSOV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 21.07.2022.

Abstract: The article deals with the folk story “Šulum-i šitayaysan ni” (How Argachi managed to burn the devil-girl) published in 1990 in Urumqi in the Old Mongolian script. The story was incorporated into the collection of satirical tales about Argachi, an Oirat folk hero reminiscent of Khoja Nasreddin. Of all the published tales, the story in question highlights the image of the antagonist. While usually an Oirat folklore trickster opposes a rich man, an aristocrat or an official, in this case he deceives a mythological character—a female demon. This narrative largely repeats the Khalkha-Mongol mythological tale included by Vladimir A. Kazakevich (1896–1937) in the report on his trip in 1925 to the region of the Khalkh-gol river. The researcher provided the narrative recorded in Khalkha with a voluminous commentary, which made it possible to completely reconstruct the context and pragmatic function of a stable narrative. The traditional strategy used to deceive a mythological character dangerous for a person, in case of an undesirable visit to the yurt, is revealed. The strategy is expressed by the world-famous folktale-type AT 1135 “Eye Remedy”.

Key words: Oirats, Khalkha Mongols, Xinjiang, Mongolia, folklore, mythological narratives, fairy-tale type AT 1135.

Acknowledgements: The author is grateful to Prof., Dr. Sci. (Philosophy), Baazr A. Bicheev and Doctor of Philology (Ph.D.), Professor of the Institute of Ethnic Literature of the National Academy of Sciences of the People’s Republic of China Siqinbatu, without whom this work would not have taken place.

For citation: Nosov, Dmitrii A. “Fighting the Devil: On the Non-Obvious Function of One Folk Story of the Oirats of Xinjiang”. *Pis'menye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 38–46 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109724.

About the author: Dmitrii A. NOSOV, Cand. Sci. (Philology), Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

О классификации и элементах оформления персидских документов эпохи Сафавидов

О.М. ЯСТРЕБОВА

Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербургский Государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO106923

Статья поступила в редакцию 29.06.2022.

Аннотация: В статье анализируются письменные источники, освещающие бюрократические процедуры сафавидской эпохи и содержащие практические инструкции по оформлению официальных документов. Это прежде всего два широко известных руководства по устройству государственного аппарата и управлению им — «Тазкират ал-мулук» и «Дастур ал-мулук», а также менее изученные, хотя и чрезвычайно информативные тексты — руководство-*муниша'ат* в рукописи, хранящейся в Библиотеке и музее Малека, и тетрадь (*байаз*), в которой записывались различные особенности внешнего оформления указов и грамот, направленных разным лицам, в том числе правителям Индии, Османской империи, государств Средней Азии, Римскому папе и монархам европейских государств. На этой основе выявляются основные типы документов, издававшихся сафавидским диваном, а также характерные особенности внешнего оформления, соответствующие каждому типу. Эти особенности включают в себя такие элементы, как *'унван*, *тугра* и печать. Для выявленных на основании этих источников типов документов находятся соответствия среди сохранившихся до наших дней памятников сафавидской дипломатики. Полученные сведения привлекаются для анализа недавно введенных в научный оборот оригинальных персидских документов из фондов РГАДА.

Ключевые слова: персидская дипломатика, архивные документы, Сафавиды, РГАДА.

Благодарность: Проект поддержан грантом РНФ № 18-78-10052-П «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

Для цитирования: Ястребова О.М. О классификации и элементах оформления персидских документов эпохи Сафавидов // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 47–76. DOI: 10.55512/WMO106923.

Об авторе: ЯСТРЕБОВА Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей РНБ; ведущий научный сотрудник Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия) (yastolg@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-3140-2139.

© Ястребова О.М., 2022

В РГАДА в фонде 77 «Сношения с Персией» сохранилось довольно много оригинальных памятников персидской дипломатики, которые до недавнего времени были неизвестны исследователям. В ходе работы над проектом «Документальная история

русского направления дипломатии Сафавидов (1501–1722 гг.)» его участниками были выявлены и опубликованы документы, относящиеся ко времени правления шаха Сафи I (1629–1742) (Персидские документы 2021).

К настоящему времени издано немалое количество памятников персидской дипломатики, самые старые из которых относятся к домонгольскому времени¹. Документы эпох, предшествовавших созданию Сафавидской державы, довольно скудны, тем не менее позволяют в определенной степени проследить эволюцию формальных особенностей деловой переписки. С сафавидского времени мы располагаем уже большим массивом опубликованных документов, сохранившихся как в оригиналах, так и в позднейших копиях. Хотя среди них присутствует целый ряд официальных писем сафавидских шахов европейским монархам и правителям мусульманских государств, аналогичные оригинальные послания русским царям до недавних пор были неизвестны.

Акты в публикациях обычно представлены указами (так называемыми «фирманами», от перс. *фарман* — досл. «приказ», общий термин для обозначения всех подвигов официальных документов, исходящих от шаха), среди которых преобладают указы о назначениях на должности, пожалования полномочий и привилегий и подтверждения более ранних постановлений. Специфика фирманов из собрания РГАДА состоит в том, что они адресованы не подданному шаха, а русским воеводам Терков, Астрахани и Казани и в большинстве своем представляют собой «проезжие грамоты», извещающая адресатов о прибытии послов и торговых представителей и призывая оказывать им всяческое содействие. Встречаются в публикациях и челобитные — прошения и донесения с обращением к верховному правителю, шаху. На их фоне персидские челобитные из собрания РГАДА выделяются тем, что они адресованы русскому царю и написаны в России, в результате чего многие их образцы созданы под влиянием местной русской канцелярской практики. Поскольку челобитные не являются продуктом деятельности государственных канцелярий, мы решили не рассматривать их в данной статье.

Бюрократическая процедура, в результате которой памятники дипломатики появляются на свет, отражается и в содержании, и во внешнем оформлении документов. Когда официальная переписка ведется между представителями двух разных развивавшихся независимо друг от друга бюрократических систем, каждая сторона неизбежно воспринимает своего оппонента согласно собственной системе координат, что находит отражение в формуляре документов, их внешнем оформлении, способах верификации, а также накладывает отпечаток на восприятие представляемых другой стороной бумаг. Задача статьи — опираясь на элементы содержания и внешнего оформления, показать, какое место сохранившиеся в фондах РГАДА памятники занимают в классификации официальной сафавидской корреспонденции, как соотносятся с другими образцами официальной переписки того же периода.

¹ См., например, крупные массивы опубликованных материалов: 101 документ конца XIV — начала XVIII в. (Fekete 1977); 210 фирманов из Центрального государственного исторического архива Грузии и Института рукописей им. К.С. Кекелидзе (Тодуа, Шамс 1989); 136 фирманов из тех же источников (Путуридзе 1961–1977); 150 документов XIV–XX вв. (Каим-Маками 1348а) и др. Большим подспорьем является сайт проекта университета Бамберга, поддержанного Немецким фондом исследований (DFG), по созданию базы данных опубликованных ранее в различных источниках памятников персидской дипломатики (www.asnad.org, дата обращения: 03.09.2022).

Исследования и источники

Одним из первых к сбору и публикации материалов персидской дипломатики обратился иранский исследователь Джахангир Каим-Маками. В 1348/1969–1970 г. он подготовил к изданию 150 памятников XV–XX вв. (Каим-Маками 1348а). Позже на персидском языке вышло пособие «Введение в изучение исторических документов» (Каим-Маками 1350); в нем Каим-Маками предложил обзор исторических сочинений, которые упоминают о государственных архивах и канцелярских практиках династий, правивших в разное время в Иране, дал классификацию архивных источников, сосредоточившись на характеристике различных видов государственных актов — *диваний-ат* в историческом аспекте, а также в современной ему практике. Каим-Маками подробно рассмотрел особенности формуляров документов дивана в разные эпохи, различные элементы оформления, подтверждавшие легитимность документа, такие как заверочная подпись-*тавки*’, *тугра*, печать, канцелярские и регистрационные пометы на обороте и др. Отдельная глава посвящена описанию канцелярских процедур в разные исторические эпохи, обязанностям чиновников, вовлеченных в процесс создания государственных актов; здесь же рассказывается о том, каких правил и этикета (*адаб*) придерживались составители посланий в различное время. Приложением к книге являются разделы, посвященные печатям шахов Ирана от династии Ильханидов до Пехлеви и *туграм* афганских эмиров. Кроме того, перу этого исследователя принадлежат статьи, опубликованные в иранских периодических изданиях и рассматривающие такие элементы оформления персидских фирманов, как печать, *тавки*’ и *тугра* (Каим-Маками 1348б; 1349; 1351).

Подробно особенности иранской дипломатики рассмотрены венгерским ученым Лайошом Фекете в предисловии к изданию документов из архивных хранилищ Стамбула, Вены, Венеции, Ватикана, Копенгагена и Лондона, которое озаглавлено «Введение в персидскую палеографию» (Fekete 1977). Здесь дана подробная характеристика формуляра, содержания и особенностей внешнего оформления основных разновидностей исторических документов (указов, челобитных и посланий правителям других государств). Сумма сведений, накопленных по данной теме, приводится в статьях второго издания Энциклопедии ислама Х. Буссе (Busse 1991а; 1991б) и, наиболее полно, в статье Берта Фрагнера, вошедшей в “Encyclopædia Iranica”. В последней приведена также библиография исследований по данной теме (Fragner EI).

Основными источниками для исследований дипломатики сафавидского периода, помимо довольно большого количества сохранившихся в разных библиотеках мира актов и грамот, а также ряда рукописных сборников копий, снятых с оригинальных документов, служат упоминания бюрократических процедур в исторических хрониках и специальных сочинениях по государственному управлению, а также рассказы европейских путешественников, прежде всего Шардена, посетившего Иран в период царствования Сафи II-Сулаймана (1666–1694). В своем достоверном и весьма подробном описании всех сторон жизни иранского общества, которое он имел возможность наблюдать во время путешествий 1666–1667 и 1671–1677 гг., Шарден уделил большое внимание особенностям функционирования бюрократической системы государства, в том числе процедуре издания шахских указов и их регистрации в различных канцеляриях, разновидностям печатей, которые использовались от имени шаха Сулаймана (одна из иллюстраций приводит описание и схематические изображения пяти печатей с французским переводом содержащихся на них легенд) (Chardin 1811:

V, 456–462; Atlas, pl. XXXI). Составленное Шарденом описание коронации Сулаймана содержит текст выданного им Шардену «рекомендательного письма», внешний вид и содержание этого и еще одного документа подробно разобраны и прокомментированы (Chardin 1686: 216–224).

Важнейшая информация о бюрократическом устройстве империи в поздний период ее существования содержится в двух связанных между собой текстах, первым из которых в научный оборот было введено руководство по устройству государственного аппарата и управлению им, озаглавленное «Тазкират ал-мулук» («Поминание для царей»). Издание по хранящейся в Британской библиотеке рукописи подготовил В. Минорский, сопроводив его английским переводом и обширными комментариями. По мнению исследователя, причиной создания такого руководства по организации государственного управления была неопытность в этой сфере гильзаев, стремительно перешедших от управления небольшой провинцией к руководству огромной державой. Он определяет дату составления текста как 1725 г. — вскоре после смерти Махмуда и восшествия на престол Афшара (прав. 1725–1729) (Minorsky 1943: 10–11). Ранее текст считался анонимным, но иранский исследователь М.-Т. Данишпажух нашел еще один его список, где имя автора было указано как Мирза Сами'а, после чего вышло иранское переиздание текста (Дабир-и Сийаки 1988–1989). Автор трактата ставил задачу описать состав и функции чиновничьего аппарата и не мог не упомянуть об обязанностях некоторых его представителей, связанных с порядком составления, оформления и визирования документов разного содержания и типа.

«Дастур ал-мулук» («Инструкция для царей») — текст, который имеет много общего с «Тазкират ал-мулук», но попал в поле зрения исследователей несколько позднее. Существуют четыре его издания, причем три более ранних основаны на единственном неполном списке, хранящемся в Йезде. Самое недавнее подготовлено Нобуаки Кондо и учитывает ранее обделенный вниманием исследователей список из библиотеки Салар Джунг в Хайдарабаде, который содержит более полный текст. Ранние издания, базирующиеся на списке из Йезда, относят время создания текста к правлению Султан-Хусайна (1694–1722), имя которого упомянуто в предисловии. В хайдарабадском списке имя шаха опущено, что, вероятно, указывает на более поздний период уже при владычестве афганцев (Kondo 2018: 4–5). По одному из более ранних изданий А.Б. Вильдановой был подготовлен русский перевод «Дастур ал-мулук» (Вильданова 1991). Этот текст во многом повторяет содержание «Тазкират ал-мулук», но по ряду вопросов дает более полные и детальные сведения.

Еще одним весьма ценным источником является хранящаяся в Библиотеке и музее Малека (Тегеран) рукопись анонимного руководства по составлению посланий (*муниа'ат*) (рук. № 6293), переписанная 29 раби II 1269/8 февраля 1853 г. Она насчитывает 151 л., текст состоит из 16 глав, наибольший интерес из которых представляют первые три. К сожалению, начальные страницы утрачены, поэтому никаких указаний на автора и обстоятельства создания текста не сохранилось. Однако благодаря упомянутым в тексте именам правителей сафавидской династии было установлено, что руководство, вероятнее всего, создано во времена правления Сафи II Сулаймана (1666–1694). Выдержки из него были использованы Дж. Каим-Маками в его пособии по дипломатике, однако этот текст не так хорошо известен, как предыдущие два, и не опубликован целиком, поэтому ему мы уделим здесь больше внимания.

Первые три главы, наиболее интересные для нас, посвящены важнейшим формальным элементам актов, издававшихся диваном. Первая глава, начало которой утрачено, рассматривает правила употребления почетных титулов (*алкаб*). Это чрезвычайно важный элемент текста документа, будь то указ или адресованная одним правителем другому грамота, поскольку определяет положение адресата по отношению к отправителю.

Во второй главе рассказывается о правилах составления документов разного типа: духовных родословных-*шаджара*, трех разновидностей указов — *нишан* (досл. «указ»), *парванача* (досл. «патент, открытая грамота», исторически восходит к перс. *парвана* — «гонец»), *ракам* (досл. «начертание», используется в значении «распоряжение», приказ). При этом автор утверждает, что инструкции (*дастур ал-‘амал*), которыми руководствуется Высочайший диван в его время, восходят к царствованию шаха Тахмаспа (1524–1576) (л. 7г). Следовательно, описанные здесь правила должны были действовать и в особенно интересующий нас период правления Сафи I. Действительно, формуляры, типы и элементы оформления различных документов (включая *тугры* и печати) с правления Тахмаспа принимают устойчивый единообразный характер, который впоследствии сохраняется до конца существования династии.

Основное внимание во второй главе уделяется правилам использования в документах таких элементов, как *тугра*, печать и фразы, восхваляющие Бога, пророка Мухаммада и имама ‘Али. Эти фразы писались в верхней части листа, как правило, золотом, и в данном тексте в отношении их применяется термин *‘унван*. Этот же термин, насколько можно судить по сборнику заметок канцеляристов сафавидской эпохи, о котором будет сказано ниже, применялся в отношении всего верхнего пространства листа над текстом документа. Это пространство в некоторых случаях могло быть покрыто золотым и цветным орнаментом. Фекете обозначает текст *‘унвана* как *да‘ват* («призыв») (Fekete 1977: 26–27); по аналогии с описанием формуляра европейских документов к нему иногда применяют термин *invocatio* («инвокация») (Fragner EI).

Наконец, третья глава содержит описание 11 печатей, которые использовались в канцеляриях дивана шаха Сулаймана. Перевод фрагментов второй главы (без примеров текста документов) и третьей главы целиком дан в приложении к статье (см. Приложение).

Уникальным, но пока что также мало известным широкому кругу исследователей источником по правилам оформления документов, выходявших из придворной канцелярии между 997/1588 и 1130/1717 гг., является тетрадь (*байаз*) для записи различных особенностей внешнего оформления указов и посланий, направленных разным лицам, в том числе правителям Индии, Османской империи, государств Средней Азии, Римскому папе и монархам европейских государств. Подробно описаны 163 документа, общее же количество упомянутых в сборнике документов составляет 245 единиц. Изучением и публикацией его занимался Ирадж Афшар². Описания посланий, направленных русским царям, скорее всего, также некогда были включены в рукопись, однако та часть, в которой они содержались, к сожалению, была утрачена. Тем не менее в сохранившейся части имеется отсылка к оформлению письма, адресованного

² Сейчас хранится в библиотеке Маджлиса ИРИ под № 5032. Ирадж Афшар в 1357/1978–1979 г. в журнале «Фарханг-и Иранзамин» издал факсимиле рукописи, а через 30 лет — текст записей, в которых содержалась информация о внешнем виде документов (Афшар 2008).

русскому царю, при описании послания английскому монарху от 1074/1664 г.: «Во всем по описанию и размерам как русское письмо, но почетных титулов (*алкаб*) более, чем в нем» (Афшар 2008: 23–24, 140, № 147).

Составлявшийся несколькими поколениями секретарей сборник содержит информацию о таких особенностях писем, как тип бумаги, расположение текста, размеры полей и расстояние между строками, стиль каллиграфии, место прикладывания печати, способ складывания документа и описание контейнера, в котором он отправлялся адресату, и др. Для ряда писем в мельчайших подробностях дается описание присутствовавшего в них художественного оформления. Этот источник дает бесценный материал для изучения терминов, которыми пользовались в своем профессиональном жаргоне канцеляристы, и помогает лучше понять смысл беглых упоминаний о тех или иных элементах оформления документов в перечисленных выше текстах.

Довольно много исследований посвящено печатям шахов Ирана. Как уже было сказано, впервые описание печатей шаха Сулаймана, ритуала их хранения и прикладывания к документам со схематическим изображением четырех из них дал в своем описании Персии еще Шарден. Соотнести сведения и рисунки Шардена с образцами сафавидских документов из собрания Британской библиотеки, а также с упоминаниями о печатях и порядке их использования в «Тазкират ал-мулук», попытался Минорский (Minorsky 1943: 201–203). Пять печатей (‘Аббаса I, Сафи, Сулаймана и Хусайна) были приведены в работе Рабино ди Боргомале, посвященной персидской нумизматике (Rabino 1945: pl. 3). Печатам посвящен и третий раздел главы 4 «Введения в изучение исторических документов» Дж. Каем-Маками; в части, касающейся сафавидского периода, он приводит сведения Шардена, цитирует руководство-*мунша’ат* из Библиотеки Малека и сведения из «Тазкират ал-мулук», а в Приложении 1 воспроизводит оттиски печатей шахов Ирана от Ильханов до Пехлеви (Каим-Маками 1349: 227–236, 358–377). Наиболее полный каталог оттисков сафавидских печатей на данный момент, пожалуй, собран в книге Каримзаде-Табризи, вышедшей в 2006 г. (Каримзаде-Табризи 1385(2006)).

Элементы оформления и классификация сафавидских официальных документов

Процедура и исполнители

В руководствах по государственному управлению «Тазкират ал-мулук» и «Дастур ал-мулук» упомянуты различные элементы оформления документов (*тугра*, печать, заверочные записи), отражающие этапы прохождения приказа через ряд инстанций и наносившиеся разными должностными лицами. Сведения отрывочны, так как тексты ставят целью разъяснить функции чиновников, а не воссоздать полную картину документооборота.

Чиновники, через чьи руки могли проходить указы, прежде чем достичь адресата, и которые были ответственны за нанесение на документ важных элементов оформления, в том числе определяющих его тип, включают: 1) вазира Высочайшего дивана (наиболее влиятельный из чиновников высочайшего ранга, носивших титул «высокопоставленных» — *алиджах*, один из четырех «столпов государства» и член государ-

ственного совета); 2) *ваки 'а-нависа* (досл. «записывающий события», придворный хронист), или *маджлис-нависа* (секретарь собрания) — в придворной канцелярии Сафавидов этими двумя терминами обозначался один из самых близких к особе шаха чиновников, известный также по месту, на котором сидел в собрании, как «вазир левой руки»; 3) *муниши ал-мамалика* (досл. «секретарь владений», государственный секретарь); 4) хранителей печатей (*мухрдар*); 5) секретарей — «хранителей чернилниц» (*даватдар*).

Как упоминается в «Тазкират ал-мулук», документы категории *ракам*, в том числе о выплатах и назначениях на должности, основанные на распоряжении-*та 'лика*³ вазира Высочайшего дивана, сначала обязательно скреплялись его печатью, после чего на них ставилась шахская печать, «воздействием подобная солнцу» (*мухр-и мухр-асар*) (Minorsky 1943: 44–45). Таков же был порядок скрепления печатью *ракамов*, издававшихся по устному распоряжению шаха или по представлению (*писала*, досл. «послание») кого-либо из представителей высшей администрации, входивших в число «приближенных к шаху» (*мукарраб ал-хакан*)⁴. Упомянутая здесь печать в другом пассаже текста также названа «печатью перстня, воздействием подобного солнцу» (*мухр-и ангуштар-и мухр-асар*), т.е. эта печать была прикреплена к кольцу.

Маджлис-навис, или *ваки 'а-навис*, согласно «Тазкират ал-мулук», отвечал за составление ответов на письма правителей других стран, адресованных шахам Ирана («Дастур ал-мулук» эту обязанность приписывает *муниши ал-мамалику*), указов-*ракам* о назначениях на посты и обязанностях, о назначении жалованья и пожалования титулов. Указы, основанные на устных распоряжениях шаха, переданных через вазира или амиров и приближенных с формулировкой «по высочайшему повелению», приобретали силу только с ведома *ваки 'а-нависа* после того, как он писал на них *тугру* черными чернилами (*калам-и мидад*). При этом *тугру* черными чернилами писал исключительно *ваки 'а-навис*, однако формулировка этой *тугры* (в отличие от тех, которые писал *муниши ал-мамалик*) в «Тазкират ал-мулук» не раскрыта⁵. Минорский указывает в примечании, что документы, о которых идет речь в пассаже, описывающем обязанности этого чиновника, очевидно, отличались от тех, что визировал и скреплял *тугрой муниши ал-мамалик*.

В «Дастур ал-мулук» некоторые детали описания обязанностей *ваки 'а-нависа* отличаются. Во-первых, нет упоминания о том, что он отвечал за переписку с иностранными государями. Его подчиненные оформляли в письменной форме устные указы шаха, а также письменные распоряжения вазира, будь то «по высочайшему повелению» или нет, и представления приближенных ко двору чиновников, *ваки 'а-навис* писал на них *тугру*, и после этого они украшались печатью вазира и шахской печат

³ *Та 'лика* — досл. «комментарий», заметки вазира, размещенные на представленном документе (донесении, челобитной) и содержащие его распоряжения касательно затронутых в документе вопросов.

⁴ Эта группа стояла по рангу ниже тех, кто носил титул *'алиджак*; в нее входили дворцовые евнухи (*хваджа-сара*), а также главный врач (*хаким-баши*), главный астролог (*мунаджжисим-баши*), начальник монетного двора (*му 'аййир ал-мамалик*), секретарь государства (*муниши ал-мамалик*), хранители двух главных шахских печатей, секретарь — хранитель чернилницы (*даватдар*) для малой печати-перстня, секретарь — хранитель чернилницы указов (*ракам, хукм и парвана*).

⁵ Минорский предположил, что эта *тугра* писалась на обороте и представляла собой запись, начинающуюся словами *хасб ал-амр ал-'ла...* — «по высочайшему повелению...» (Minorsky 1943: 121–122).

тью *мухр-и михр-асар*. Через *ваки'а-нависа* проходили *ракамы* о назначении на самые высокие должности, а также обо всех видах пожалований, выплат и т.д., связанных с доменом *хасса* (т.е. личной казной государя). Помимо того что этот чиновник писал на них черными чернилами *тугры*, он выбирал также и почетные титулы-*алкаб* адреса, с которых начинается текст документа. Он зачитывал в присутствии шаха челобитные и донесения, записывал на них же вынесенные правителем постановления по делам; руководствуясь этими записями, в случае необходимости его подчиненные составляли письменные указы-*ракам* (Kondo 2018: ٢٣—٢٤).

Муниши ал-мамалик имел право писать на указах одну из трех разновидностей *тугры* красными или золотыми чернилами: на приказах *диванбиги* (т.е. главного судьи) он писал «вынесено решение, подчиняющее себе весь мир» (*хукм-и джахан-мута'шуд*); на приказах о денежных выплатах, назначении на должности, пожаловании титулов и союргалов⁶ военным — «вышел августейший указ» (*фарман-и хумайун шуд*), а на документах, названных «ответами» (*джаваб-нама*), и «мисалах (рескриптах), подаваемых *садрами*», — «августейший указ обрел достоинство действительности» (*фарман-и хумайун шараф-и нафаз йафт*). Эти *тугры* он писал лично своей рукой. Кроме того, он составлял родословные духовного наместничества (*шаджара*) суфиев и указы о пожаловании им союргалов (Minorsky 1943: 61).

В тексте «Дастур ал-мулук» *муниши ал-мамалику* отводится важная роль в международной дипломатической переписке: «Для письма, которое велено составить по высочайшему повелению любому из падишахов, *муниши ал-мамалик* составлял черновик, и после того, как его зачитывали в святейшем присутствии и украшающий сей мир разум одобрял его, один из подчиненных каллиграфов (*нама-навис*) со всей точностью и усердием переписывал письмо очень красивым почерком насталик, следя, чтобы не вкралось ни одно слово, написанное курсивом (*шикаста*). Обычно бумагу для каждого письма выдавало ателье по переписке книг (*китабхана*), а художники-иллюминаторы (*музаххиб*) рисовали рамки, украшали его и разрисовывали золотом, покрывали золотым крапом пространство, отведенное для текста, в соответствии с положением и величием того падишаха, руководствуясь правилами и указаниями, которые были в ведении *муниши ал-мамалика*» (Kondo 2018: ٦٩) (перевод наш. — О.Я.).

Из дошедших до нас образцов дипломатической переписки Сафавидов очевидно, что иллюминация встречается на посланиях, адресованных лишь мусульманским правителям, а письма европейским монархам лишены художественного оформления. То, что вопросу внешнего вида писем уделялось тщательное внимание, подтверждается и сафавидским *байазом* из библиотеки Маджлиса. Например, выделяется пышным художественным оформлением письмо «с соболезнованиями и поздравлениями», отправленное правителю Индии Мухаммаду Му'аззаму, около 1707 г. (дата не указана); оно описано в мельчайших деталях, включая орнаменты, покрывающие приложенный к письму листок с отриском шахской печати (Афшар 2008: 39–40).

Как сообщает автор «Дастур ал-мулук», *муниши ал-мамалик* был посвящен в содержание переписки, зачитывал шаху грамоты правителей других государств, писал на

⁶ Титул — пожалование чиновникам права собирать в определенных областях подати, предоставлялось за заслуги или в связи с занятием определенной должности, за которой титул был закреплен. Союргал — земельные ленные владения, которые жаловались изначально за военную, а позднее и за административную службу.

них ответы; через него передавались вазиру вся информация, которую докладывали послы. Он писал *тугру* золотом, красными или синими (лазурированными) чернилами на указах, фирманах, *шаджарах*, *нишанах* и письмах, а также подбирал почетные титулы-*алкаб* для всех этих документов (Kondo 2018: V•).

Шарден приводит такое описание процесса создания указа, посвященного какому-либо важному для государства вопросу: «государственный секретарь» (*муниш ал-мамалик*) передает первоначальное донесение по делу и проект решения секретарю, который составляет и переписывает документ, представляет его вазиру Высочайшего дивана. Тот, одобрив его, направляет *ваки 'а-навису* для снятия копии, а также нанесения на оригинал *тугры*. Затем документ возвращается к вазиру, и тот относит его шаху, в присутствии которого ставится печать. По сообщению Шардена только после этого вазир прикладывает на обороте свою печать. Затем вазир передает указ своему секретарю, который наносит приписку о том, что документ составлен «по высочайшему повелению». Если указ скреплен «малой» шахской печатью, секретарь ставит свою на обороте (Chardin 1811: 445–446).

В персидских источниках упоминаются также должности двух хранителей печатей. Впрочем, в их наименованиях есть некоторая путаница. В текстах они названы хранителями «августейшей печати» и «печати, воздействием подобной Солнцу», но на самом деле они не имели отношения к этим двум «большим» государственным печатям. Согласно сообщению Шардена, «большие» печати хранились в гареме под присмотром матери шаха в ларце, обвязанном шелковым шнуром и запечатанном восковой печатью. По пятницам мешки с требовавшими скрепления этими печатями документами приносили к дверям гарема; во время аудиенций ларец выносили, шах проверял целостность восковой печати, после чего она взламывалась (Chardin 1811: V, 452–454). Указанные же два чиновника, по-видимому, отвечали за так называемые «регистрационные» печати. Так, в «Дастур ал-мулук» говорится о «хранителе печати *мухр-и хумайун*, отпечаток которой — „регистрация августейшей печати“ (*сабт-и мухр-и хумайун*), и которая хранится у него». Она ставилась «в конце первой строки верхнего поля (*сапр-и авал-и 'унван*) оборотной стороны (*зимн*)». Хранитель присутствовал на аудиенциях, при этом печать висела у него через плечо (*хамайил*) (Kondo 2018: ٦٣—٦٤). Второй, хранитель печати «достоинства действительности» (*мухр-и шараф-и нафаз*) на ряде документов, прошедших регистрацию и получивших *тугру маджлис-нависа* или *муниш ал-мамалика*, ставил находившуюся у него печать (легенда ее не уточняется) «в начале первой строки верхнего поля оборотной стороны (*сапр-и 'унван-и зимн*) напротив августейшей печати (*мухр-и хумайун*)».

В сборнике-*муниша 'ат* из библиотеки Малека есть описание двух печатей регистрации (*сабт*): «печати регистрации августейшей печати „достоинства действительности“ (*мухр-и сабт-и мухр-и хумайун-и шараф-и нафаз*), что хранится у *мухрдара*» и «печати регистрации печати „достоинства действительности“ (*мухр-и сабт-и мухр-и шараф-и нафаз*), находящейся у другого *мухрдара*». Скорее всего, именно они находились у хранителей, о которых упоминают авторы «Дастур ал-мулук» и «Тазкират ал-мулук». Образцы таких овальных и небольших по размеру печатей можно увидеть в книге Каримзаде-Табризи — например, на обороте одного из опубликованных в ней указов Султан-Хусайна. Печать стоит в левом верхнем углу около верхней кромки оборота (которая соответствует нижней кромке лицевой стороны) и имеет легенду «*сабт-и мухр-и хумайун*» (Каримзаде-Табризи 1385(2006): 75).

К проставлению государственных печатей на документах имели отношение также секретари-*даватдары* (досл. «хранители чернилницы»). Секретарь «печати перстня, воздействием подобного Солнцу» (*даватдар-и мухр-и ангуштар-и афтаб-асар*) подносил документы, скрепленные черной *тугр* *ваки‘а-нависа*, для нанесения на них оттиска печатью, обозначенной в названии его должности. Второй секретарь-*даватдар* подносил к печати документы, на которых *тугру* красной или золотой краской писал *муниш ал-мамалик* (Minorsky 1943: 63).

Элементы оформления

Основные элементы оформления документов, о которых упоминают тексты «Тазкират ал-мулук» и «Дастур ал-мулук», — это печати и *тугры*. Что касается печатей, то разобраться в том, как выглядели их оттиски и каковы были их легенды, помогают оригинальные документы эпохи, а также посвященная этому вопросу глава в тексте *муниша‘ат* из Библиотеки Малека.

От разных представителей династии сохранились оттиски разного количества печатей. Так, на документах времени правления Исма‘ила I Каримзаде-Табризи найдено 4 различные печати, Тахмаспа I — 11, ‘Аббаса I — 3, Сафи I — 3, ‘Аббаса II — 6, Сафи II Сулаймана — 10, Султан-Хусайна — 13. Некоторые печати одного и того же царствования можно считать «перевыпуском» старых, пришедших в негодность, так как они не отличаются ни легендой, ни формой, незначительно разнятся лишь расположение текста, а также иногда указывается год изготовления.

Можно отметить, что начиная с правления Тахмаспа складывается определенный канон внешнего вида ряда печатей и содержания их легенд, который прослеживается с большим или меньшим постоянством вплоть до заката династии. Это соотносится с утверждением руководства-*муниша‘ат* о том, что именно в его царствование была выработана инструкция для составления документов дивана. При этом три разновидности печатей встречаются на лицевой стороне указов различного типа.

Каримзаде-Табризи отметил для более чем полувекового царствования Тахмаспа I четыре идентичных по оформлению печати (одна из них с датой 950 г.х.): круглой формы с внутренним круглым сегментом и ободком. Внутренний круг содержит девиз шаха, который обычно повторяется и на других его печатях (*банда-йи шах-и вилайат Тахмасб* — «Раб царя святости Тахмасп»), а в ободке имена пророка и 12 шиитских имамов (формулировка на печатях Тахмаспа — «*محمد المصطفى على المرتضى حسن* *الرضا حسين الشهيد على زين العابدين محمد الباقر جعفر الصادق موسى الكاظم على بن موسى الرضا محمد التقى على محمد المهدى حسن العسكري محمد المهدى*). — «Мухаммад Избранник (ал-Мустафа), ‘Али Достохвальный (ал-Муртада), Хасан Угодный Богу (ар-Рида), Хусайн Мученик (аш-Шахид), ‘Али Украшение поклоняющихся (Зайн ал-‘абидин), Мухаммад Познающий (ал-Бакир), Джа‘фар Искренний (ас-Садик), Муса Обуздывающий гнев (ал-Казим), ‘Али б. Муса Угодный Богу (ар-Рида), Мухаммад Богобоязненный (ат-Таки), ‘Али Чистый (ан-Наки), Хасан Воин (ал-‘Аскари), Мухаммад Ведомый истинным путем (ал-Махди)»). Обе надписи выполнены почерком *сулс* (Каримзаде-Табризи 1385(2006): 23–30).

У ‘Аббаса I подобная печать (естественно, с иным девизом), датированная 999 г.х., несколько отличается легендой на ободке, которая содержит не имена, но почетные эпитеты тех же почитаемых фигур («*اللهم صلى على النبي و الوصى و البنوّل و السبطين و السجّاد و* *الباقر و الصادق و الكاظم و الرضا و التقى و النقى و الزكى و المهدي*). — «Боже, благослови Пророка,

Душеприказчика, Целомудренную (т.е. Фатиму), двух внуков, Бьющего земные поклоны, Познающего, Искренного, Обуздывающего гнев, Угодного Богу, Богобоязненного, Чистого, Набожного, Ведомого истинным путем»). В том же виде печать присутствует на документах Сафи I (с датой 1038 г.х.) (см. Ил. 1), по два варианта сохранилось от 'Аббаса II (1052 и 1059 г.х.), Сафи II Сулаймана (один из них датирован 1077 г.х.), Султан-Хусайна (1105 г.х. — с некоторыми вариациями в тексте на ободке, 1112 г.х.), один — от Тахмаспа II (1135 г.х.).

Этот тип соответствует первой из печатей, упомянутых в рукописи *муниша'ат* (Приложение 3.1). В тексте, правда, есть очевидный пропуск, но по аналогии с печатями 3.2, 3.9 и 3.10 можно сделать вывод, что именно она соответствует *мухр-и хумайун-и шараф-и нафаз/мухр-и хумайун*.

Второй устойчивый тип большой печати — круглая с фестончатым навершием-*михрабом* (Ил. 2). Пространство круга, так же, как и в предыдущей печати, делится на внутреннюю часть, занятую «девизом» шаха, и ободок. В *михрабе* печати этого типа написана фраза «حسبى الله» («Уповаю на Бога»), а в ободке, в дополнительных картушах — либо оба, либо только первый из двух бейтов из поэмы Сана'и:

جانب هر که با علی نه نکوست / هر که کو باش من ندارم دوست
هر که چون خاک نیست بر در او / کر فرشته است خاک بر سر او

«Кто бы ни сказал мне: „Будь рядом с тем, кто не относится хорошо к 'Али!“ — я того не возлюблю.

Каждый, кто не уподобился праху у его порога, будь он даже ангел, — прах на голову его!»

Оттиски подобных печатей сохранились на документах 'Аббаса I, Сафи, 'Аббаса II, Сулаймана, Султан-Хусайна. Очевидно, этот тип соответствует второй печати в списке руководства-*муниша'ат*, названной здесь «*мухр-и дад-у ситад* (печатью финансового оборота), которая прикладывается на указах с *тузрой* „высочайший указ обрел достоинство действительности“ (*фарман-и хумайун шараф-и нафаз йафт*)». Эта печать также называлась печатью *шараф-и нафаз*; подтверждение этому находим в части руководства, посвященной правилам оформления суфийских дипломов-*шаджара* (Приложение 2.1). Именно для ее заверки, скорее всего, использовалась малая печать, находившаяся у второго из хранителей.

Документам, скрепленным этими двумя «большими» печатями, в определенных случаях требовалась дополнительная заверка печатями, хранившимися у *мухрдаров*. Печати регистрации (*сабт*) следовало проставлять на *ракамах* о назначениях жалования и иных финансовых привилегий, причем хранителю за это полагалось вознаграждение (*душуллаук*); если же получатель *ракама* не представлял его к печати, установленная сумма все равно вычиталась из первого жалования и передавалась хранителю, о чем есть упоминания во всех трех основных источниках.

Всего же «больших» печатей, по сообщению Шардена, было три. Оттиски третьей, которая, судя по воспроизведению в его книге, имела форму прямоугольника, пока что на каких-либо оригинальных документах обнаружены не были.

«Печать перстня, воздействием подобного Солнцу», называвшаяся также «малая» (*мухр-и кучак*), имела прямоугольную или прямоугольную с *михрабом* форму. Она от-

Ил. 1. Печать шаха Сафи I (*мухр-и хумайун*)
Pl. 1. The Seal of Shah Safi I (*muhr-i humayun*)

Ил. 2. Печать шаха Сафи I (*мухр-и шараф-и нафаз*)
Pl. 2. The Seal of Shah Safi I (*muhr-i sharaf-i nafaz*)

тискивалась на *ракамах*, «которые в раеподобном собрании пишут с нанесенной черными чернилами *тугр*ой «вынесено решение, подчиняющее себе мир (*хукм-и джахан-мута' шуд*)» (ср. Приложение 3.5). В прямоугольных малых печатях легенда, как правило, содержит только имя и девиз правителя, а в *мухрабе* помещалась басмала.

Мы не будем останавливаться на остальных печатях, перечисленных в третьей главе руководства-*муниа'ат*, так как они не встречаются в документах из собрания РГАДА. Однако большинству из них находят соответствия среди зафиксированных Каримзаде-Табризи оттисков на документах того или иного сафавидского правителя, что свидетельствует об устойчивости канцелярской процедуры на протяжении длительного периода.

Второй важнейший элемент оформления, наносившийся на документ одним из высших государственных чиновников, это *тугра*. Три формулировки *тугры* упомянуты в «Тазкират ал-мулук» и «Дастур ал-мулук»: «*хукм-и джахан-мута' шуд*», «*фарман-и хумайун шуд*» и «*фарман-и хумайун шараф-и нафаз йафт*»; существовал регламент для цвета чернил, которыми эти формулы вписывались в документ.

В *муниша'ат* описаны еще три разновидности этого элемента. Во-первых, это *тугра*, встречающаяся только в суфийских дипломах-*шаджара*: ее формула содержала родословную правящего шаха, писали ее на правом поле перпендикулярно направлению основного текста. Еще одна разновидность, предназначенная только для указов-*нишан*, восходит к *туграм*, которые тюркские правители использовали еще со времен Тимуридов, и содержит имя правителя и тюркскую формулу *сийузумиз/сузумиз* — «наше слово»; основной ее текст писался так, что образовывал прямоугольник с 12 ячейками, в них вписывались имена 12 имамов. Наконец, третья разновидность предназначена для документов, названных *шартнамача-йи иджарат* (досл. «список условий аренды»), и пока что не встретилась нам на оригинальных документах.

О значимости такого элемента как обращение к адресату посредством почетных эпитетов (*алкаб*), с которых начинается текст грамот и указов, упоминают оба цитируемых руководства по государственному управлению. Подбор эпитетов-*алкаб* был ответственным делом, и входил в обязанности *муниши ал-мамалика* и *ваки'а-нависа*. Этому важному вопросу посвящена первая глава *муниша'ат* из Библиотеки Малека, в ней приведены примеры указов, адресованных чиновникам разного ранга. Почетные эпитеты состояли из коротких синтагм (в тексте они названы *факара*), их количество зависело от ранга адресата. В *байазе*, опубликованном И. Афшаром, иногда упоминается количество таких синтагм, употребленных в отношении того или иного адресата (например, *алкаб-и ду-факара* или *йак-факара*, т.е., состоящие из одной или двух синтагм).

В *ракамах*, адресованных амирам высшего ранга, например, *курчибаши*, обращение состоит из трех синтагм; третья, *'алиджахи*, указывает на его принадлежность к категории «высокопоставленных» (*'алиджах*); а после него следует арабское словосочетание «*низаман ли-л-айалат ва-л-икбал*», что можно передать по-русски как «осуществляющий порядок управления и удачи». Такие славословия в форме арабского «аккузатива состояния» характерны для наиболее высокопоставленных адресатов и, судя по всему, не рассматривались как часть *алкаб*. В примерах обращения к чиновникам и заместителям более низкого ранга этот элемент отсутствует, количество синтагм постепенно уменьшается. В эпитетах обязательно отражается ранг адресата, а также род его занятий.

В оригинальных письмах, адресованных правителям, имя адресата с предшествующим ему славословием в форме арабского «аккузатива состояния» часто выносится наверх и помещается над верхней строкой письма (Т.А. Слесарев предложил для этого приема название «гонорифическое обособление» — Персидские документы 2021: 29, примеч. 1). Из текста описаний *байаза* из библиотеки Маджлиса следует, что сафавидские секретари называли такое вынесение имени адресата словосочетанием *таджавуз-и исм* (досл. «выход имени за рамки/пределы») или словом *таджвиз* («вынесение/вывод за рамки/пределы») и особо отмечали расстояние между вынесенным именем и первой строкой, например: *ва таджавуз-и исм йак асба' ва ним карар дада* — «имя вынесено на полтора пальца» (Афшар 2008: 41).

Еще один элемент оформления документов, который был строго регламентирован, но не нашел отражения в руководствах по государственному управлению, это *'унван*. Как следует из руководства-*муниша 'ат* и *байаза* из библиотеки Маджлиса, этот термин мог обозначать как все верхнее поле документа, так и формулу обращения к Богу (*invocatio, da 'vat*), иногда также к пророку Мухаммаду и имаму 'Али, помещенную у верхней кромки листа. Каждому типу документа, как следует из руководства-*муниша 'ат*, был предписан строго определенный набор таких формул.

Типы указов

Следует отметить, что для обозначения разных типов указов, издававшихся от имени правителей, в персидском языке в разное время использовалось много терминов, которые на протяжении веков меняли свое значение; в какие-то эпохи они могли обозначать конкретные типы документов более-менее узкой тематики, а в иные века служили просто одним из синонимов, использовавшихся для обозначения понятия «указ, повеление». В связи с этим разобраться в классификации документов каждого конкретного периода истории затруднительно, а порою и невозможно. Также, встречая то или иное обозначение в тексте, мы зачастую не можем быть уверены, употреблено ли оно как термин. Минорский, например, провел попытку классификации, основываясь на данных текста «Тазкират ал-мулук», и выделил следующие классы документов: *ракам*, который он предлагает понимать как «общий термин, включающий в себя все приказы правителя, включая устные»; *хукм* — «административный приказ меньшей важности»; *мисал* с неясным значением; *парвана* (Minorsky 1943: 203).

Разобраться с особенностями сафавидской классификации помогает вторая глава руководства-*муниша 'ат* из Библиотеки Малека, посвященная формальным разновидностям документов, каждая из которых отличалась регламентом оформления. Здесь идет речь о двух основных категориях документов: духовных *шаджара* и указах, последние, в свою очередь, делятся на три основных группы: *нишан*, *парванача* и *ракам* (последние два вида имеют несколько подвидов).

Набор элементов, говорящих о принадлежности документа к той или иной категории, состоит из *'унвана*, *тугры* и печати. Сведения об оформлении разновидностей документов суммированы в таблице:

Тип документа	<i>'Унван</i>	<i>Тугра</i>	Печать	Комментарий
<i>шаджара</i> ⁷	[هو الله سبحانه الملك لله بسم الله الرحمن الرحيم يا محمد يا على]	Родословная шаха, пишется на правом поле перпендикулярно направлению текста	<i>мухр-и шараф-и нафаз</i> (Приложение 3.2); ставится ниже <i>тугры</i> на правом поле	

⁷ Этому формуляру полностью соответствует *шаджара*, изданная от имени Сулаймана (воспроизведение см.: <http://www.asnad.org/en/document/436/>). В тексте *муниша 'ат* сведения об *'унване* опущены, но в сохранившихся оригинальных документах он такой же, как и *'унван нишана*.

Указы				
<i>нишан</i> ⁸	هو الله سبحانه الملك لله بسم الله الرحمن الرحيم يا محمد يا علي	<i>Тугра</i> с 12-ю ячейками и впи- санными в них именами 12-ти имамов	<i>мухр-и хумайун</i> (Приложение 3.1) / <i>мухр-и нишан</i> (Приложение 3.3); ставится под <i>тугрой</i>	Указы о пожа- ловании союргалов, тиулов и высоких постов. Скреплялись «регистра- ционными» печатами на обороте
<i>парванача-йи шараф-и нафаз</i> ⁹	هو الله سبحانه الملك لله يا محمد يا علي (в <i>фатх-нама</i> вместо этого: نصر من الله و فتح قريب و بشر (المؤمنين))	[فرمان هميون شرف نفاذ يافت]	[<i>мухр-и шараф- и нафаз</i> (Приложение 3.2)]	Пожалование тиулов ами- рам и назна- чения на вы- сокие посты, победные ре- ляции и ука- зы, которые направляются амирам про- винций.
<i>парванача</i> ¹⁰	هو الملك لله	فرمان هميون شد	<i>мухр-и хумайун</i> (Приложение 3.1)	
<i>'ариза-йи диван</i>	هو	حكم جهانمطاع شد	<i>мухр-и мусаввада</i> (Приложение 3.7)	
<i>шартнамача- йи иджарат</i>		هو العزيز (золотом) من ديوان الاعلى (красными чернилами)		<i>Тугру</i> пишет <i>муниш ал- мамалик</i>
<i>ракам-и хал'ат</i>			«квадратная пе- чать, которая находится у хранителя»	

⁸ См. указ Сафи 1634 г. Рустам-беку, вали Грузии, об освобождении от выплаты налогов участников нескольких военных кампаний (см. воспроизведение: <http://www.asnad.org/en/document/21/>). В этом документе под *тугрой* стоит круглая печать с *михрабом* (*мухр-и шараф-и нафаз*).

⁹ Вероятно, к этому типу можно отнести письма 'Аббаса II канцлеру польского короля Ежи Оссолинскому (см. воспроизведения: <http://www.asnad.org/en/document/886/> и <http://www.asnad.org/en/document/8/>). В тексте печать не упомянута, но на документе проставлена печать с *михрабом* (*мухр-и шараф-и нафаз*, Приложение 3.2). Также в тексте нет упоминания о *тугре*, которая также имеется в документе и содержит формулировку, включающую в себя слова «*шараф-и нафаз*».

¹⁰ См., например, указ 'Аббаса II 1657 г. о выдаче тиула (воспроизведение см.: <http://www.asnad.org/en/document/433/>). Документ скреплен круглой печатью (тип — Приложение 3.1).

			(<i>мухр-и ракам-и хал 'ат?</i> , Приложение 3.4)	
<i>ракам-и тийул</i> ¹¹			<i>мухр-и мусаввада</i> (Приложение 3.7)	
<i>ракам-и маваджиб</i> ¹²			<i>мухр-и мусаввада</i> (Приложение 3.7) / <i>мухр-и ангуштар-и михр-асар</i> (Приложение 3.5)	Визировался печатью вазира
<i>ракам</i> , «который в раеподобном собрании пишут для рассылки в разные края» ¹³		حکم جهانمطاع شد	<i>мухр-и ангуштар-и михр-асар</i> (Приложение 3.5)	

Для большинства типов, описанных в руководстве, можно подобрать сохранившиеся до наших дней примеры с соответствующим оформлением, что говорит о достоверности представленной в рукописи информации. Судя по всему, в классификации распоряжений присутствует иерархия, соотносящаяся с положением адресата и важностью той информации, которая содержится в документе. *Нишаны*, очевидно, представляют собой указы высшей категории и касаются пожалований ленных владений и различных привилегий; в приведенном нами в ссылке примере адресатом выступает наместник Грузии. Внешне они отличались тем, что характерная *тугра* с 12 ячейками в них располагалась над печатью.

Следующими по рангу были указы, относившиеся к категории *парванача*; в них *тугра* помещалась в начале текста на первой строке, а печать располагалась сверху. К самой высокой категории относится *парванача-йи шараф-и нафаз*; как видно из примеров, эта форма избиралась в переписке с высокопоставленными вельможами иностранных государств, к ней же относились и победные реляции *фатх-нама*. Ин-

¹¹ Очевидно, к этому типу относится указ Сафи II Сулаймана от 1667 г. с назначением на некую незначительную должность, хранящийся в Британской библиотеке и описанный Минорским в приложении к изданию «Тазкират ал-мулук» (Ог. 4935, IXb; см.: Minorsky 1943: 200).

¹² См. указ Сафи I о ежемесячной выдаче окончечников для копий некоему 'Абд ар-Раззаку от 1630 г. с оттиском прямоугольной малой печати, но без *'унвана* и *тугры* (воспроизведение см.: <http://www.asnad.org/en/document/235/>).

¹³ Ср. указ шаха Сафи, подтверждающий назначение Хаджи Абу Талиба *кади ал-кудат* в Гиляне (воспроизведение см.: <http://www.asnad.org/en/document/134/>); указ 'Аббаса II, предписывающий губернаторам, амирам и сборщикам налогов Исфахана уважительное отношение к «европейским падре» (воспроизведение см.: <http://www.asnad.org/en/document/24/>).

тересный пример «метаний» при выборе типа документа из-за затруднений, вызванных неопределенностью обозначений, находим в сборнике *байаз* из библиотеки Маджлиса. При описании указа об отпуске посла Тартиб-хана на поле есть помета: «Поскольку *ваки'а-навис* написал, чтобы „по высочайшему повелению“ составили приказ (*фарман*), а ранее у него спрашивали, что он подразумевает под словом „приказ“, и он говорил, будто благороднейший наместник под словом *фарман* подразумевает *нишан*, поэтому и был написан *нишан*. А затем его отослали [ему, и он сказал]: „Почему ты не написал *фарман*, то есть *парванача-йи шараф-и нафаз*?“ Но из-за нехватки времени *нишан* был скреплен благословенной печатью и отослан» (Афшар 2008: 46).

Еще один пример сложного выбора формы относится к переписке с представителями Генеральных штатов Нидерландов. В результате было принято решение: «Писать письмо вышеупомянутым представителям, которые не являются падишахами, противоречит инструкции и закону, действовать таким образом неразумно, нужно, чтобы к ним был написан *хукм-и шараф-и нафаз*» (Афшар 2008: 60). Слово *хукм*, очевидно, использовано как синоним *парваначи*¹⁴.

«Большие» шахские печати использовались для документов более высокого ранга — *шаджара*, *нишан*, *парванача-йи шараф-и нафаз*, *парванача*; указы более низкой категории *ракам*, скреплялись печатью «черновика дивана» или прямоугольной печатью «перстня, воздействием подобного Солнцу».

Документы из собрания РГАДА

Далее мы рассмотрим сохранившиеся в собрании РГАДА и относящиеся к правлению Сафи I оригинальные документы и оценим место, занимаемое ими в системе бюрократической документации канцелярии Сафавидов.

Первая группа документов — грамоты шаха, три из которых адресованы царю Михаилу Федоровичу и одна — его отцу патриарху Филарету. Все они не имеют даты, примерная датировка возможна лишь благодаря упоминанию в тексте привезших их в Россию посланников. В хронологическом порядке они располагаются следующим образом.

1. Грамота патриарху Филарету (Федору Никитичу Романову), составленная ок. 1634 г. и переданная послом Хаджжи-беком. Это единственное письмо, адресованное не монарху. В тексте подчеркивается достоинство адресата как родителя царя и в то же время превозносится его решение «отдернуть свой подол от скверны дел этого мира и царства внешних проявлений, ради обретения благ мира иного поселиться в углу уединения и служения Господу, в обители поисков Бога и познания Его» (Yastrebova, Andreev, Pischurnikova 2022). Вероятно, в том, что отец правящего монарха занимает сан предстоятеля православной церкви, Сафи I увидел некую параллель с двояким статусом, который имели правители сафавидской династии, сочетая светскую власть с функцией духовного предводительства в качестве официального главы суфийского братства *сафавийя*.

2. Грамота царю Михаилу Федоровичу, привезенная царским гонцом Алексеем Романчуковым, который отправился в Персию в 1636 г. вместе с голштинским посольством Отто Брюгемана. Ок. 1637 г. (Персидские документы 2021: 254–257).

¹⁴ Примечательно, что сложности взаимодействия дипломатических представителей Нидерландов с Сафавидами отмечал и Шарден, упомянув, что посланники привозили верительные грамоты либо от генерал-губернатора Батавии, либо принца Оранского (Chardin 1811: 124).

3. Грамота царю Михаилу Федоровичу, переданная с сокольничим Талиб-беком. Ок. 1638 г. (Yastrebova, Andreev, Pischurnikova 2022).

4. Грамота царю Михаилу Федоровичу, привезенная послом Хасан-беком. Ок. 1640 г. (Там же).

Все известные послания правителям европейских государств, насколько можно судить по публикациям, выглядят практически идентично: они написаны на белой бумаге без какой-либо иллюминации (в отличие от писем мусульманским, особенно индийским, правителям); на них нет *тугры*; печать (круглая с *михрабом*, идентифицируемая как *мухр-и шараф-и нафаз*) расположена на обороте документа в нижней части (*дар зимн*). Формула *'унвана*, написанная золотом без черной обводки (*тахрир*), в посланиях варьируется: «*хува-л-лаху субханаху*» — «Он — Бог Преславный!» (в нашем случае — № 2) или «*хува-л-лаху субханаху ва та'ала*» — «Он — Бог Преславный и Всевышний!» (см. наши № 1, 3 и 4). Примечательно, что письма не датировались.

Во всех наших четырех письмах обращение к адресату очень многословное, с большим количеством почетных титулов-*алкаб* включает уподобление обоим адресатов различным небесным светилам и мифическим персонажам и арабскую формулу (грамматическую конструкцию аккумулятива состояния), которая, как и в других образцах переписки, вынесена наверх (*таджавуз-и исм*), в пространство над первой строкой, и написана немного наискось (ср.: Fekete 1977: 44–51). В обращении к Филарету дословно повторяются эпитеты, встречающиеся в послании 'Аббаса I папе Клементу VIII ок. 1602 — 1603 гг.: «سزوار شرایف تعظیم و تجلیل مفسر آیات بینات زبور و انجیل» — «достойный чести почитания и прославления, толкователь знамений свидетельств Псалтири и Евангелия» (Fekete 1977: 469–475, № 84). После имени Михаила Федоровича следуют его традиционные тюркские титулы «الغ بی آق خان» — «великий бей, белый хан». Пышные и многочисленные эпитеты говорят о том, что адресаты писем воспринимались шахом как равные, их могущество и наследственный статус не подвергается сомнению. Между тем в переписке с некоторыми правителями европейских государств можно наблюдать, как со временем количество приветственных эпитетов меняется, что, возможно, связано с переоценкой статуса адресата или изменением политической ситуации.

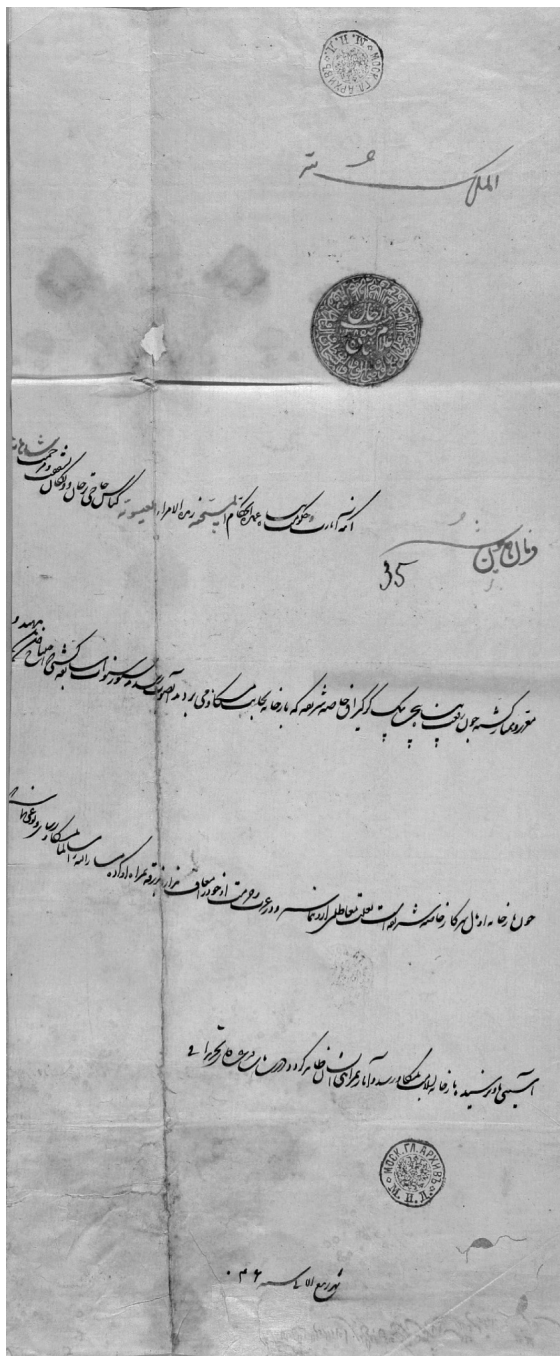
Кроме того, во всех четырех посланиях на верхнее поле из текста вынесены написанные золотом молитвенные формулы с упоминанием имен Аллаха; они располагаются столбиком ниже *'унвана* и чуть правее линии, соответствующей правой границе пространства, занятого текстом. Принцип такого вынесения тот же, что и у *таджавуз-и исм*.

В «Дастур ал-мулук», как было отмечено выше, упоминается, что за переписку с иностранными монархами отвечал *мунши ал-мамалик*. Сохранившиеся образцы переписаны каллиграфическим *наста'ликом* (правда, в письме Филарету он имеет некоторый уклон влево и напоминает почерк *та'лик*).

Вторая группа — указы, большинство из которых составляют «проезжие грамоты» торговых представителей-купчин и послов, адресованные воеводам и дьякам Казани и Астрахани. Таких фирманов всего пять, они достаточно однотипны по содержанию:

1) фирман воеводам Астрахани и Казани¹⁵ — «проезжая грамота» *киракйарака* (купчины) Ака Хасана Мазандарани (рамадан 1038 / апрель–май 1629 г.) (Персидские документы 2021: 47–49);

¹⁵ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1629. Д. 5. Л. 92.

Ил. 3. Указ-парванача шаха Сафи I воеводе и дьякам Астрахани, раби' II 1046/
август–сентябрь 1636 г. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1637. Д. 3. Л. 35
Pl. 3. Parvanacha of Shah Safi I to the voivode and dyaks of Astrakhan, rabi' II 1046/
August-September 1636. RSAAD. F. 77. Op. 1, 1637. D. 3. L. 35

2) фирман воеводе Астрахани и дьякам¹⁶ — «проезжая грамота» *киракйарака* Биджан-бека (раби' II 1046 / август–сентябрь 1636 г.) (Там же: 129–130) (Ил. 3);

3) фирман воеводе Астрахани¹⁷ — «проезжая грамота» сокольничего Талиб-бека (зу-л-ка' да 1043 / апрель–май 1634 г.) (Там же: 162–164);

4) фирман воеводам и дьякам Астрахани¹⁸ — «проезжая грамота» гонца 'Али-бека (сафар 1050 / май–июнь 1640 г.) (Там же: 174–175);

5) фирман воеводе Астрахани¹⁹ — «проезжая грамота» посла Хасан-бека астраханскому воеводе (раби' II 1048 / август 1638 г.) (Там же: 188–189).

Указы, в отличие от писем, датировались (месяцем, без упоминания числа, и годом), дата писалась в конце документа. Оформление «проезжих грамот» однотипное: написанный золотом *'унван* с формулировкой «*الملك لله*» или «*هو الملك لله*», круглая печать *мухр-и хумайун* и написанная золотом или красными чернилами на первой строке текста *тугра* «*فرمان هميون شد*». Все эти формальные признаки позволяют отнести «проезжие грамоты» к классу документов *парванача*. Кроме того, во всех них в начальных строках, в обращении к адресату слова *масихийя* и *'исавийя* («христианские») выписаны золотом, а *шахана* и *надшахана* — красными чернилами.

Как следует из заметок в *байазе* из библиотеки Маджлиса, ответственные за составление писем секретари в нестандартных случаях (к которым, несомненно, относятся указы, адресованные подданным иных государств) при оформлении документов обычно обращались к прецедентам и искали сведения о том, как подобные бумаги составлялись ранее. Поэтому неудивительно, что выбранный однажды стиль оформления, включая выделения золотом определенных слов, соблюдался и в дальнейшем.

Интересно, как со временем и в зависимости от адресата менялось количество синтагм (*факара*) обращения и почетных эпитетов. В самой ранней *парваначе* 1629 г., адресованной воеводам Казани и Астрахани, они состоят из трех *факара*: «*امارتمايين*» — «прибежища командования, удостоенные обладания властью и могуществом, старшие среди христианских командующих», за которыми следует фраза в форме арабского аккузатива состояния «*كمالا للامارة*» — «совершенные в своей должности амира». Такое количество периодов *алкаб* в первой главе руководства-*муншиа 'ат* мы видим в примерах обращения к высшим чиновникам сафавидского государства, имеющим титул «высокопоставленных» (*'алиджах*), — например, *курчибаши* или *синахсалару*, — и к наместникам провинций (*бигларбиги*).

В проезжей грамоте Биджан-бека от 1636 г. к воеводе Астрахани и дьякам обращение также состоит из трех синтагм, без последующей фразы: «*حكومت پناه عمدة الحكام*» — «прибежище власти, опора христианских правителей и лучший среди верующих в Иисуса командующих». В фирмане 1634 г. о проезде Талиб-бека к воеводе Астрахани четыре синтагмы: «*امارتماين حكومت و عزت ايبان عمدة الامرا*» — «прибежище командования, обладающий властью и могуществом, старший среди христианских командующих, предводитель щедрых верующих в Иисуса правителей». В проезжей грамоте посла Хасан-бека астраханскому воеводе от 1638 г. обращение состоит из двух синтагм, без «аккузатива состояния», а в фирмане 1640 г. воеводам и дьякам Астрахани, привезенном гонцом 'Али-беком эпитеты-*алкаб* отсутствуют вообще. Вероятно, такие изменения связаны с рос-

¹⁶ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1637. Д. 3. Л. 35.

¹⁷ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1639. Д. 1. Л. 20, 17.

¹⁸ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1640. Д. 1. Л. 9.

¹⁹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1640. Д. 2. Л. 40.

том осведомленности о реалиях внутреннего политического устройства русского государства и переосмыслением статуса воевод.

К рассматриваемому периоду относятся также три «проезжих грамоты» на тюркском языке, целью которых было обеспечить проезд Шахин-Гирая, бывшего калги крымского ханства²⁰:

1) фирман воеводам Астрахани (шавваль 1039 / май–июнь 1630 г.)²¹;

2) фирман воеводам Терека (рамадан 1039 / апрель–май 1630 г.)²²;

3) фирман князю Шолоху Черкасскому (шавваль 1039 / май–июнь 1630 г.)²³.

Тугра во всех трех документах написана по-тюркски: «فرمان همايون صادر اولدی» («нис-послан августейший указ»), что можно считать переводом персидской *тугры* «фарман-и хумайун шуд». В первых двух фирманах, адресованных воеводам, использована печать *мухр-и хумайун* (круглая). По аналогии с упомянутыми выше персидскими указами, эти также, вероятно, следует отнести к разряду *парванача*. Титулы-*алкаб* в них состоят из трех синтагм и дословно повторяют те, что использованы в персидском фирмане воеводам Астрахани и Казани от 1629 г. Обращение же к князю Шолоху Черкасскому ограничивается двумя периодами эпитетов; печать — с михрабом (*мухр-и шараф-и нафаз*). Документ подшит в дело, верхнее и правое поля его подогнуты и не видны на микрофильме, с которым мы имели возможность работать. Таким образом, мы ничего не можем сказать об *унване*, но, вероятнее всего, этот указ относится к разновидности *парванача-йи шараф-и нафаз*, что свидетельствует о более высоком статусе Шолоха по сравнению с воеводами.

На оборотах большинства вышеперечисленных фирманов, у нижней кромки можно увидеть печать вазира; в ранних документах (до 1632 г.) это печать Халифа-Султана, а в более поздних — Сару-Таки. В ряде случаев оттиск сопровождается пояснительной надписью, начинающейся словами «*хасб ал-амр ал-а'ла*» — «По высочайшему повелению...». В проезжей грамоте Ака Хасана Мазандарани от 1629 г. уточняется, что фирман был написан «в качестве ответа на *фусул* вазира Мазандарана» (از قرار جواب فصول وزیر مازندران).

Термин *фусул* (мн. ч. от *фасл* — «статья») обозначает особый тип документа-донесения, существовавший в сафавидскую эпоху и упоминаемый в «Дастур ал-мулук» и «Тазкират ал-мулук». Такие донесения, разделенные на параграфы, составляли правители областей, излагая в них вопросы, для решения которых у них не было полномочий. Каждому вопросу посвящалась отдельная статья — *фасл*. Документ зачитывался шаху, и вынесенные им решения по каждому вопросу записывались здесь же на полях, а впоследствии на основании этих постановлений писались официальные указы (Каим-Маками 1350: 108–109). Пример такого оригинального документа, поданного иранским послом Ака Хасаном царю Михаилу Федоровичу в апреле 1645 г., сохранился в РГАДА, и в настоящее время готовится его публикация.

Фирманы о проезде купчины Биджан-бека от 1636 г. и гонца 'Али-бека от 1640 г., судя по записи, были составлены на основании распоряжения, переданного вазиром письменно («از قرار نوشته وزارت و اقبال پناه ... اعتماد الدوله العليه العاليه الخاقانيه») — «по письменному представлению оплота вазирства и счастья... опоры возвышенной и высокой хаканской власти»).

²⁰ Об историческом контексте, обстоятельствах и целях его приезда, а также подробней о связанных с ним материалах в фонде 77 РГАДА см. (Shorokhov, Slesarev 2020).

²¹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1630. Д. 2. Л. 10.

²² РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1630. Д. 2. Л. 17.

²³ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1630. Д. 2. Л. 23.

Особняком стоит копия адресованного послу Хасан-беку фирмана с перечислением сумм, которые тот должен был передать русской казне в счет возмещения ущерба, возникшего при разных обстоятельствах (Персидские документы 2021: 196–197)²⁴. Поскольку это копия, 'унван и оригинальная печать на ней отсутствуют. При этом *тугра* имеет формулировку «حکم جهانمطاع شد», а в конце есть упоминание о том, что «...когда приказ будет скреплен благороднейшей печатью, воздействием подобной солнцу (*мухр-и михр-асар-и аираф*), пусть они (заведующие финансами) ему верят». Таким образом, данный указ представлял собой *ракам*.

Пометы и печати, имевшиеся на обороте оригинала, также воспроизведены в копии. *Ракам* был составлен «по высочайшему повелению» на основании письменного распоряжения вазира и скреплен его печатью. Есть также три регистрационных пометы, которые были необходимы, так как распоряжение касалось денежных выплат и его следовало зарегистрировать в соответствующих инстанциях. Одна из них, «представлена [нашему] взгляду» — «به نظر آمد», была скреплена печатью с именем Угурлу-бек, очевидно, принадлежавшей чиновнику-смотрителю (*назир*) Высочайшего дивана.

* * *

Итак, можно утверждать, что в сафавидской канцелярии существовал строгий регламент оформления, включавший в себя использование различных видов 'унванов, печатей и *тугры*. При выборе формального типа документа одним из важных критериев (помимо содержания) был статус адресата. Как следует из приведенных в нашей статье примеров, классификация документов дивана, описанная в руководстве-*муниша'ат* из Библиотеки и музея Малека, является вполне достоверной и применялась на практике; подтверждением этому могут служить сохранившиеся образцы, чьи элементы оформления совпадают с описанными в указанном источнике. Чрезвычайно ценна также информация о печатях шахской канцелярии, большинство из которых отождествляются с оттисками на фирманах. Знание этой классификации и применявшейся канцеляристами терминологии помогает лучше понять другие тексты, упоминающие типы документов и бюрократические процедуры. Помимо этого, определение того, к какой разновидности относится тот или иной документ, помогает лучше разобраться в иерархическом положении его адресата с точки зрения сафавидской бюрократии, что особенно интересно в случае международной переписки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод глав 2 (выдержки) и 3 (целиком) анонимного руководства-*муниша'ат*, хранящегося в Музее и библиотеке Малека (рук. № 6293)

[Л. 7r–10v]

(2) Глава вторая, об инструкции по [составлению] *шаджара* и указов — *ракамов*, *нишианов* и *парванача*, и подобных им, что пишутся высочайшим диваном.

²⁴ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1, 1640. Д. 2. Л. 421–422.

(2.1) Инструкция высочайшего дивана в этом отношении та же, которую установил наместник и шах, обитающий в раю и угнездившийся в высотах, шах Тахмасп (да будет земля ему пухом!). Большая ее часть записана в реестрах (*дафатир*), кроме родословных духовного заместительства (*шаджара-йи хилафат*): во времена его святости султана друзей Божиих и довода пречистых Сафи ад-дина Исхака Мусави (да святится его могила!) духовные заместители (*хулафа*) и доверенные лица ради вожделения возжелавших, руководствуясь прямым путем закона Пророка, истинного религиозного толка 12 имамов и цепи преемственности великих сафавидских шейхов, рассылали во все края и... называли их *шаджара*; и с той поры и поныне они пишутся одинаковым образом. Имя каждого возвысившегося до степени руководства в *тугре* пишется таким образом: «Я Сулейман сын ‘Аббаса сына Сафи, дед его — ‘Аббас сын Султан-Мухаммада, сына Тахмаспа, сына Исма‘ила, брат его — ‘Али сын Хайдара, сына Джунайда, сына Ибрахима, сына ‘Али, сына Мусы ас-Сафави». И эта *тугра* пишется на поле *шаджары* на уровне [ниже] двух строк после верхнего поля (*‘унван*). Муса — это благородное имя султана Садр ад-дина, он получил почетный титул (*лакаб*) Садр ад-дин от султана познавших старца-аскета, своего деда по матери, еще до рождения. И поскольку в благословенные времена султанов [скрытого] смысла *шаджара* не скреплялась печатью, то и во времена правления, имевшего внешние проявления²⁵, также, поскольку у этого документа есть отношение к царствованию над миром явления, изменений в этом правиле и этом законе не делали, довольствовались печатью последователей (*хулафа*). На службе у обитающего в раю наместника, (*навваб*), завоевателя мира [‘Аббаса I?] один из духовных заместителей из Рума настаивал на скреплении [*шаджары*] печатью, и его святость наместник, дабы успокоить его мысли, и поскольку имя Господа Бога (велик Он и славен!), имена пророка и имамов (да приветствует их Аллах!) написаны [в тексте], не велел прикладывать печать на верхнем поле (*‘унван*), но велел ставить ее на правом поле (*хашия*) ниже *тугры*. Со времени наместника-завоевателя мира *шаджары* стали заверять печатью *мухр-и шараф-и нафаз*.

(2.2) В соответствии с вышеназванной инструкцией указы и распоряжения (*манашир ва ахкам*) делятся на несколько видов: *нишан*, *парванача* и *ракам*.

(2.2.1) *Нишан* касается только союргалов, тиулов и назначений на высокие должности. И поскольку с назначений хранителю печати «достоинства действительности» (*мухрдар-и шараф-и нафаз*) и хранителю печати *нишанов*²⁶ полагается вознаграждение (*душуллук*), их печати ставятся на обороте указов (*дар зимн-и ахкам*), и они взыскивают свое вознаграждение. Для написания *нишанов* и *парванача-йи шараф-и нафаз* предпочтительны секретари-*муниши*. А если на поле *нишана* после его окончания благословенным и благороднейшим почерком [шаха] написано «*хутима*» («запечатано»), то они скрепляются августейшей печатью (*мухр-и хумайун*). Во времена наместника-завоевателя мира [‘Аббаса I?] меньше было *нишанов* и больше *парванача*, и это правило стало обычным. И поскольку хранитель печати взыскивает вознаграждение-*душуллук*, на оборотной стороне ставится печать регистрации августейшей печати (*мухр-и сабт-и мухр-и хумайун*).

Нишан пишется почерком насталик; две первых строки имеют длину в полстроки. Печать ставится под *тугрой* на одной линии с ней. ‘*Унван* его таков: *хува-л-лаху суб-ханаху ал-мулк ли-л-лахи бисми-л-лахи ар-рахман ар-рахим йа Мухаммад йа ‘Али*

²⁵ Т.е. в период правления династии Сафавидов (1501–1722).

²⁶ Здесь, очевидно, идет речь о регистрационных овальных печатях, которые ставились на обороте.

(«Он Бог Преславный! Царство принадлежит Богу! Во имя Бога Всемилостивого, Всемилосердного! О Мухаммад, о 'Али!»). Каждая фраза пишется на отдельной строчке вслед за предыдущей. *Тугра* его такова: *ал-хукм ли-л-лах ал-му'аййид мин 'инда-л-лах ал-музаффар шах Сулайман ас-Сафави ал-Мусави ал-Хусайни сахиб-и давран бахадур хан сузумиз*» («Решение принадлежит Аллаху! Помогающий от Аллаха Побеждающего шах Сулайман ас-Сафави ал-Мусави ал-Хусайни Бахадур, хан, наше слово!»). И эта *тугра* пишется так, что образуется 12 ячеек, в которые вписываются благородные имена 12 имамов.

Во времена его величества хакана, рожденного под счастливой звездой, завоевателя мира (Тахмаспа) *тугра* была такова: «*ал-хукм ли-л-лах Абу-л-Музаффар Тахмасп бахадур сузумиз*» («Решение принадлежит Аллаху! Абу-л-Музаффар Тахмасп Бахадур, наше слово!»).

Во времена наместника, завоевателя мира [‘Аббаса I или Сафи I?] она была установлена в упомянутом виде, с 12 ячейками. Во времена наместника, хакана, обитающего в раю [...] к *тугре* [были добавлены] слово «рожденный под счастливой звездой» (*сахиб-киран*) и три вытянутых цветных окружности. А во время счастливого и благороднейшего наместника [шаха Сулаймана] было добавлено словосочетание «властитель эпох» (*сахиб-и давран*).

(2.2.2) *Унван у парванача-йи шараф-и нафаз* как у *нишана*, но нет слов «Во имя Бога милостивого, милосердного». В победных реляциях (*фатх-нама*) пишут вместо нее [аят] «Помощь от Бога и близкая победа. И обрадуй же верующих!». *Парванача-йи шараф-и нафаз* предназначена для пожалования титулов амирам и назначений на высокие посты, победных реляций и указов, направляемых амирам провинций и границ. Каждая из них скрепляется дополнительной печатью, что хранится у *мухрдара*.

(2.2.2.1) *Унван у парваначи «хува ал-мулк ли-л-лах»* (Он! Царство принадлежит Аллаху!), *тугра* ее «*фарман-и хумайун шуд*» («Вышел августейший указ»), и на ней есть пометы учета дивана(?)... и дел казны (*мадар(?)*-и *дад ва ситад-и диван ва... ва умур-и хазина бар ан-аст*).

(2.2.2.2) Докладная записка дивана (*ариза-йи диван*), в *унване* которой написано «хукм» («Решение [принадлежит Аллаху?]), а *тугра* его обычно такая: «*хува хукм-и джахан-мута ’*» («Он! Решение, которому подчиняется мир...»), и она скрепляется печатью черновика (*мухр-и мусаввада*).

(2.2.2.3) Договор об аренде(?) (*шартнамача-йи иджарат*) также имеет *тугру*, но поскольку его также пишут в августейшей канцелярии счетоводы-*муставфи*, а не секретари-*муниши*, он не вошел в число этих *ракамов*. *Тугра*, вписываемая в него *муниши ал-мамаликом*, обычно такова: «*هو العزيز هو хува-л-’азиз*» («Он Всемогущий!») — золотом, «*мин диван ал-а’ла*» («От Высочайшего дивана») — красными чернилами.

(2.2.3) *Ракамы* бывают нескольких разновидностей.

(2.2.3.1) Первый — *ракам* о выдаче подарка (*ракам-и хал’ат*), что писал надзиратель швейной мастерской (*кайджакджи-хана*) с применением системы записи *сийак*. Он скреплялся квадратной печатью, хранящейся у *мухрдара*, но сейчас [эта форма *ракама*] вышла из употребления, пишут [обычный] *ракам*.

(2.2.3.2) Второй — *ракам* о пожаловании титула, который становился документом, выходящим из канцелярии (*санад-и дафтар*). Зарегистрировав [приказ] в канцелярии, черновик (*мусаввада*) отдавали и проводили [через канцелярию] *парваначу*(?) (*парванача мигузарианда-анд*). Например: «С начала года курицы такие-то земельные угодья мы пожаловали в качестве титула такому-то». Об этом составляли *парваначу* на

основании черновика главных(?) счетоводов (*муставфийан-и 'уззам*) высочайшего дивана, и она скреплялась печатью черновика. А сейчас этот обычай вышел из употребления.

(2.2.3.3) Еще — *ракам* о назначении жалованья (*ракам-и маваджиб*), который после скрепления печатью опоры государства (*и 'тимад ад-давла*)²⁷ и благороднейшей печатью и регистрации в канцеляриях хранит тот, кому причитается жалованье. Например: «С начала года собаки такого-то было велено принять в ряды великих *курчи* (т.е. шахской гвардии). Его жалованье мы установили в такой-то сумме». Финансовые чиновники (*муставфийан*), записав в книгах, год за годом выдают ему, как и другим *курчи*, жалованье. Указ для *курчи* пишет вазир *курчи*, для гуламов — вазир гуламов, для *тунчи* (артиллеристов) — вазир *тунчи*, для арсенала (*тунхана*) и других групп — *лашкарнавис* (армейский делопроизводитель). И он скреплялся печатью черновика (*мухр-и мусаввада*), а сейчас также скрепляется печатью благословенного перстня.

(2.2.3.4) Еще — *ракам*, который в расподобном собрании пишут для рассылки в разные края с *тузрой* «*хукм-и джахан-мута 'шуд*» («Вынесено решение, подчиняющее весь мир»). Он скрепляется благословенной печатью августейшего перстня. Этот *ракам* вошел в обиход во времена наместника-завоевателя мира (Сафи I?).

(2.3) И далее приводятся пример *шаджары*, *нишана* и *парваначи*.

[...]

[Л. 16v–18r]

(3) Глава третья о благословенных печатях, какая из них на каких документах.

Разновидности благословенных, благороднейших, святейших, высочайших печатей, прикладываемых в соответствии с инструкцией (*дастур ал-'амал*) сущего в раю и угнездившегося в высях наместника [Тахмаспа?] к различным указам (*ахкам*), кроме печатей наместника, равного саном Искандару [Исма'ила?], которые им не соответствовали и составляют дополнительный список (*мухрнамача-йи 'алахида-йист*); каждая из печатей, которым падишахи отдавали предпочтение и тем образом, как будет [далее] написано, прикладывали.

(3.1) [...] ²⁸, прикладываемая к постановлениям (*ахкам*) с *тузрой* «вышел августейший указ» (*фарман-и хумайун шуда-аст*). На поле (ободке) у нее нанесены имена 12 имамов (мир им!). Иногда она круглая, иногда вытянутая (*тулани*)²⁹.

(3.2) *Мухр-и дад-у ситад* (печать финансового оборота), которая прикладывается на указах с *тузрой* «высочайший указ обрел достоинство действительности» (*фарман-и хумайун шараф-и нафаз йафт*) и к духовным родословным (*шаджара*). На поле (ободке) ее стихотворение мудреца Сана'и: «Кто бы ни сказал мне: „Будь рядом с тем, кто не относится хорошо к 'Али!“ — я того не люблю». И она с *михрабом*³⁰.

(3.3) *Мухр-и нишан* (печать указов *нишан*), находящаяся у *мухрдара* и прикладываемая к *нишанам*, *тугра* которых с 12 ячейками и именами 12 имамов (мир им!). На

²⁷ Т.е. вазира Высочайшего дивана.

²⁸ Здесь, очевидно, в тексте имеется пропуск. Предполагаем, что тут должно было стоять название печати *мухр-и хумайун* (*мухр-и хумайун-и шараф-и нафаз*).

²⁹ Эта печать соотносится с двумя одинаковыми по форме и тексту печатями Сулаймана, отмеченными Каримзаде-Табризи, № 1 и 7. Первая из них датирована 1077 г.х. и в ней имя шаха указано как «*Сафи-ий сани*» — Сафи II. Во второй, изготовленной годом позднее, девиз шаха содержит уже имя Сулайман (Каримзаде-Табризи 1385(2006): 78, 90).

³⁰ Шестая из перечисленных у Каримзаде-Табризи печатей Сулаймана (Каримзаде-Табризи 1385(2006): 89).

ее поле (ободе) надпись: «*Гар кунад бадрака-йи лутф-и ту хамрахи-йи ма / Чарх бар душ кашад гашия-йи шахи-йи ма*» («Если нас будет сопровождать эскорт твоей милости, поднимет небосвод себе на плечи свиту нашего царского правления»). И она с *михрабом*.

(3.4) *Мухр-и ракам-и хал'ат* (печать указов о дарственных одеждах), что хранится у *мухрдара* и прикладывается к *ракамам* амиров-надзирателей швейной мастерской, [которые] пишут их письмом *сийак*. На полях ее нанесены благословенные имена 12 имамов (мир им!), а форма квадратная.

(3.5) *Мухр-и кучак* (малая печать), предназначенная для перстня и оттискиваемая на *ракамах*, которые в раеподобном собрании пишут с нанесенной черными чернилами *тугрой* «вынесено решение, подчиняющее себе мир» (*хукм-и джахан-мута'шуд*). Она вошла в обиход в времена наместника-завоевателя мира, была квадратная, а сейчас с *михрабом*.

(3.6) *Мухр-и хатм*, печать, которая оттискивается при записи «*хутима*», нанесенной на правом поле *нишанов* благословенным почерком [шаха]. Ее надпись такова: «*Хатм-аст надшахи ба нам-и ма / Сабт-аст бар джарида-йи 'алам давам-и ма*» («Запечатано царство этого мира нашим именем / Занесено в тетрадь шахства наше постоянство»). И она круглая.

(3.7) *Мухр-и мусаввада* (печать черновика), проставляемая на указах [нанесенных на] верхнее поле записок, с *тугрой* «вынесено решение, подчиняющее себе мир» (*хукм-и джахан-мута'шуд*) красными чернилами; на контрактах (?) (*шартнамча*), написанных на правом поле указов (*акхам*); на *ракамах* о выдаче титулов, которые являются документами *дафтари*³¹. Надпись на ней: «Печать черновика высочайшего дивана» и благословенное имя [шаха]. Она круглая.

(3.8) *Мухр-и «иннана фатахна»*³², которая относится только к денежным сделкам казны.

(3.9) Печать регистрации августейшей печати «достоинства действенности» (*мухр-и сабт-и мухр-и хумайун-и шараф-и нафаз*), которая хранится у *мухрдара* и оттискивается на указах о союргалах, титулах, годового содержания (*хамасала*) амиров и лиц, занимающих должности.

(3.10) Печать регистрации печати «достоинства действенности» (*мухр-и сабт-и мухр-и шараф-и нафаз*), хранящаяся у другого *мухрдара*, и ее оттискивают на указах должностных лиц.

(3.11) Печать, созданная по случаю благословенного восшествия на престол, ее легенда: «Воистину от Сулаймана, и воистину во имя Аллаха Милостивого, Милосердного». Она с *михрабом*, ее иногда оттискивают на письмах.

Литература

Афшар 2008 — *Афшар И.* Байаз-и Сафави: Адаб-и нама-нигари-йи падшахан-и Сафави ба саран-и сарзаминха-йи дигар (Сафавидская тетрадь заметок: Этикет составления писем Сафавидских государей к главам других стран) // Нама-йи бахаристан. 1386–1387 (2008), дафтар-и 13–14. С. 23–74.

³¹ Минорский предполагает, что термин *дафтари* относится к документам, черновики которых подготавливаются в *дафтаре*, т.е. канцелярии дивана (Minorsky 1943: 121). Они отличались от указов *байази*, создававшихся непосредственно по приказу шаха (Ibid.: 203).

³² «Воистину, Мы даровали тебе победу», начало первого аята Суры 48 «Победа».

- Вильданова 1991 — *Мухаммад-Рафи' Ансари*. Дастур ал-мулук (Устав для государей) / Предисл., пер., примеч. и указатели А.Б. Вильдановой. Ташкент: Фан, 1991.
- Дабир-и Сийаки 1988–1989 — *Мирза Сами'а*. Тазкират ал-мулук / Под ред. Сайида Мухаммада Дабир-и Сийаки. Тихран: Амир-и Кабир, 1988–1989.
- Каим-Маками 1348а — *Каим-Маками Дж.* Йаксад ва панджах санад-и тарихи из Джалаирийан та Пахлави (Сто пятьдесят исторических документов от Джалаиридов до Пахлави) / Ба кушиш-и сарханг Джахангир Каим-Маками. Тихран: Чапхана-йи артиш-и шаханшахи-йи Иран, 1348 (1969).
- Каим-Маками 1348б — *Каим-Маками Дж.* Мухрха, туграха ва тавки'ха-йи падшахан-и Иран аз Илханийан та пайан-и Каджарийа (Печати, тугры и тавки' падишахов Ирана от Ильханов до Каджаров) // Баррасиха-йи тарихи. 1348 (1969–1970). № 20. С. 123–162; № 21. С. 17–68.
- Каим-Маками 1349 — *Каим-Маками Дж.* Тавки' ва тугра ва татаввур-и анха дар тадавул-и дивани (*Тавки'*, тугра и их развитие в практике диванов) // Баррасиха-йи тарихи. 1349 (1970–1971). № 27. С. 240–286.
- Каим-Маками 1350 — *Каим-Маками Дж.* Мукаддима-йи бар шинахт-и аснад-и тарихи (Введение в изучение исторических документов). Тихран, 1350 (1971).
- Каим-Маками 1351 — *Каим-Маками Дж.* Мухрха-йа нав-йафта-йи падшахан-и Иран (Новонайденные печати падишахов Ирана) // Баррасиха-йи тарихи. 1351. № 39. С. 93–108.
- Каримзаде-Табризи 1385(2006) — *Каримзаде-Табризи М.-А.* Мухрха, туграха ва фарманха-йи падшахан-и Иран аз Сафавийа та Ахмад-шах Каджар (Печати, тугры и фирманы царей Ирана от Сафавидов до Ахмад-шаха Каджара). London, 2006.
- Персидские документы 2021 — Персидские дипломатические документы времен шаха Сафи I из собрания Российской государственного архива древних актов / Изд. подгот. А.А. Андреев, Д.Д. Копанева, С.Е. Костинов, Е.П. Писчурникова, М.Е. Резван, Т.А. Слесарев, В.А. Шорохов, О.М. Ястребова. СПб.: Наука, 2021.
- Путуридзе 1961–1977 — Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии / Подгот. к изд. В. Путуридзе. Кн. 1, вып. 1. Тбилиси, 1961; Кн. 1, вып. 2. Тбилиси, 1962; Кн. 1, вып. 3. Тбилиси, 1965; Кн. 1, вып. 4 / Подгот. к изд. А.С. Чейшвили. Тбилиси, 1977.
- Тодуа, Шамс 1989 — Тбилисская коллекция персидских фирманов / Сост. М.А. Тодуа, И.К. Шамс; подгот. к печати, пер., коммент. и словарь М.А. Тодуа. Тбилиси: Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, 1989.
- Busse 1991a — *Busse H.* Diplomatic: III. Persia // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition* / Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. 13 vols. Leiden: Brill, 1991. Vol. 2. P. 309–313.
- Busse 1991b — *Busse H.* Farmān // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition* / Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. 13 vols. Leiden: Brill, 1991. Vol. 2. P. 803–806.
- Chardin 1686 — *The Travels of Sir John Chardin into Persia and the East Indies: The First Volume, Containing the Author's Voyage from Paris to Ispahan, to Which is added, the Coronation of this Present King of Persia, Solyman the Third.* London: Moses Pitt, 1686.
- Chardin 1811 — *Voyages de monsieur le chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, enrichis d'un grand nombre de belles figures en tail-douge, représentent antiquités et les choses remarquables du pays* / Ed. L. Langlès. Paris: Le Normant, imprimeur-libraire, 1811.
- Fekete 1977 — *Fekete L.* Einführung in die Persische Paläographie: 101 Persische Dokumente / Hrsg. von G. Hazai. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.
- Fragner EI — *Fragner B.G.* Farmān // *Encyclopædia Iranica*, online edition. 2016. Available at <http://www.iranicaonline.org/articles/farman> (дата обращения: 03.09.2022).
- Kondo 2018 — *Mirza Mohammad Rafi' Ansari*. Dastur al-Muluk: A Complete Edition of the Manual of Safavid Administration / Ed. by Nobuaki Kondo. Fucu, Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), 2018.
- Minorsky 1943 — *Tadhkirat al-muluk: A Manual of Safavid Administration (circa 1137/1725). Persian text and facsimile (B.M. Or. 9496)* / Transl. and explained by V. Minorsky. Cambridge: W. Heffer & Sons LTD, 1943.

- Rabino 1945 — *Rabino di Borgomale H.L.* Coins, Medals, and Seals of the Shāhs of Īrān (1500–1941). Hertford, 1945.
- Shorokhov, Slesarev 2020 — *Shorokhov V.A., Slesarev T.A.* Archive Files of the Şahin Geray's Contribution to the Russo-Persian Relations // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 618–632.
- Yastrebova, Andreev, Pischurnikova 2022 — *Yastrebova O.M., Andreev A.A. and Pischurnikova E.P.* Three Letters from Shāh Şafī I: Publication, Translation, Dating and Context // *Manuscripta Orientalia*, 2022. Vol. 28 (1). P. 40–48.

References

- Afshar, Iraj. “Bayaz-i Safavi: Adab-i nama-nigari-yi padshahan-i Safavi ba saran-i sarzaminha-yi digar” [Bayaz-i Safavi: Epistolary Arts and Customs of the Safavids]. *Nameh-ye Baharestan*, 1386–1387 (2008), no. 13–14, pp. 23–74 (in Persian).
- Busse, Heribert. “Diplomatic. III. Persia”. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. 13 vols. Leiden: Brill, 1991, vol. 2, pp. 309–313 (in English).
- Busse, Heribert. “Farmān”. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. 13 vols. Leiden: Brill, 1991, vol. 2, pp. 803–806 (in English).
- Fekete, Lajos. *Einführung in die Persische Paläographie: 101 Persische Dokumente*. Hrsg. von G. Hazai. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977 (in English).
- Fragner, Bert G. “Farmān”. In: *Encyclopædia Iranica*, online edition. 2016. Available at <http://www.iranicaonline.org/articles/farman> (accessed: 25.03.2022) (in English).
- Karimzade Tabrizi, Muhammad Ali. *Muhrha, tughraha va farmanha-yi padshahan-i Iran az Safaviya ta Ahmad Shah Qajar* [Seals, Tughras and Farmans of the Persian Kings, from the Safavids to Ahmad Shah Qajar]. London, 2006 (in Persian).
- Mukhammad-Rafi' Ansari. *Dastur al-muluk (Ustav dlia gosudarei)*. Predislovie, perevod, primechaniia i ukazateli A.B. Vildanovoi. Tashkent: Fan, 1991 (in Russian)
- Mirza Mohammad Rafi' Ansari. *Dastur al-Moluk: A Complete Edition of the Manual of Safavid Administration*. Ed. by Nobuaki Kondo. Fucu, Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), 2018 (in English).
- Mirza Sami'a. *Tazkirat al-muluk*. Ed. by Sayyid Muhammad Dabir-i Siyaqi. Tihran: Amir-i Kabir, 1988–1989 (in Persian).
- Persidskie diplomaticheskie dokumenty vremen shakha Safi I iz sobraniia Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Persian Diplomatic Documents of the Shah Safi I's Reign from the Collection of the Russian State Archive of Ancient Acts]. Ed. by A.A. Andreev, D.D. Kopaneva, S.E. Kostikov, E.P. Pischurnikova, M.E. Rezvan, T.A. Slesarev, V.A. Shorokhov, O.M. Iastrebova. St. Petersburg: Nauka, 2021 (in Russian).
- Persidskie istoricheskie dokumenty v knigokhranilishchakh Gruzii* [Persian Historical Documents in the Book Depositories of Georgia]. Ed. by V. Puturidze. Kn. 1, vyp. 1. Tbilisi, 1961; Kn. 1, vyp. 2. Tbilisi, 1962; Kn. 1, vyp. 3. Tbilisi, 1965; Kn. 1, vyp. 4. Ed. by A.S. Cheishvili. Tbilisi, 1977 (in Russian).
- Qaim-Maqami, Jahangir. *Yaksad va panjah sanad-i tarikhi az Jalairiyan ta Pahlavi* [One Hundred and Fifty Historical Documents from the Jalairids to the Pahlavis]. Tehran: Chapkhana-yi artish-i shahahshahi-yi Iran, 1348 (1969) (in Persian).
- Qaim-Maqami, Jahangir. “Muhrha, tughraha va tawqi'ha-yi padshahan-i Iran az Ilkhaniyan ta payan-i Qajariya” [Seals, Tughras and Tawqi's of the Kings of Iran from the Ilkhanids to the End of the Qajar Era]. *Barrasiha-yi tarikhi*, 1348 (1969–1970), vol. 20, pp. 123–162; vol. 21, pp. 17–68 (in Persian).
- Qaim-Maqami, Jahangir. “Tawqi' va tughra va tatavvur-i anha dar tadavul-i divani” [Tawqi', Tughra and Their Development in the Practice of Chancelleries]. *Barrasiha-yi tarikhi*, 1349 (1970–1971), vol. 27, pp. 240–286 (in Persian).

- Qaim-Maqami, Jahangir. *Muqaddima-yi bar shinakht-i asnad-i tarikhi* [Introduction to the Study of Historical Documents]. Tehran, 1350 (1971) (in Persian).
- Qaim-Maqami, Jahangir. “Muhrrha-yi naw-yaftha-yi padshahan-i Iran” [Recently Discovered Seals of the Kings of Iran]. *Barrasiha-yi tarikhi*, 1351, vol. 39, pp. 93–108 (in Persian).
- Rabino di Borgomale, Hyacinthe Louis. *Coins, Medals, and Seals of the Shāhs of Īrān (1500–1941)*. Hertford, 1945 (in English).
- Shorokhov, Vladimir A., Slesarev, Timur A. “Archive Files of the Şahin Geray’s Contribution to the Russo-Persian Relations”. *Vestnik SPbGU. History*, 2020, vol. 65 (iss. 2), pp. 618–632 (in Russian).
- Tadhkirat al-muluk: A Manual of Safavid Administration (circa 1137/1725). Persian text and facsimile (B.M. Or. 9496)*. Transl. and explained by V. Minorsky. Cambridge: W. Heffer & Sons LTD, 1943 (in English).
- Tbilisskaia kolleksiia persidskikh firmanov* [Tbilisi Collection of Persian Farmans]. Compiled by M.A. Todua, I.K. Shams; editing, translation, commentary and glossary by M.A. Todua. Tbilisi: Tsentral’nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzinskoi SSR, 1989 (in Russian).
- The Travels of Sir John Chardin into Persia and the East Indies: The First Volume, Containing the Author’s Voyage from Paris to Ispahan, to Which is Added, the Coronation of this Present King of Persia, Solyman the Third*. London: Moses Pitt, 1686 (in English).
- Voyages de monsieur le chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l’Orient, enrichis d’un grand nombre de belles figures en tail-douge, représentent antiquités et les choses remarquables du pays*. Ed. L. Langlès. Paris: Le Normant, imprimeur-libraire, 1811 (in French).
- Yastrebova, Olga, Andreev, Artiom & Pischurnikova, Ekaterina. “Three Letters from Shāh Şafī I: Publication, Translation, Dating and Context”. *Manuscripta Orientalia*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 40–48 (in English).

On the Classification and Formal Elements of Persian Documents of the Safavid Era

Olga M. YASTREBOVA

Russian National Library
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 29.06.2022.

Abstract: The article is devoted to the analysis of written sources covering the bureaucratic procedures of the Safavid era and containing practical instructions on the preparation of official documents. These are, first of all, two well-known manuals on the structure of the state apparatus and its management, *Tazkirat al-muluk* and *Dastur al-muluk*, as well as less studied, although extremely informative texts—a hand-written *munsha’at* manual housed in the Library and Museum of Malek, and a notebook (*bayaz*) of records about various features of the external design of decrees and letters sent to various persons, including the rulers of India, the Ottoman Empire, the states of Central Asia, the Pope and the monarchs of European states. With the help of these sources, the main types of documents issued by the Safavid divan and the characteristic features of the external design corresponding to each type are identified. They include elements such as the *’unwan*, the *tugra* and the seal. The types of documents identified on the basis of these sources correspond to the official records of Sa-

fauid diplomatics that have survived to this day. The information obtained is used for the analysis of recently identified and published original Persian documents from the RSAAA collections.

Key words: Persian diplomatics, archival documents, the Safavids, RSAAA.

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-78-10052-П “The Documentary History of the Russian Strand of Safavid Diplomacy (1501–1722)”.

For citation: Yastrebova, Olga M. “On the Classification and Formal Elements of Persian Documents of the Safavid Era”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 47–76 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO106923.

About the author: Olga M. YASTREBOVA, Senior Research Fellow, National Library of Russia, Manuscript Department; St. Petersburg State University, Institute of History, Leading Research Fellow (St. Petersburg, Russian Federation) (yastolg@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-3140-2139.

«Суждение о том, что бесов не бывает» Ли Сянь-миня¹

И.А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109104

Статья поступила в редакцию 04.07.2022.

Аннотация: Данная публикация представляет читателю одну из самых оригинальных новелл из сборника «Юнь чжай гуан лу» 雲齋廣錄 («Обширные записи из облачного кабинета») Ли Сянь-миня 李獻民 (ум. после 1111) — «У гуй лунь» 無鬼論 («Суждение о том, что бесов не бывает»). Перевод новеллы на русский язык предваряют основные сведения об авторе и его сборнике.

Ключевые слова: Старая китайская проза, Ли Сянь-минь, «Обширные записи из облачного кабинета», история *сяошо*.

Для цитирования: Алимов И.А. «Суждение о том, что бесов не бывает» Ли Сянь-миня // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 77–87. DOI: 10.55512/WMO109104.

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@pvost.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И.А., 2022.

Сведений о Ли Сянь-мине практически не сохранилось: мы знаем, что он был родом из столичной области, а также водил дружбу с известным сунским поэтом Ван Тин-гуем 王庭珪 (1079–1172). Первое упоминание сборника «Юнь чжай гуан лу» 雲齋廣錄 содержится в книге *бицзи* «Шао ши вэнь цзянь хоу лу» 邵氏聞見後錄 («Последующие записи того, что слышал и видел господин Шао») Шао Бо 邵博 (ум. 1158) в связи с новеллой «Си шу и юй» 西蜀異遇 («Удивительная встреча в Западном Шу»). Можно считать, что ко времени написания «Последующих записей»,

¹ Данная работа продолжает серию моих публикаций по истории китайской прозы *сяошо* I–XIII вв. (Алимов 2014; 2017; 2018; 2019; 2021).

т.е. к 1157 г., сборник Ли Сянь-миня был уже достаточно популярен. Наиболее распространенным списком «Юнь чжай гуан лу» является вариант, в котором восемь *цзюаней* основного текста и одна *цзюань* продолжения; именно он лег в основу современных критических текстов. Девять *цзюаней* объединяют 57 фрагментов², а также авторское предисловие, из которого явствует, что сборник был датирован самим автором 1111 г. и что при создании «Юнь чжай гуан лу» Ли Сянь-минь ориентировался на образцы танской прозы *сяошо*, в том числе новеллы *чуаньци*. В основу сборника легли впечатления от занимательных историй, услышанных от людей, к которым Ли Сянь-минь относился с уважением, и это как минимум свидетельствует о распространенности подобных историй в сунское время. В любом случае, по собственному утверждению Ли Сянь-миня, сюжеты новы и оригинальны, не повторяют старых, хотя и стремятся к ним в части совершенства формы, присущего танским *сяошо*. Цель создания «Юнь чжай гуан лу» задекларирована автором достаточно ясно: сборник должен послужить развлекательным и занимательным чтением и предметом обсуждения, к примеру, в кругу приятелей за чашей вина.

Существуют различные точки зрения на авторство Ли Сянь-миня: неясно, принадлежат ли ему все фрагменты «Юнь чжай гуан лу» или же он был в основном составителем. Есть вполне обоснованное мнение, что Ли Сянь-минь выступал как раз во втором качестве. В предисловии к сборнику он написал, что «свел вместе и сделал сборник» (編而成集), что можно рассматривать как убедительное свидетельство. В тексте «Юнь чжай гуан лу» есть как минимум один фрагмент, «Ин ин чжуань» 盈盈傳 («История Ин-ин»), авторство которого определяется косвенным образом, и это не Ли Сянь-минь, но Ван Шань 王山 (XI в.), автор утерянного сборника *сяошо* «Би лян лу» 筆齋錄 («Записи у футляра для кистей»). Не исключено, что со временем исследователи смогут идентифицировать и другие источники заимствований. Гипотетически можно принять, что «Юнь чжай гуан лу» — компиляция чужих текстов без указания имен авторов (ведь и имя Ван Шаня не названо Ли Сянь-минем), но никаких подтверждений этой гипотезе пока что нет.

Все фрагменты сборника имеют заголовки — от двух до пяти иероглифов: это или имена главных действующих лиц, например, «Фань Вэнь чжэн гун» 范文正公 («Покойный господин Фань Вэнь-чжэн»), или тематические названия, как «Ганьлин и ши» 甘陵異事 («Странное происшествие в Ганьлине») и т.п. Несколько фрагментов содержат авторские резюме, два из них начинаются со слов *пин юэ* 評曰 («оценю это так»).

Хронология событий отдельных фрагментов обычно или указана прямо — со ссылкой на конкретный год конкретного девиза правления (иногда даже на месяц), или же восстанавливается косвенным путем, исходя из событий в жизни того или иного исторического персонажа. Подавляющее большинство описываемых в «Юнь чжай гуан лу» событий происходит в северосунское время; самая последняя названная в тексте дата — 1103 г.

² Для целей данного исследования под фрагментом понимается законченный текст, выступающий как единица низшей литературной номенклатуры, заверченный в сюжетном/смысловом/эмоциональном смысле и — вне зависимости от жанровой принадлежности (в составе одного собрания это могут быть и рассказ, и новелла, и заметка, и рассуждение о стихах, и исторический анекдот, и др.). Фрагмент может быть озаглавлен (автором или последующими обработчиками текста), а может не иметь заглавия; он весьма вариативен по размеру — от нескольких строк до десятков страниц.

Весь материал в «Юнь чжай гуан лу» — сунский; он организован автором по тематическим разделам, что нашло отражение в названиях *цзюаней*. Таких разделов шесть:

1) «Ши линь цин хуа» 士林清話 («Чистые беседы сонма ученых», цз. 1), здесь 12 коротких фрагментов, посвященных 12 известным сунским ученым мужам, это примечательные или необычные случаи из их жизни;

2) «Ши хуа лу» 詩話錄 («Записи рассуждений о стихах», цз. 2 и 3), в них, соответственно, 15 и 13 фрагментов, они еще менее значительны по объему, а содержание их типично для *шихуа* (история появления тех или иных поэтических строк, их смысл, возникающие вокруг них ассоциации и т.п.);

3) «Лин гуай синь шо» 靈怪新說 («Новые рассказы о духах и нечисти», цз. 4), здесь два фрагмента — это новеллы *чуаньци*;

4) «Ли цин синь шо шан» 麗情新說上 («Новые рассказы о прекрасных чувствах. Часть первая», цз. 5), здесь также две новеллы *чуаньци*, в том числе самая крупная в сборнике — «Си шу и юй», более 3 300 иероглифов; «Ли цин синь шо ся» 麗情新說下 («Новые рассказы о прекрасных чувствах. Часть вторая», цз. 6), три фрагмента, первые два — новеллы *чуаньци*, третий же представляет собой поэму в 128 семисловных строк с кратким предисловием;

5) «Ци и синь шо» 奇異新說 («Новые рассказы об удивительном и странном», цз. 7), здесь четыре новеллы *чуаньци*, в том числе и «У гуй лунь»;

6) «Шэнь сянь синь шо» 神仙新說 («Новые рассказы о божественных бессмертных», цз. 8), здесь две новеллы *чуаньци*, которые в части художественности и занимательности не идут ни в какое сравнение с новеллами предыдущих разделов.

9-я *цзюань* названия не имеет и включает «Ин ин чжуань», а также поэму, обращенную к Ин-ин.

Можно утверждать, что самый ценный материал (13 новелл *чуаньци* сунского времени) содержится в цз. 4–9 «Юнь чжай гуан лу», и именно эти *цзюани* при обращении к данному сборнику должны в первую очередь привлекать внимание историка китайской прозы *сяошо*³.

Новеллы Ли Сянь-миня отличаются как богатством содержания, так и подробными и красочными описаниями. Многие *чуаньци* из «Юнь чжай гуан лу» рассказывают о любовной связи главных героев, важным художественным приемом здесь выступают стихотворные вставки — в этом смысле Ли Сянь-минь продолжает традицию танских новелл. В ряде текстов он идет много дальше: его новеллы — достаточно сложные конструкции, включающие не только стихи, но и письма героев и даже поминальное слово. Особую роль в новеллах играют сны — в качестве художественного приема они задействованы в восьми *чуаньци* из тринадцати, в танских же новеллах мотив жизни-сна обычно звучал не столь часто. Поэтому многочисленность снов также следует причислить к отличительным особенностям «Юнь чжай гуан лу». Сны в сборнике весьма разнообразны: либо краткие сновидения, либо сон с продолжениями, который состоит из нескольких последовательных сновидений (и ни главный герой, ни читатель до самого конца не знают, происходит ли дело во сне или наяву), — для сунской прозы это редкий пример. Перевод самой интересной новеллы такого рода — «У гуй лунь» — и будет дан ниже.

³ Подробнее о сборнике Ли Сянь-миня см. (Алимов 2021: 381–422).

В тексте новеллы почти две с половиной тысячи иероглифов, в том числе три семисловных четверостишия. Она состоит из введения, завязки, четырех эпизодов, развязки, своеобразного дополнения и ремарки Ли Сянь-миня. Это крайне своеобразная в композиционном отношении вариация жизни-сна, насланного душами умерших в назидание за неверие в то, что они существуют. Фактически все действие новеллы происходит во сне. Главный герой постоянно делает попытки отличить сон от яви, подозревая, что в очередной раз проваливается в сновидение, но с каждым разом это получается у него все хуже. И читатель, как и главный герой, отнюдь не уверен, в какой реальности происходят описываемые события. И в этом смысле данная новелла существенно отличается от лучших танских текстов, где иллюзорность происходящего обозначена совершенно определенно. Можно сказать, в «У гуй лунь» тема жизни-сна выходит на новый художественный уровень, а саму новеллу следует признать выдающимся образцом сунской прозы⁴.

Суждение о том, что бесов не бывает

Цзиньши Хуан Су, второе имя Цзин-чжи, был родом из Лунью. Человек твердый и принципиальный, даже дерзко-отважный, он более десяти лет, что называется, «спотыкался на экзаменационном дворе» и, однако, ни на йоту не пал духом.

— Я не прошел экзамены, так что ж! — говорил он. — Однажды я встречу того, кто, как говорится, «понимает звуки музыки», непременно одержу победу и, что называется, «прямоком устремлюсь к синим облакам», сделаю головокружительную карьеру и обязательно воздам благодетелям и врагам! Вот чего желает достойный ученый муж! Ну а та бедность, в которой я пребываю ныне, — дело сугубо временное.

Жены и детей у Хуана не было. Он уже довольно долго жил в столице и, пресытившись городской суетой, решил перебраться в Бацзяодянь, что к западу от города, и жить там преподаванием.

Однажды Хуан сказал своим ученикам:

— Конфуций не говорил ни об удивительном, ни о физической силе, ни о хаосе, ни о духах. Как прямой человек и достойный ученый муж, я не смею изменять учению совершенномудрого и тоже не говорю обо всем этом. И дабы развеять ходящие по Поднебесной заблуждения, я напишу «Суждение о том, что бесов не бывает»!

Приближался Праздник чистого света, и все ученики разошлись по домам. У Хуана появилось свободное время, и он, напивав кисть тушью, предался размышлениям, уже совсем было начал писать, как вдруг распахнулась дверь и вошел человек — весьма возбужденный. Обеспокоенный Хуан взглянул на него — а это какой-то слуга! Он спросил слугу, в чем дело.

— У моего хозяина есть два сына, оба юные, — стал объяснять слуга. — Узнав, что вы, наставник, теперь живете здесь, хозяин хотел бы отдать их вам в обучение, вот я и примчался за вами!

— А какова фамилия твоего хозяина? — спросил Хуан.

— Сановник Ван! — был ответ. — Отсюда до его дома всего-то несколько *ли*. Простите за беспокойство, господин!

Хуан, рассудив, что те детишки, которых он натаскивал, некоторое время могут позаниматься и сами, надел шапку, пояс и отправился следом за слугой.

Через несколько *ли* они действительно вышли к большому поместью, опоясанному каналом и обсаженному бамбуком и другими деревьями. Спереди была устроена огороженная площадка, а позади — фруктовый сад, весь в буйной зелени. Воистину покойное место!

Слуга привел Хуана в павильон для гостей, сказал:

— Подождите здесь, а я схожу доложу.

Вернулся он довольно скоро.

— Сановник просит вас к себе!

Хуан вошел в дом, видит — перед ним человек в пурпурном халате и изукрашенном золотом поясе, вида очень внушительного. Пригласив Хуана садиться — манеры у хозяина оказались весьма изысканные, и приветливость его была весьма похвальна! — сановник сказал:

— Я живу в деревенской расслабленности. Выезжать куда-либо потерял желание, а оттого ожидал вашего, наставник, визита, сидя здесь. Вы уж не сочтите за обиду!

— Я всего лишь нищий и тупой книжник и, когда вы удостоили меня милостивым призывом, почел за счастье явиться к вам! — отвечал Хуан.

Сановник велел слуге принести чай и продолжил:

— У меня есть два сына, бестолковые и глупые. Я хотел было послать их к вам в обучение, да обеспокоила меня дальняя дорога. Не сочтите за пренебрежение, но я осмелюсь просить вас остаться в моем скромном жилище, чтобы наставлять их здесь. Каково будет ваше уважаемое мнение на сей счет? Что касается расходов, то, хоть дом мой и беден, я приложу все силы, чтобы вы совершенно ни в чем не нуждались.

— Боюсь, я уже растерял свои познания и смогу научить лишь грубо, поверхностно. У меня не получится стать примером детям и образцом для подражания, — отвечал Хуан. — Если вам, господин, подходит такое, то я хотел бы приложить все силы, не осмелился бы противиться вашей воле.

Тогда сановник велел позвать сыновей, чтобы те поприветствовали учителя. Хуан увидел двух мальчиков: свисающие детские челки, вид независимо-гордый — совершенно не похожи на обычных детей!

Когда дети ушли, сановник сказал:

— Ну, наставник, вы пока можете возвращаться к себе. А завтра — завтра очень благоприятный день, и я пришлю за вами человека.

Хуан распрощался, и сановник проводил его до ворот.

Хуан пошел прежней дорогой назад, вскоре добрался до своего дома... — и тут вдруг очнулся: всё это было во сне!

— Только я сел писать «Суждение о том, что бесов не бывает», а тут такой сон! — покачал головой Хуан. — Насколько же удивительно! Я считаю случившееся выморочным сновидением, но путь, который я проделал, люди, с которыми повстречался, — все это ясно стоит перед глазами. То, как меня принимали, о чем мы беседовали, — я помню совершенно отчетливо!.. Сановник сказал, что на завтра придет человека, чтобы я перебрался к нему частным учителем, вот и подождем. Посмотрим, что будет.

На другой день Хуан встал с постели и, когда солнце поднялось уже достаточно высоко, чинно и с самым серьезным видом уселся дожидаться посланца. Спустя довольно долгое время слуга действительно явился.

— Сановник просит наставника пожаловать в новое домашнее училище! — сказал он.

Слуга тот Хуану был хорошо знаком. «Я сидел в ожидании и глаз ни на миг не смыкал, — рассудил он про себя. — Значит, это не может быть сон».

И последовал за слугой.

Пришли в то же самое место, которое Хуан посещал вчера, и он, подозревая, что все же спит, остановился в нерешительности у входа. Оглянувшись, посмотрел внимательно — залитое солнцем поле, ярко зеленеют пышные колосья... Точно — не сон!

Слуга стал поторапливать Хуана войти, а тут и сановник вышел навстречу, спросив:

— Хорошо ли прошла ночь?

Провел Хуана по восточной галерее в небольшую комнату, а там уж были расставлены чарки для вина и прочая посуда, рядами стояли рыбные и мясные блюда. Сановник пригласил Хуана садиться. Появились две служанки, стали обносить их вином. Хуан взглянул на них внимательно — удивительные красавицы!

Вино обошло присутствующих уже четырежды, а Хуан все сидел молча, обуреваемый подозрениями: ни слова не произнес, ни чарки не выпил.

— Наставник, вы безмолвствуете, ни разу не улыбнулись, — сказал ему сановник. — Невеселое у нас застолье. Что же нам делать?

И велел одной служанке петь под аккомпанемент кастаньет, а другой взять кувшин с вином и попотчевать Хуана. Тогда уж тот не смог отказаться и выпил несколько чарок.

Затем сановник велел служанкам упросить Хуана сложить стихи. Хуан стал отнекиваться — безуспешно. Пришлось взяться за кисть.

Добротельный хозяин так сочувствует талантам!
Повелел служанкам гостю наливать в огромный кубок.
Но не надо удивляться, что молчит тот, не смеется, —
Просто гость подозревает, что заснул и сон лишь видит.

Прочитав стихи, сановник рассмеялся:

— Да разве вам, наставник, неизвестно, что однажды вас посетит прозрение и все без исключения события, происходившие с вами в бренном мире, будут казаться лишь сном? К чему эти сомнения!

И велел служанке налить Хуану еще несколько чарок вина. Потом неторопливо продолжал:

— У меня есть дочь, и я горячо ее люблю. Она только-только достигла возраста взрослой прически, но пока что пары ей не нашлось, хотя я выбирал среди многих людей, но так трудно найти подходящего! Однако я вижу, что вы, мой господин, обладаете выдающимися манерами, поведение ваше безупречно, обширности ваших познаний довольно, чтобы быть наставником для других, а поступки ваши таковы, что могут стать для людей примером, — воистину вы достойный человек! И, если вы не погнушаетесь ничтожностью моего дома и захудалостью рода, я бы доверил вам дочь, чтобы, как говорится, держала при вас совок и метелку и прислуживала с полотенцем и гребнем, — вот тогда можно было бы сказать, что моя дочь обрела мужа! Согласитесь ли вы, господин?

В полном замешательстве Хуан не знал, что ответить.

— Неужели вы, господин, подозреваете, будто моя дочь настолько уродлива, что не может составить вам пару? — спросил тогда сановник. И велел служанкам привести девушку.

Хуан окинул ее взором: пышные волосы вздымаются, словно горы, зрачки мерцают, будто звезды в струящейся воде, благоухающие щеки светятся, что молоко — она точно грациозный нежный лотос на осенней реке, движения ее изящны, ровно у ласточки, парящей в рассветной дымке! Девушка взглянула на Хуана так располагающе, что ее милая застенчивость тут же запала ему в душу. Затем встала в сторонке так, словно одежды ей были невыносимо тяжелы. Сердце у Хуана забилося, душа улетела, и он с трудом овладел собой.

— Я всегда высоко ценил свою дочь, — сказал сановник. — Хотел выдать ее замуж за знатного человека, но этим планам сбыться оказалось не суждено. Кому, как не вам, столь многознающему и многоталантивому, могу я вручить ее? И, если вы выберете ее в жены, обузой она вам точно не станет. Так что же?

— Почтительно последую вашему совету! — отвечал Хуан.

Служанки увели девушку.

— Ну что ж! — обратился тогда сановник к домашним. — Надо позвать матушку, пусть будет свахой.

Вскоре появилась матушка — в белой одежде, подпоясанная простым платком, седые волосы падают на сгорбленную спину. Остановилась перед сановником.

— Я собираюсь выдать дочь замуж, — сказал ей сановник. — Не станешь ли свахой?

— Всегда этого хотела! — отвечала матушка, перевела взгляд на Хуана. — А это не жених ли?

— Точно он, — кивнул сановник.

Матушка вышла и принесла темно-красный мешочек с благовониями, весь изукрашенный изображениями личинок цикад, работы чрезвычайно искусной, и с улыбкой вручила его Хуану:

— Примите как дар на помолвку!

— Через три дня настанет вполне благоприятный срок для свадебной церемонии, — сообщил сановник. И вручил Хуану в подарок написанные на цветной бумаге стихи. Они гласили:

Настороже вы были за вином. Не надо подозрений!
За сотни лет ведь свет и тьма встречались столько раз!
Мешочек сей приняв и в дом свой воротившись,
Поймете вы, сколь велико расположение наше к вам!

Хуан поблагодарил, хотя и не понял смысла стихов.

День клонился к закату. Пир подошел к концу, и матушка сказала:

— Жениху пора возвращаться домой! А как подойдет назначенный срок, мы пришлем повозку за вами, господин, дабы вы прибыли породниться с нами.

Хуан стал прощаться.

— Я опьянел и не в силах проводить вас, — сказал ему сановник. — Не считите это за обиду!

Хуан, тоже пьяный, все же нашел дорогу домой, а дома внезапно понял, что случившееся вновь было сном. Он очень удивился, ведь и винный дух еще не рассеялся, и мешочек с благовониями пребывал у него за пазухой!

Через два дня после этого Хуан, продекламировав по памяти написанные сановником строки, сказал со вздохом:

— Каждый раз, как я читал в «Комментарии Цзо» о том, как цзиньский Ху Ту столкнулся с душой умершего наследника трона, а Бо-ю, став бесом после смерти, убил Гунсунь Дуаня, я не воспринимал всерьез все эти рассказы о душах умерших, полагая, что господин Цзо здесь приукрасил, и уж если и есть где недостоверность, так именно в подобных историях. А ныне я самолично столкнулся с тем же самым, и уж теперь-то верю, что записи господина Цзо вовсе не пустые слова!

На третий день, едва Хуан встал с постели и умылся, до него донеслись скрип повозки, ржание лошадей и гомон сопровождающих их слуг. Хуан вспомнил об условленном сроке — и тотчас раздался стук в дверь. Хуан затаился, не осмеливаясь подать голос.

— Сановник Ван прислал людей за женихом! — раздался крик снаружи. — Поскорее собирайтесь, а то сановник может рассердиться за опоздание!

Кричали снова и снова.

Хуану пришлось открыть дверь, и он увидел слуг в новой праздничной одежде и в украшенных цветами шапках. Словно пестрый ковер они заполнили всю улицу перед воротами. Впереди стояла матушка-сваха.

— Время пришло! — сказала она Хуану. — Надо спешить.

Велела слугам подвести коня — с седлом, обтянутым обезьяньей кожей, с золотой уздой, с нефритовыми стремянами, с изукрашенной цветами подпругой и с роскошной попоной.

Хуан подобрал полы одежды и забрался в седло. Слуги закричали очистить дорожку, а другие, держа в руках свадебные дары, окружили жениха на лошади — и все двинулись вперед.

Добрались словно долетели, миг — и уже на месте!

Хуан вошел в двери и увидел безукоризненно чистый двор, украшенный с великолепным изяществом, где рядами выстроились музыканты и певчихи. Сановник пригласил гостя садиться за пиршественный стол — и полилось вино, началось веселье.

Ближе к вечеру пришла служанка и позвала Хуана в дом для завершения церемонии. Хуан поднялся с циновки и, ведомый двумя девушками, зашел в комнату — там праздничные свечи бросали красные отблески на стены, струился ароматный дым из курильницы, блеск жемчуга на пологих слепил глаза... Хуан подумал, что ни среди людей, ни на небесах нет ничего прекраснее.

Сопровождавшие окружили новобрачных, вручили им узел единства сердец, те, держа его, отпили вина и обменялись чашами — церемония прошла совершенно так, как это и бывает обычно. И вот опустился красный брачный полог, а за ним уж было приготовлено ложе, и новобрачные слились на нем подобно однокрылым птицам, что могут лететь только вместе, соединились, будто ветви и корни переплелись натесно. В глубокой ночной тишине — под стеганым одеялом, на покойном изголовье — как говорится, «желание дождика и чувства тучки» описать просто невозможно!

На рассвете матушка поторопила Хуана подняться, чтобы поблагодарить родню молодой жены, и все стали поздравлять друг друга.

Сановник оставил Хуана жить у себя. Тот был в восторге от обретенной жены, чувства молодых стали так глубоки, что они не расставались ни на миг — дни проводили в прогулках, а вечера в пирушках.

Хуан прожил в усадьбе больше месяца, как однажды сановник вдруг сказал ему:

— Недавно я удостоился высочайшего приказа занять пост управителя Тиннани, и поэтому мне нужно отправляться в путь безо всякого промедления. Я теперь с утра до вечера готовлюсь к отъезду, и, откровенно говоря, вы со мной поехать не сможете. Дочь же моя — она своевольно-неразумная, и мне трудно будет оставить ее здесь, поэтому я заберу дочь с собой. Вы же, пожалуйста, возвращайтесь покуда к себе, обождите, пока я не вступлю в должность, а уж тогда на следующий год к Празднику чистого света я пришлю за вами солдат. Что скажете?

— Если такова ваша воля, как смею я противиться? — отвечал Хуан. — Я буду жить в спокойном ожидании.

По случаю своего отъезда сановник устроил большой пир, позвал много гостей. А когда спустилась ночь и гости разошлись, жена Хуана велела служанкам вновь расставить посуду и принести в их спальню вино, чтобы попрощаться. Лицо ее было омрачено тоской-печалью, от горя склонился к земле ароматный цветок.

— Мне, некрасивой и неотесанной, посчастливилось обрести опору до конца дней моих в вас, благородный муж! — сказала Хуану жена. — А теперь нужно ехать на юг, и мы расстанемся на год! Счастливые наши дни сменяют холодное изголовье и одинокая постель — как пережить все это?

Договорила и заплакала. Хуан тоже задыхался от слез.

— Я всю жизнь проводила досуг за женской работой, — снова заговорила жена. — Но больше прочего люблю читать книги, а что до стихов, то кое-как выучилась слагать нечто похожее. Завтра мне предстоит отбыть в дальнюю даль, боль расставания переполняет меня, и как же ее трудно выразить словами! Я сложила небольшое стихотворение, в котором излила свои мысли, — выражения тут вульгарные, смысл передан неумело, вы уж не смейтесь надо мной!

Она достала стихи и показала Хуану. Стихи гласили:

Мы расстанемся так поспешно, велика печаль...
Я знаю: не заставит ждать свиданье наше.
Как воцарятся желтая пятнистость и зеленый заяц,
То рыжий всадник прилетит, топча опавшие цветы!

Хуан прочитал стихи, и у него от горя перехватило дыхание.

Отправились спать.

Лишь забрезжил рассвет, а у сановника уж были наготове повозка и лошадь — велел отвезти Хуана домой. Тот попрощался с женой, а также с сановником, прибыл домой — и дома опять понял, что это был лишь только сон!

Тогда Хуан рассказал всю эту историю своему приятелю Хэ Гао, пересказал и стихи жены. Тот долго вздыхал в удивлении. Смысл стихов им до конца так и не удалось понять.

Прошел год, настал Праздник чистого света — и тут Хуан скоропостижно скончался.

Тогда только Гао осенило: в стихах жены Хуана было сокрыто время его смерти — год, луна и день, в совершенной точности! Когда Хуан только встретил жену, был год под циклическими знаками *дин-чоу* девиза правления Шао-шэн (1097), а умер Хуан в год под циклическими знаками *у-инь* девиза правления Юань-фу (1098). В стихах было сказано: «Как воцарятся желтая пятнистость и зеленый заяц». «Желтая пятнистость» здесь — это желтый тигр, циклический знак *у* относится к желтому цвету, а циклический знак *инь* относится к тигру, значит, все вместе означа-

ет год под циклическими знаками *у-инь*. «Зеленый заяц» же — это циклический знак *и*, цвет которого зеленый, и циклический знак *мао*, относящийся к зайцу, значит, все вместе означает луну под знаками *и-мао*. То есть речь идет о второй луне года *у-инь*, которая будет под знаками *и-мао*! Еще в стихах говорилось: «Рыжий всадник прилетит, топча опавшие цветы». «Рыжий всадник» — это красная лошадь, цвет циклического знака *бин* красный, знак *у* относится к лошади, и все вместе это указывает на день под циклическими знаками *бин-у*. Хуан распростился с миром в двадцать седьмой день второй луны года *у-инь*, а это и был день *бин-у*, как раз начало Праздника чистого света! «Топча опавшие цветы» — тут подразумевается смерть. Сколь же удивительно!

Второе имя Хэ Гао было Тан-чэнь, он происходил из земель, что к северу от Хуан-хэ. Человек пытливого ума, свободно-вольный, на мелочи внимания не обращающий, он состоял с Хуаном в тесных дружеских отношениях. Гао поведал мне эту историю от начала и до конца, а я ее записал.

Литература

- Алимов 2014 — Алимов И.А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.
- Алимов 2017 — Алимов И.А. Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017.
- Алимов 2018 — Алимов И.А. Девушка с озера Сиху: Хун Май и его сборник «Записи И-цзяня». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018.
- Алимов 2019 — Алимов И.А. Записки о Сяо-лянь: Лю Фу и его сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.
- Алимов 2021 — Алимов И.А. Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошо об удивительном X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021.
- Ли Сянь-минь 1997 — Ли Сянь-минь 李獻民. Юнь чжай гуан лу 雲齋廣錄 (Обширные записи из облачного кабинета). Уминши 無名氏. Юань чжу чжи юй сюэ чуан тань и 駕渚志餘雪窗談異 (Неизвестный автор. Записи с оттели уток-мандаринок, или Беседы о странном в отсвете снега в окне). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.

References

- Alimov, Igor A. *Sad udivitel'nogo: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo I–VI vv.* [The Garden of the Marvelous: A Concise History of the 1st–6th Century Chinese *Xiaoshuo* Prose]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014 (in Russian).
- Alimov, Igor A. *Zapisi o sokrovennykh chudesakh: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo VII–X vv.* [The Notes of Innermost Miracles: A Concise History of the 7th–10th Century Chinese *Xiaoshuo* Prose]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017 (in Russian).
- Alimov, Igor A. *Devushka s ozera Sikhu: Hun Mai i ego sbornik “Zapisi I-dziania”* [The Girl from Xihu Lake: Hong Mai and His Collection “Yi jian zhi”]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2018 (in Russian).
- Alimov, Igor A. *Zapiski o Siao-lian: Liu Fu i ego sbornik “Vysokie suzhdeniia u dvortsovykh vorot”* [Notes on Xiao-lian: Liu Fu and His Collection “Lofty Judgements by the Palace Gate”]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019 (in Russian).
- Alimov, Igor A. *Oblachnyi kabinet: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo ob udivitel'nom X–XIII vv.* [The Cloudy Parlor: A Concise History of the 10th–13th Century Chinese Supernatural

Xiaoshuo Prose]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021 (in Russian).
Li Xian-min 李獻民. *Yun zhai guang lu* 雲齋廣錄. Wumingshi 無名氏. *Yuan zhu zhi yu xue chuang tan yi* 鴛渚志餘雪窗談異. Beijing: Zhonghua shuju, 1997 (in Chinese).

“The Judgment That There are No Demons” by Li Xian-min

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 04.07.2022.

Abstract: The publication introduces the reader to one of the most original novels from the collection *Extensive Records from the Cloud Office* (*Yun zhai guang lu* 雲齋廣錄) by Li Xian-min 李獻民 (? — after 1111) — “The Judgment That There are No Demons” (“Wu gui lun” 無鬼論). The translation of the novel into Russian is preceded by basic information about the author and his collection.

Key words: old Chinese narrative, Li Xian-min, “The Judgment That There are No Demons”, *xiaoshuo* prose.

For citation: Alimov, Igor A. “‘The Judgment that there are no Demons’ by Li Xian-min”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 77–87 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109104.

About the author: Igor A. ALIMOV, Ph.D. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvost.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

«Коллекция Броссе»: история ранних поступлений японских рукописей и ксилографов в Императорскую Петербургскую академию наук и Азиатский Музей (1791–1864)

В.В. ЩЕПКИН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109687

Статья поступила в редакцию 20.07.2022.

Аннотация: В статье представлены результаты изучения истории ранних поступлений японских рукописей и ксилографов в Императорскую Петербургскую академию наук и Азиатский Музей с 1791 по 1864 г., прежде известных под собирательным названием «коллекция Броссе». Основными источниками для исследования послужили каталоги китайских и японских книг И. Буссе (1798), П. Каменского и С. Липовцева (1818), М.Ф. Броссе (1840, дополнения до 1864), а также хранящиеся в Архиве востоковедов ИВР РАН и в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН списки отдельных поступлений в Азиатский Музей и Академию наук. Метод работы состоял в сопоставлении приведенных в каждом из каталогов или списков названий сочинений с хранящимися сегодня в ИВР РАН японскими рукописями и ксилографами. В результате было установлено, что «коллекцию Броссе» составляют поступления как минимум от девяти дарителей, в том числе ценные собрания Дайкокуя Кодаю, И.А. Штуцера, Российско-Американской компании, П.Л. Шиллинга и К.И. Максимовича.

Ключевые слова: коллекции, Япония, Азиатский Музей, японские рукописи, японские ксилографы, российско-японские отношения.

Для цитирования: Щепкин В.В. «Коллекция Броссе»: история ранних поступлений японских рукописей и ксилографов в Императорскую Петербургскую академию наук и Азиатский Музей (1791–1864) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 88–109. DOI: 10.55512/WMO109687.

Об авторе: ЩЕПКИН Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (vshepkin@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0007-1143.

© Щепкин В.В., 2022

Самые ранние поступления японских рукописей и ксилографов в библиотеку Императорской Академии наук, позже ставших основой японской коллекции Азиатского Музея (ныне — ИВР РАН), датируются 1791 г. Некоторые собрания и отдельные экземпляры передавались на протяжении всей первой половины XIX в. В 1840 г. со-

трудник Азиатского Музея М.Ф. Броссе (1802–1880) составил каталог китайских и японских книг, хранящихся в музее. Дополнения к этому каталогу после поступления новых экземпляров он делал вплоть до 1864 г.

Значительно позже, спустя почти столетие, в ходе подготовки «Описания японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг», шесть выпусков которого были опубликованы в 1963–1971 гг., за всеми японскими рукописями и ксилографами, попавшими в Азиатский Музей до 1864 г., закрепилось общее наименование — «коллекция Броссе». Во Введении к первому выпуску «Описания» О.П. Петрова пишет, что «работая в Азиатском музее Академии наук, М. Броссе чрезвычайно способствовал пополнению рукописных коллекций Азиатского музея», и «его коллекции поступили в музей в 1864 г.» (Петрова, Горегляд 1963: 5). Однако уже составителям было известно, что в состав этой «коллекции» входят единицы хранения из самых разных источников.

О.П. Петрова посвятила одну из своих статей самому раннему собранию японских книг, переданных в Академию наук, — коллекции Дайкокуя Кодая (Петрова 1970). В своей статье, посвященной японскому фонду ИВР РАН, В.Н. Горегляд обозначил все основные коллекции японских рукописей и ксилографов в Азиатском Музее/ЛО ИВ АН СССР (Горегляд 2018: 531–535). Мы решили пойти дальше и, опираясь на материалы Архива востоковедов (АВ) ИВР РАН, опубликованные и неопубликованные каталоги и списки японских книг, а также на сами коллекции японских рукописей и ксилографов, восстановить историю ранних (до 1864 г.) поступлений и установить принадлежность конкретных рукописей и ксилографов к тому или иному частному собранию.

Главными источниками для этой работы послужили каталоги китайских и японских книг И. Буссе (1798), П. Каменского и С. Липовцева (1818), М.Ф. Броссе (1840, дополнения до 1864 г.), а также хранящиеся в АВ ИВР РАН и в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН списки отдельных поступлений в Азиатский Музей и Академию наук. Метод работы состоял в сопоставлении приведенных в каждом из каталогов или списков названий сочинений с хранящимися сегодня в ИВР РАН японскими рукописями и ксилографами. Основную сложность в работе представляло то, что почти все ранние каталоги и списки составлялись на европейских языках без приведения оригинальных названий сочинений в японской графике (исключением является хранящаяся в АВ ИВР РАН копия каталога Каменского и Липовцева, сопровождаемая иероглифическими написаниями). В ряде случаев указывалось китайское чтение японских названий во французской или латинской транскрипции. Тем не менее нам удалось идентифицировать 94 из 103 японских и корейских рукописей и ксилографов, причисляемых к «коллекции Броссе», и установить принадлежность к тому или иному частному собранию 70 из них.

Нужно также отметить, что М.Ф. Броссе в ходе своей работы над каталогом выделил японские и корейские книги в раздел «Class XVIII», сгруппировал их в семь тематических разделов (*Livres élémentaires*, *Géographiques*, *Législation*, *Histoire*, *Numinématique*, *Littérature*, *Mélanges* и отдельно *Coréens*) и выполнил сплошную нумерацию книг. При этом на самих книгах он также указал соответствующие шифры, например: «Cl. XVIII. 1», «Cl. XVIII. 2» и т.д. В случае более поздних дополнений в соответствующие разделы он использовал уже присвоенные номера с добавлением литер, например: «Cl. XVIII. 10а». Это послужило дополнительным подспорьем в идентификации книг из ранних поступлений.

Коллекция японских книг Дайкокуя Кодаю (1791)

Первые японские книги, попавшие в Императорскую Петербургскую академию наук, принадлежали японскому моряку Дайкокуя Кодаю (1751–1828). В 1783 г. он был членом экипажа судна «Синсё-мару», которое потерпело крушение у побережья одного из Алеутских островов, а затем через Камчатку и Охотск попал в Иркутск, где познакомился с ученым и предпринимателем Э.Г. Лаксманом (1737–1796). Последний взялся ходатайствовать перед императрицей Екатериной II об отправке первой российской экспедиции в Японию для установления торговых отношений под предлогом возвращения Кодаю и его спутников на родину. Во время пребывания в Петербурге в 1791 г. Дайкокуя Кодаю передал через Э.Г. Лаксмана имевшиеся у него книги императрице¹, а та подарила их Петербургской академии наук через ее директора Е.Р. Дашкову (1743–1810) (Протоколы 1911: 273).

Книги Дайкокуя Кодаю наряду с еще одной ранней коллекцией — И.А. Штуцера (о ней ниже) — нашли отражение в первом каталоге японских книг, составленном библиотекарем Академии наук И. Буссе в 1798 г. Попытку отделить коллекцию книг Дайкокуя Кодаю от книг И.А. Штуцера впервые предприняла О.П. Петрова (Петрова 1970: 51–53). Сравнив каталог Буссе с собственноручным списком Штуцера, она определила, что в собрание последнего не входили десять из двадцати двух пунктов списка Буссе, а значит поступили они от Дайкокуя Кодаю, что соотносится с протоколом заседания конференции Академии наук от 19 сентября 1791 г., в котором сказано о «девяти книгах и одном календаре» (Протоколы 1911: 273). Вот эти пункты²:

Номер в списке Буссе	Название	Содержание
1	Сэцуё	Сведения научные, географические, исторические, арифметические и др. с картой Японии
2	Гунгаку гунсю	История древних военных героев японских. (Примечание Буссе: Великолепная работа)
3	Эхон	Иллюстрированная история древних военных героев японских из времен Иови-мо
4	Мори кагами	Повествование о казни князя Аояма Касума
17	Коёми	Календарь японский за 1782 г.
19	Сайкоку-хон	Паломничество по тридцати трем храмам
20	Гэмтэй асахи-но гумбай	Трагедия из древней истории Японии
21	Дзёрури-хон	Театр
22	Дзёрури-хон	Театр

О.П. Петрова утверждает, что в коллекции ИВР РАН сохранились все книги Дайкокуя Кодаю кроме энциклопедии «Сэцуё» (Петрова 1970: 55). Однако, к сожалению,

¹ АВ ИВР РАН. Разряд 1. Опись 1. № 140. Л. 46.

² Сразу отметим, что пункт № 5 «Генеральная карта Китайской империи» попал в каталог И. Буссе, очевидно, по ошибке или им обозначена какая-то другая карта из коллекции И.А. Штуцера. Карт Китая японского производства ни от Дайкокуя Кодаю, ни от И.А. Штуцера в Академию наук, судя по всему, не поступало.

О.П. Петрова не приводит в своей статье полного списка современных шифров хранения. Мы попытались восполнить этот пробел. Но для начала обратим также внимание на составленный Дайкокуя Кодаю список остатков его библиотеки, сохранившийся на обложке одной из его книг, «Гэмпэй асахи-но гумбай» (шифр хранения В-13).

№ п/п	Текст Кодаю	Чтение	Перевод
1	志やうる利本七冊	<i>дзэрурибон нанасацу</i>	Пьесы «Дзэрури», 7 томов
2	手本壹冊	<i>тэхон иссацу</i>	Письмовник, 1 том
3	節用式冊	<i>сэцуё нисацу</i>	Энциклопедия «Сэцуё», 2 тома
4	源平系入三冊	<i>гэмпэй эири сансацу</i>	О войне Тайра и Минамото, с иллюстрациями, 3 тома
5	森かゝみ壹冊	<i>мори кагами иссацу</i>	«Зерцало дома Мори», 1 том
6	系本壹冊	<i>эхон иссацу</i>	Книга с иллюстрациями, 1 том
7	太平記壹冊	<i>тайхэйки иссацу</i>	«Повесть о великом мире», 1 том

О.П. Петрова обнаружила в коллекции ИВР РАН только четыре экземпляра пьес *дзэрури* (шифры хранения В-3, В-4, В-5 и В-6) и отнесла все их к книгам Дайкокуя Кодаю. При этом она поставила вопрос о местонахождении еще трех книг (поскольку в списке Кодаю указано семь томов) и высказала предположение, ссылаясь на японского историка Камэи Такаёси, что они могут быть среди пяти экземпляров *дзэрури*, хранящихся в составе коллекции Георга фон Аша в библиотеке Университета Гёттингена (Петрова 1970: 56). Однако собственноручные пометки Дайкокуя Кодаю имеются только на двух из четырех вышеуказанных книг (В-3 и В-4), поэтому две другие (В-5 и В-6) могли попасть в Академию наук позже, в составе других собраний. В этом случае не возникнет вопроса, почему в коллекции фон Аша есть пять книг *дзэрури*, если от Кодаю к нему попало только три. В списке Буссе также значится лишь две книги *дзэрури*, а не четыре.

Кроме того, в японской коллекции ИВР РАН не идентифицируются однозначно еще три книги из списка Дайкокуя Кодаю: это письмовник (1 том) и энциклопедия «Сэцуё» (2 тома). Письмовника нет уже в каталоге Буссе 1798 г., энциклопедия «Сэцуё» в нем присутствует, хотя и без указания количества томов. О.П. Петрова высказывает предположение, что эти книги могли быть переданы в Иркутск спутнику Дайкокуя Кодаю японцу Синдзо (в крещении Николай Петрович Колотыгин) для целей преподавания в школе японского языка (Петрова 1970: 55–56). Это может косвенно подтверждаться тем, что позже, в 1814 г., из Российско-Американской компании директором М.В. Булдаковым (1766–1830) были переданы один письмовник и две энциклопедии, которые, судя по датам издания, могли принадлежать Дайкокуя Кодаю, причем первый попал в Академию наук (ныне хранится в ИВР РАН под шифром С-104), а вторые — в Публичную библиотеку (хранятся в отделе рукописей под шифрами Дорн 871 и Дорн 872).

Кроме того, в собственноручном списке Кодаю отсутствуют также «календарь японский за 1782 г.» (С-320, № 17 в списке Буссе) и «Сайкоку-хон» (А-86, № 19 в списке Буссе). При этом в списке предметов И.А. Штуцера их тоже нет. Поскольку о других поступлениях японских книг до 1798 г., когда Буссе составил свой каталог, неизвестно (он сам указывает лишь на два источника), высока вероятность, что эти

две позиции также относятся к коллекции Кодаю. На принадлежность календаря косвенно указывает его дата — именно в 1782 г. Кодаю, попав в шторм, был унесен морским течением из Японии к Алеутским островам. «Сайкоку-хон» же — это путеводитель по 33 храмам со статуями бодхисаттвы Каннон, которые расположены в провинциях центральной Японии, рядом с местом проживания Кодаю. Возможно, Кодаю не включил путеводитель и календарь в список сохранившихся книг, поскольку не считал их книгами в полном смысле, т.е. предназначенными именно для чтения.

Если все вышесказанное справедливо, то получается, что к коллекции Дайкокуя Кодаю принадлежат следующие единицы хранения:

№ п/п	Шифр хранения	Номер в списке Кодаю (1791)	Номер в списке Буссе (1798)	Номер в каталоге Липовцева (1818)	Название сочинения	Кол-во томов
1	A-12	[7]	2	7	太平記	1
2	A-86	—	19	—	西国三十三所順礼えんぎ	1
3	B-3	[1]	21	15	番場忠太紅梅簞	1
4	B-4	[1]	22	19	摂州渡邊橋供養	1
5	B-13/ B-140	[4]	20	14	源平暲軍配	3
6	B-156	[6]	3	6	絵本寫寶袋	1
7	B-157	[5]	4	20	森鏡邪正録	1
8	C-320	—	17	26	曆	1
9	C-104	[2]	—	16	童子用文初学大成	1
10	Дорн 871 (РНБ)	[3]	1		文林節用筆海綱目	1
11	Дорн 872 (РНБ)	[3]	—		百万節用宝来蔵	1

Коллекция японских книг и карт И.А. Штуцера (1795)

Как уже было сказано, вторым источником пополнения японской коллекции Академии наук на самом раннем этапе стал И.А. Штуцер (1763–1821), немецкий врач на службе Голландской Ост-Индской компании, который служил в Нагасаки в 1787–1788 гг., совершил поездку в Эдо ко двору сёгуна и собрал весьма представительную коллекцию предметов материальной культуры Японии эпохи Токугава. Он отправил ее на имя Екатерины II в 1794 г., уже переехав по службе на Цейлон, вероятно, в связи с новостями о российской экспедиции А. Лаксмана в Японию.

Истории и описанию коллекции Штуцера была посвящена наша совместная с А.Ю. Синицыным статья (Синицын, Щепкин 2020), поэтому здесь ограничимся лишь изложением результатов идентификации книг и карт из коллекции Штуцера в ИВР РАН. Принадлежавшие ему единицы хранения легко определяются, во-первых, путем «вычета» книг Кодаю из списка Буссе 1798 г., а во-вторых, на основании собственноручного списка Штуцера, который сопровождал коллекцию, присланную на имя Екатерины II в 1795 г.

В приведенной ниже таблице сведены воедино данные о книгах и картах из коллекции Штуцера с указанием их обозначений (или отметкой об их отсутствии) в списке самого Штуцера и в каталогах Буссе (1798), Липовцева и Каменского (1818) и Броссе (1840).

№ п/п	Штуцер	Буссе	Липовцев	Броссе	Японское название	Шифр
1	№ 19. «Сэйё сэмпу»	№ 14. Иллюстрированная книга разных европейских монет	№ 2. Собрание европейских монет в Японии известных, с изъяснением находящихся на оных изображений, с приложением карты Европы	Сl. XVIII 46. Таблицы и описание западных монет 1787 г.	西洋錢譜	С-95
2	№ 20. «Описание рыб»	№ 16. Описание туземных рыб	—	—	—	—
3	№ 1. «Две книги о растениях»	—	—	—	—	—
4	№ 22. «Книга, рассказывающая о дворе Дайри»	№ 15. Иллюстрированная книга костюмов при дворе королевства Дайри	№ 27. О костюмах платья королевства Дайри	Сl. XVIII 68. Образцы окраски платьев 1786 г.	—	—
5	№ 23. «Несколько моделей платьев, которые использует Дайри»					
6	№ 24. «Карта Эдо»	№ 7. Топографическая карта города Эдо, столицы королевства Кубо	№ 22. Топографическая карта Столичного города Японии	Сl. XVIII 19. Исправленный раскрашенный план города Эдо 1784 г. (японский)	分間江戸絵図	С-228
7	№ 25. «Карта Мияко»	№ 8. То же города Миако, столицы королевства Дайри	№ 23. Топографическая карта столицы Мияко	Сl. XVIII 26. План города Киото	名所手引京図鑑綱目	В-152
8	№ 26. «Город Нагасаки»	№ 11. То же города Нагасаки	№ 24. Топографическая карта города Нагасаки	Сl. XVIII 29. План города Нагасаки (приложена заметка dr. Stutzer)	肥州長崎図	А-88
9	№ 27. «Общая карта всей Японской империи»	№ 6. Генеральная карта Японской империи	№ 25. Генеральная карта Японского государства	Сl. XVIII 15a. Японская карта (цветная) Японии 1775 г.	—	—

10	№ 29. «Сангоку цуран дзусэцу»	№ 12. Сангоку цуран — Книга географиче- ская — 5 томов № 13. Прило- жения к ней — географиче- ские карты	—	—	—	—
11	№ 30. «Анато- мические таблицы Кульмуса»	№ 18. Анато- мические таб- лицы тела человека с переводом с голландского языка	№ 1. Анатомия с немецкого на японский язык переведенная с фигурами частей тела че- ловеческого. В 4 хорошего издания пять книг в одном томе	Cl. XVIII 57. Учебник ана- томии, пере- вед. с гол- ландского 1774	—	—
12	№ 32. «Карта пожара в Мияко»	№ 9. То же самого города Миако	—	Cl. XVIII 27. План города Киото с ука- занием сго- ревших в 1855 г. квар- талов (к нему приложена заметка dr. Stutzer)	京都洛中洛外大絵図	C-321

Итак, коллекция японских книг и карт доктора И.А. Штуцера включала в себя шесть книг (в общей сложности из 12 томов) и десять карт (пять — отдельные издания, пять — приложения к «Сангоку цуран дзусэцу»). Четыре из шести книг содержали ценные для европейцев сведения о Японии того времени (о флоре, фауне, одежде и географии) и, очевидно, имели спрос у современников Штуцера — примечательно, что ни одна из них не сохранилась в собрании ИВР РАН. Две другие, напротив, отражали интерес японцев конца XVIII в. к Европе — из них сохранилась лишь одна. Из присланных Штуцером карт к настоящему моменту в ИВР РАН сохранились четыре отдельных издания.

Коллекция Российско-Американской компании (1810–1814)

Следующим шагом работы стало выделение книг неизвестного происхождения (т.е. отделение их от книг Дайкокуя Кодаю и Штуцера) в каталоге С. Липовцева и П. Каменского 1818 г. (Каменский, Липовцев 1818: 53–55) и сопоставление сведений о них с каталогом Броссе. Всего таких книг оказалось четырнадцать. Затем мы выявили книги в японской коллекции ИВР РАН с соответствующими шифрами, присвоенными Броссе, и таким образом установили их соответствие современным шифрам. Результаты этой работы приведены в таблице:

Каталог Липовцева и Каменского	Каталог Броссе	Японское название	Шифр хранения
3) Рассуждение о государственном правлении. Одна только 3-я часть	Cl. XVIII 33. Политические разговоры, том III	政談 卷之三	C-217
4) Военное искусство японцев. Одна только 8-я часть	Cl. XVIII 54.	武門要鑑抄 卷八	A-35
5) Собрание разных предметов до военного и ученого состояний принадлежащих. Первая только часть	Cl. XVIII 55. Владетельные князья (даймё) годов 1804–1817, их родословная, гербы и знамена	新版改正文化武鑑御大名衆 卷之一	A-18
8) Досуги мирного времени, посвященные удовольствию. С картинками некоторых лиц. Одна книга	Cl. XVIII 40.	真選実録泰平樂記	B-147
9) Записки о горах. Одна книга			
10) Досуги мирного времени или описание некоторых рек. Две книги	Cl. XVIII 5. Домашняя энциклопедия и словарь Cl. XVIII 70. Домашняя энциклопедия 1802 г.	字會節用永代蔵 萬寶節用富貴蔵	C-197 C-198
11) Объяснения на стихотворения семи ученых китайцев	Cl. XVIII 61. Предисловие 1757 г.	明七子詩解	C-215
12) Красная роза, или собрание предметов, принадлежащих к поэзии и красноречию, с картинками. Одна книга	Cl. XVIII 60. Письмовник 1786 г.	紅梅用文章顯徳大成	C-209
13) О театральные представлениях. Одна книга	Cl. XVIII 62. Обзорение за год театральные обычаев	繪本劇場年中鏡中	B-15
16) Собрание слов полууставных и скорописных, с разными картинками. В одной книге	Cl. XVIII 69. Письмовник 1769 г.	童子用文初学大成	C-104
17) Похождение Синь джана. 5-я только часть с фигурами	Cl. XVIII 42. Эхон-Тайко-ки (иллюстрированное издание)	繪本太閤記 三編 卷之五	B-12
18) Краткое жизнеописание знаменитых мужей Китая, ученым японцем объясненные, в пользу учащихся соотечественников. Последняя книга	Cl. XVIII 37. Мынь-цзо (японск. изд.) с кит. комм. Мо-гю 1767 г.	標題徐狀元補注 蒙求 卷下	C-52
28) Лавочная счетная купеческая книга одна	Cl. XVIII 76. Японский грессбух	大福帳	A-47
29) Купеческая лавочная книга	Cl. XVIII 76. Японский грессбух	簾貸帳	A-48

Затем мы просмотрели книги из получившегося списка и смогли выявить целый ряд кодикологических особенностей, благодаря которым в итоге установили источник их поступления. Во-первых, на лицевых обложках книг с шифрами хранения C-52, C-209, C-215 и C-217 имелись красные сургучные печати Российско-Американской компании. Во-вторых, на обложках книг с шифрами хранения B-12, A-35, B-15, B-147, A-18, C-197 и C-198 подписаны от руки номера, соответственно: 2, 8, 11, 14, 15 и 18 (последний на двух книгах, вероятно, воспринимавшихся как два тома одного издания).

Наличие печатей Российско-Американской компании неудивительно, ведь с момента ее образования в 1799 г. и до середины XIX в. отношения с Японией фактически находились в ее ведении. Поскольку нам было известно о поступлениях японских предметов материальной культуры от Российско-Американской компании в Академию наук (Ксенофонтова 1969: 284, 295; Сеницын 2008–2010: 308–313), мы обратились к документам Архива РАН, чтобы проверить их на предмет поступления книг.

Действительно, в двух таких списках, хранящихся в Архиве РАН, от 1810 и 1814 гг. имелись сведения о книгах. В «Описи вещам всемилостивейше пожалованным Ею Императорским Величеством для хранения в музее Академии наук» от 9 декабря 1810 г. в том числе значилось:

«Книги:

1 книга: Преподающая познания о многих науках: словесности, астрономии, мореплавания, физики, географии и изящных художеств под № 18м.

1 книга: Гербовник, изображающий вельможеския гербы, их знаки, чин и достоинство означающия под № 15м.

1 — со изображением рыцарей древних в их одежде под № 14м.

1 — о стихотворстве под № 8м. 1 — театральная под № 11м.

1 — со изображением картин: представляющия японския здания, сады, охоту и проч. Под № 2м»³.

Как видно, указанные номера полностью совпадают с номерами, обнаруженными на обложках некоторых из книг. Также заслуживает внимания, что описания в этом списке в целом совпадают с содержанием книг. В другом документе, «Реестре японским вещам, принадлежащим Российско-Американской компании, которая и препровождает в Кунсткамеру Императорской Академии наук»⁴, датированном 6 апреля 1814 г., имеются следующие пункты:

7 книг разных сочинений на каждой печать американской компании;

2 книги конторных коммерческих.

Что касается двух книг «конторных коммерческих», очевидно, речь идет о единицах хранения А-47 и А-48. Что же до «7 книг разных сочинений» с печатями Российско-Американской компании, в коллекции ИВР РАН, как указано выше, на данный момент обнаружено лишь четыре такие единицы хранения. Известно также, что 15 и 17 мая 1814 г. директор компании М.М. Булдаков также отправил четыре книги и три листа документов на имя А.Н. Оленина (1763–1843), первого директора Императорской публичной библиотеки, — на всех них имелись печати Российско-Американской компании (Васильева 2014: 73).

Каким образом все эти японские книги попали во владение Российско-Американской компании? Возможных источника было два, причем один вовсе не исключает другой. В 1804–1805 гг. в рамках первого российского кругосветного плавания под руководством И.Ф. Крузенштерна (1770–1846) Японию посетило посольство Н.П. Резанова (1764–1807), который был одним из руководителей Российско-Американской компании и, как и упоминавшийся М.М. Булдаков, приходился зятем ее фактическому основателю Г.И. Шелихову (1747–1795). Позже Крузенштерн и Резанов приставали к берегам Хоккайдо и Сахалина, где также контактировали с японцами. Затем, уже

³ Петербургский филиал архива РАН (ПФА). Ф. 1. Оп. 2-180. № 37. § 430. Л. 1.

⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-180. № 37. § 117. Л. 1–3.

по приказу Резанова, в 1806–1807 гг. офицеры на службе компании Н.А. Хвостов (1776–1809) и Г.И. Давыдов (1784–1809) посетили японские торговые фактории на берегах Южного Сахалина, Итурупа и о-ва Рисири.

Какие-то из японских книг могли быть подарены Резанову или приобретены им во время пребывания в Нагасаки. О.П. Васильева в своей статье обращает внимание на интересный диалог, помещенный Резановым в составленное им «Руководство к познанию японского языка»:

«— Я желал бы иметь на вашем языке книги. Можно ли купить их?

— Наши книги вывозить запрещено.

— Я говорю о таких, кои не касаются ни до законов, ни до правления. Я разумею учебные книги.

— Какие бы то ни были.

— ...Мне бы хотелось иметь нарисованное собрание ваших трав.

— Это позволят, только оно недешево.

— ...Где это достать можно?

— Вы найдете в Йедо» (Васильева 2014: 75).

Кроме того, в описании своего путешествия вокруг света Крузенштерн также упомянул о японских книгах во время пребывания у северной оконечности Хоккайдо: «Во весь сей день посещали нас многие Японские купцы и Аины. [...] первых же товар состоял в трубках, лакированных чашках, а наиболее в книгах с соблазнительными рисунками, которые должны составлять главное, а может быть, и единственное чтение Японцев; поелику нельзя стать, чтоб оные привезены были из Матсумая для продажи Аинам» (Крузенштерн 1810: 59).

Наконец, не вызывает никаких сомнений, что большая часть японских книг была получена Российско-Американской компанией благодаря плаваниям Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в 1806–1807 гг. В отчете об их плаваниях, в частности, говорится, что 27 июня 1807 г. у побережья о-ва Рисири к северо-западу от Хоккайдо они встретили два оставленных японцами судна, на одном из которых они «нашли описание приходу „Надежды“ с посольством в Нагасаки, желание торговли с нашей страной, отказу в том и пр.; нашли портрет господина Резанова и стоящего подле него гренадера с ружьем». Кроме того, на судне «нашли много карт, глобус, скопированный, кажется, у голландцев, виды мысов Анива, Крильон...» (Кириченко 2001: 11).

16 июля 1807 г. Хвостов и Давыдов после своего второго плавания к Курильским островам и Сахалину вернулись в Охотск. Командир порта И.Н. Бухарин (1769 — после 1830), не знавший о целях экспедиции и секретной инструкции Резанова, арестовал офицеров и изъял всё привезенное ими имущество. В списке вещей, конфискованных у офицеров Бухариным, под № 2 фигурирует «комодец с книгами и морская карта» (Кириченко 2001: 12). На некоторых единицах хранения, поступивших от Российско-Американской компании, есть надписи прежних владельцев на японском языке, которые подтверждают их происхождение с о-ва Хоккайдо, в частности, на ксилографе С-209 есть имя некоего Касивая Тайдзо из Мацумаэ (в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в Петербурге как минимум два документа, полученные от Российско-Американской компании, имеют отношение к княжеству Мацумаэ). Наконец, в двух конторских книгах А-47 и А-48 зафиксированы торговые сделки японского купца с айнами южной части Сахалина, а последние опе-

рации как раз датированы 1806 г., что также подтверждает их происхождение от Хвостова и Давыдова.

Также, по-видимому, к этой коллекции материалов следует отнести карту Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов (шифр хранения В-164). На самой карте нет ни печатей Российско-Американской компании, ни маргиналий, которые бы указывали на общее с другими единицами хранения происхождение. Однако эта карта, очевидно, является копией карты, созданной около 1791 г. врачом княжества Мацумаэ Като Кэнго (1762–1822). Эта карта имела хождение именно на севере Японии, в частности копию с нее делали участники экспедиции под руководством А. Лаксмана зимой 1792–1793 гг.

Привезенным Хвостовым и Давыдовым японским книгам и картам, большая часть которых хранится в Российском государственном архиве военно-морского флота, а меньшая в ИВР РАН, посвящена отдельная статья (Щепкин 2016). Здесь же необходимо упомянуть о единицах хранения, которые также происходят от этих морских офицеров, но поступили в Азиатский Музей не от Российско-Американской компании, а другим путем — возможно, через Адмиралтейский департамент и П.Л. Шиллинга.

В японской коллекции ИВР РАН имеются три рукописи (шифры хранения А-22, А-32, С-109), на которых есть надпись вразбивку «Секретарь 14-го класса Константин Неустроев» (примерно по слогу на страницу — по-видимому, надписи сделаны в качестве своего рода пагинации во избежание вырывания листов). Все эти три рукописи упомянуты в каталоге Броссе, при этом сведений о них нет в каталоге Липовцева и Каменского 1818 г. Таким образом, можно предположить, что три рукописи с автографом Неустроева попали в собрание Азиатского Музея между 1818 и 1840 гг.

Шифр хранения	Название сочинения	Запись в каталоге Броссе
А-22	俳諧秘伝書 卜部朝臣	Сl. XVIII. 90. Секретные поучения эпиграмм (хаикай) устная традиция переписано в 1805 г.
А-32	婦人諸薬覚帳	Сl. XVIII. 58. Книга различных лекарств для женщин (MS)
С-109	武経開宗	Сl. XVIII. 32

Точно такие же надписи с именем Неустроева имеются еще на 16 японских рукописях и ксилографах из коллекции института, но они поступили в ИВ АН СССР в 1947 г. из Центральной военно-морской библиотеки, при этом на всех них имеются штампы Библиотеки Гидрографического депо, существовавшего в 1827–1837 гг., т.е. поступили они туда не позднее этих дат — примерно в то же время, что и упомянутые три рукописи. Все эти материалы также были вывезены из Японии Хвостовым и Давыдовым. Спустя некоторое время после ареста в Охотске офицеры бежали из-под стражи и к началу 1808 г. добрались до Петербурга, где встретились с вице-адмиралом А.С. Шишковым, которому первый приходился племянником. Шишков в беседе с ними узнал об изъятой у них в Охотске карте Японии и других материалах и сообщил об этом в Адмиралтейский департамент, членом которого он являлся. 27 мая 1808 г. Адмиралтейский департамент ходатайствовал перед морским министром П.В. Чичаговым (1767–1849) об истребовании карты у Бухарина. Чичагов 17 июня направил эту просьбу сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю (1765–1843),

тот — гражданскому губернатору Н.И. Трескину (1763–1842), а последний — Бухарину. Карту и другие материалы доставили в Иркутск, где местные японцы скопировали и перевели некоторые карты на русский язык, а также составили список книг. Затем оригиналы и копии были отправлены в Петербург, где поступили в Адмиралтейский департамент. Большая часть материалов, в частности все карты, так и осталась храниться в ведомствах, связанных с военно-морским флотом, но по какой-то причине три рукописи были почти сразу переданы в Азиатский Музей. Судя по всему, они поступили в составе коллекции П.Л. Шиллинга фон Канштадта, о которой речь пойдет далее.

Коллекция барона П.Л. Шиллинга (1829)

Еще одним собранием японских книг, которое сравнительно несложно идентифицируется среди ранних поступлений благодаря наличию их списка на момент передачи в Азиатский Музей, является коллекция барона П.Л. Шиллинга. Этот список хранится в АВ ИВР РАН под названием “*Catalogue des livres Chinois, Japonais, Manchous, Mongols, Tibetains, Tonquinois, Samscrits ex. de la collection du Conseiller d’État actuel Baron Schilling de Canstadt*” («Каталог китайских, японских, маньчжурских, монгольских, тибетских, тонкинских, санскритских книг из коллекции действительного статского советника барона Шиллинга фон Канштадта»)⁵. Японские книги и карты помещены в 9-м разделе этого каталога под номерами со 178 по 210 (т.е. 33 наименования). В списке нет иероглифики, а японские названия записаны в соответствии с китайскими чтениями иероглифов в латинской графике.

В списке очевидна тематическая группировка. Под номерами со 178 по 190 идут сочинения по нумизматике. За ними следует примечание: «Все эти книги по нумизматике были привезены из Японии покойным Титсингом. После смерти знаменитого путешественника эти произведения перешли в руки г-на Клапрота, у которого я их и приобрел. Таких книг нет ни в одной библиотеке Европы, даже в Гааге, где теперь можно найти большинство работ г-на Титсинга». Речь здесь идет об Исааке Титсинге (1745–1812), который с перерывами служил главой голландской торговой фактории в Нагасаки в 1779–1784 гг. и собрал за эти годы внушительную коллекцию японских книг и карт. После его смерти коллекция разошлась по разным учреждениям Европы (Lequin 2003: 45–49). Часть книг досталась Ю. Клапроту (1783–1835), лингвисту-востоковеду, который был знаком с Титсингом и у которого Шиллинг их и приобрел, вероятно, около 1814–1815 гг., когда вместе с российскими войсками находился в Париже, или позже, в 1824 г., когда получил приглашение от европейских востоковедов посетить Францию, Италию и Англию (Яроцкий 1963: 222).

Нам удалось идентифицировать все сочинения по нумизматике из коллекции Шиллинга, кроме последнего пункта, под которым значатся переводы «нескольких этих сочинений на голландский и немецкий языки». Попутно отметим, что не все пункты из этого списка нашли отражение в каталоге Броссе (в этом случае шифр этого каталога отсутствует в соответствующей графе таблицы), причем всё это — рукописи. Возможно, на момент составления каталога они хранились отдельно или зафиксированы под одним номером с другими единицами хранения.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 56. Оп. 1. № 109. Л. 39–44.

Запись в каталоге Шиллинга	Перевод на русский (с современными китайскими чтениями иероглифов)	Шифр хранения	Японское название
178. Sin sionan toian pow. Ouvrage de numismatique publié par le Prince de Tamba en 1782.	178. <i>Синь чжуань цянь пу.</i> Книга по нумизматике, изданная князем Тамба в 1782.	В-74 СI.XVIII.70д	新撰錢譜
179. Mei ho Koung jan kian. Ouvrage de numismatique imprimé en 1730.	179. <i>Чжэнь хо кун фан цзянь.</i> Книга по нумизматике, напечатанная в 1730.	В-77 В-78 СI.XVIII.52	珎貨孔方鑑
180. Koung fan ton kian. Ouvrage de numismatique imprimé en 1728.	180. <i>Кун фан ту цзянь.</i> Книга по нумизматике, напеча- танная в 1728.	В-88 В-89 СI.XVIII.52	孔方圖鑑
181. Kai tcheng tchen ho Koung fan tou kian. Ouvrage de numismatique imprimé en 1785.	181. <i>Гай чжэн чжэнь хо кун фан ту цзянь.</i> Книга по нумизматике, напечатан- ная в 1785.	В-75 В-76 СI.XVIII.53	改正珍貨孔方圖鑑
182. Cheou tsiouan tsi. Ouvrage de numismatique écrit en 1783 par le Prince de Tamba et donné à M. I. Titsingh.	182. <i>Хэ хань гу цзинь цюань хо цзянь.</i> Книга по нумиз- матике, написанная в 1783 князем Тамба и подарен- ная г-ну И. Титсингу.	В-43? СI.XVIII.50	和漢古今泉貨鑑
183. Ho han kou kin pao tsian tou kian. Représentation des monnaies anciennes et modernes imprimée en 1696.	183. <i>Хэ хань гу цзинь вань бао ту цзинь.</i> Изображение древних и современных монет, напечатанное в 1696.	А-26	和漢古今萬寶圖鑑
184. Kou kin tchi tou. Repré- sentation des monnaies anciennes d'or du Japon.	184. <i>Гу цзинь чжи ту.</i> Изоб- ражение древних золо- тых монет Японии.	С-307	古金之圖 (рукопись)
185. Kou in tchi tou. Représentation des monnaies anciennes d'argent des Japon.	185. <i>Гу инь чжи ту.</i> Изобра- жение древних серебря- ных монет Японии.	С-308	古銀之圖 (рукопись)
186. Kin in ta siao pan tchi tou. Représentation des monnaies d'or et d'argent qui ont cours au Japon.	186. <i>Цзинь инь да сяо пань чжи ту.</i> Изображение зо- лотых и серебряных мо- нет, имеющих хождение в Японии.	С-309	金銀大小判之圖 (руко- пись)
187. Lingots Chinois et Japonais expliqués en Japonais.	187. Китайские и японские слитки, описанные по-японски.	В-225	唐阿蘭陀持渡金銀錢圖鑑 (рукопись)
188. Lingots Chinois expliqués en Hollandais.	188. Китайские слитки, опи- санные по-голландски	С-310	Без заглавия (рукопись)
189. Monnaies japonais d'or et d'argent expliqués en Japonais.	189. Японские золотые и серебряные монеты, описанные по-японски	В-224	Без заглавия (рукопись)
190. Traduction de plusieurs de ces ouvrages de numis- matique en Hollandais et en Allemand.	190. Перевод нескольких из этих книг по нумизматике на голландский и немец- кий.	—	—

Так же группой под номерами со 193 по 201 идут карты Японии и японских городов. Их тоже удалось полностью идентифицировать, однако карта Японии под номером 193, по-видимому, не сохранилась в ИВР РАН.

Запись в каталоге Шиллинга	Перевод на русский язык	Шифр хранения	Японское название
193. Kaitcheng jipen (Japon) in ti lou tcheng tsonian tou. Carte générale du Japon publié en 1811.	193. <i>Гай чжэн жи бэнь ю ди лу чэн цянь ту</i> . Генеральная карта Японии, изданная в 1811 г.	—	改正日本輿地路程全図
194. Ten tsian kiang hou ta houei lou. Grand plan de la ville de Jeddo.	194. <i>Фэнь цзянь цян ху да хуэй ту</i> . Большой план города Эдо.	C-227 Cl.XVIII.18	分間江戸大絵図
195. Autre plan de la ville de Jeddo.	195. Еще один план города Эдо.	A-63 Cl.XVIII.17	改正江戸絵図
196. Plan de la ville de Miaco.	196. План города Мияко.	A-95 Cl.XVIII.25	新版改正増補京大絵図
197. Autre plan de la ville de Miaco.	197. Еще один план города Мияко.	B-135 Cl.XVIII.24	新撰増補京大絵図
198. Un troisième plan de la ville de Miaco.	198. Третий план города Мияко.	B-137 Cl.XVIII.28	増補再版京大絵図
199. Grand plan de la ville de Osiacca.	199. Большой план города Осака.	B-136 Cl.XVIII.23	摂州大坂大絵図
200. Autre plan de la ville de Osiacca.	200. Ещё один план города Осака.	B-122 Cl.XVIII.22	新版増補大坂絵図
201. Carte routière de Jeddo à Miaco longueur 42 pieds longueur 5 pouces.	201. Карта дороги из Эдо в Мияко длиной 42 фута и 5 дюймов	A-64 Cl.XVIII.30	新版東海道分間絵図

Остальные книги из списка Шиллинга также удалось идентифицировать, за исключением трех позиций (205–207), поскольку о них были даны лишь краткие описания содержания без названия, пусть даже в китайской транскрипции.

Запись в каталоге Шиллинга	Перевод на русский язык	Шифр хранения	Японское название
191. Vou king King Tsoung. Règlement militaire imprimé en 1636.	191. <i>У цзин кай цзун</i> . Военский устав, напечатанный в 1636 г.	C-109 Cl.XVIII.32	武経開宗
192. Toung tsen young weng tshou hio ta tcheng. Livre élémentaire à l'usage de la jeunele orné des gravures.	192. <i>Тун цзи юн вэнь чю сюэ да чэн</i> . Начальная книга для детей, украшенная гравюрами.	C-104 Cl.XVIII.69	童子用文初学大成
202. Ti tao tchun kao niao. Conte Japonais orné des figures.	202. <i>Ди тао чунь гао няо</i> . Японская сказка, украшенная рисунками.	A-28 Cl.XVIII.65 Cl.XVIII.66	敵討春告鳥
203. Tei sei tchouan cheou chou. D'un contenu inconnu.	203. <i>Пай се ми чуань шу</i> . Неизвестного содержания.	A-22 Cl.XVIII.90	俳諧秘伝書 卜部朝臣

204. Tchou io ionan tchang. Livre de médecine.	204. <i>Фу жэнь чжу яо цзяо чжан</i> . Книга по медицине.	A-32 Cl.XVIII.58	婦人諸葉覚帳
205. 三川目. Livre japonais écrit en tsoa tseu.	205. 三川目. Японская книга, написанная <i>цао шу</i> (скорописью).	?	?
206. Un manuscrit japonais en écriture Firokana.	206. Японская рукопись, написанная хироганой.	?	?
207. Un petit cahier avec des gravures.	207. Маленькая тетрадь с гравюрами.	?	?
208. Un tableau sur lequel et a trouvent representes differentes armoiries Japonaises.	208. Описание, в котором изображены различные японские гербы.	B-155 Cl.XVIII.73	新改吉原細見
209. Une table des Nienhao Japonais nomi des règnes des Empereurs du Japonais depuis 645–1787 avec une carte de Japon.	209. Таблица японских <i>няньхао</i> (девизов правления), названных по времени правления японских императоров с 645 по 1787 г. с картой Японии.	A-87 Cl.XVIII.35	永代大雜書
210. Fragment d'un Dictionnaire Japonais Russe.	210. Фрагмент японско-русского словаря.	P. 1. Оп. 4. № 16. Cl.XVIII.7	—

Хотелось бы обратить внимание на пункты 192, 203 и 204: как указывалось выше, эти три книги, судя по всему, были привезены в Россию Хвостовым и Давыдовым и сначала попали в Адмиралтейский департамент. Однако их названия почти полностью совпадают с названиями и описаниями в списке Шиллинга, а потому, вероятно, были кем-то переданы барону, а затем в составе его коллекции попали в Азиатский Музей в 1830 г.

Что касается источника всех других книг, то, хотя Ю. Клапрот упомянут в таком качестве лишь в контексте книг по нумизматике, предположительно, и остальные книги Шиллинг мог приобрести у него. На это по меньшей мере указывает последний пункт списка — «Фрагмент японско-русского словаря». Эта рукопись выполнена на русской бумаге и по своим кодикологическим особенностям чрезвычайно похожа на рукопись еще одного японско-русского словаря, хранящегося в отделе рукописей РНБ. Автором последней является уже упоминавшийся японец Николай Петрович Колотыгин (до крещения Синдзо). Известно, что Клапрот во время своего пребывания в Иркутске в 1805 г. встречался с ним и даже брал несколько уроков японского языка, а потому мог получить и фрагмент иероглифического словаря (Klaproth 1832: I–II).

Коллекция К.И. Максимовича (1864)

Еще одна небольшая коллекция японских книг поступила в Азиатский Музей 25 августа 1864 г. от ботаника К.И. Максимовича (1827–1891). Это произошло уже после составления М.Ф. Броссе основной части каталога, поэтому эти книги зафиксированы в нем в качестве дополнений с присвоением дополнительных номеров или литер (пункты 4b, 31-1, 31-2, 31-3, 31-4 и 31-5). Очевидно, это последнее по

времени поступления, которое мы можем отнести к условной «коллекции Броссе». Вот его состав:

Шифр Броссе	Шифр	Японское название	Русское название	Год издания
Sl. XVIII. 4b	A-31	蝦夷方言藻汐草	Японско-айнский словарь	1804?
Sl. XVIII. 31-1	C-7	北蝦夷図説	Иллюстрированное описание северного Эдзо	1855
Sl. XVIII. 31-2	C-18	北蝦夷餘誌	Дополнительное описание северного Эдзо	1860
Sl. XVIII. 31-3	C-28	東蝦夷夜話	Ночные рассказы о восточных айнах	1861
Sl. XVIII. 31-4	C-111	石狩日誌	Дневник из поездки в Исикари	1860
Sl. XVIII. 31-5	A-37	蝦夷漫画	Айнские зарисовки	1856

Как видно, все книги этой небольшой коллекции посвящены айнам. Всё это ксилографы, изданные в период 1855–1861 гг., когда был снят негласный запрет на публикацию книг, имеющих отношение к айнам и населенным ими землям. Можно сказать, что это первая специально собранная узкотематическая коллекция японских книг, попавших в Россию.

К.И. Максимович бывал в Японии дважды. В первый раз он отправился туда в 1853 г. на фрегате «Диана» в составе экспедиции под руководством Е.В. Путятина для установления дипломатических отношений с Японией. В течение 1854–1857 гг. экспедиция посетила несколько японских портов, однако передвижение по территории страны было еще ограниченным. Более того, из-за продолжавшейся Крымской войны 1853–1856 гг. и угрозы нападения со стороны британцев и французов Максимовичу как гражданскому лицу пришлось покинуть борт судна в заливе Де-Кастри, куда Путятин отошел для укрытия в июле 1854 г. (Черная 2012: 213–215).

Во второй раз Максимович отправился в Японию в сентябре 1860 г. после своих экспедиций по Приамурью и Уссурийскому краю и пробыл там до февраля 1864 г. На этот раз он мог уже более свободно передвигаться по стране. Первые два года он провел в Хакодате на Хоккайдо, затем переместился в Иокогаму и, наконец, в Нагасаки. Очевидно, что коллекцию книг об айнах ботаник собрал в ходе этого пребывания, возможно, в Хакодате. Вообще, Максимович лично, а затем с помощью многочисленных корреспондентов смог собрать обширную коллекцию японских книг, преимущественно по ботанике, и большая их часть хранится сегодня в Библиотеке Ботанического института РАН (Маранджян 2011: 220, 238). Возможно, небольшую подборку книг об айнах ученый сделал по чьей-то просьбе или поручению, а позже, практически сразу по возвращении в Россию, передал их в Азиатский Музей, поскольку сам интереса к теме не испытывал.

Прочие известные поступления 1838–1864 гг.

Итак, среди ранних поступлений японских книг в Императорскую Петербургскую академию наук и Азиатский Музей отчетливо выделяются пять коллекций: Дайкокуя Кодаю (1791), И.А. Штуцера (1795), Российско-Американской компании (1810–1814), П.Л. Шиллинга (не ранее 1829), а также К.И. Максимовича (1864). Помимо

них японский фонд Азиатского Музея пополнялся лишь отдельными изданиями, однако на данный момент не для всех из них установлено соответствие источнику поступления. Так, известно, что одна единица хранения поступила в 1838 г. от капитан-лейтенанта А. Этолина (шифр С-208) (Маранджян 2019: 85–86). Также имеются данные о поступлении отдельных книг от сотрудников голландской фактории в Нагасаки Ф.Ф. фон Зибольда и И.Ф. Овермеер Фишера (в 1838 и 1841 гг.) (Синицын 2017: 27–32) и от адмирала Ф.П. Врангеля (1845) (Горегляд 2018: 532).

Для удобства и ввиду дальнейшего исследования мы свели все доступные на данный момент сведения об оставшихся единицах хранения «коллекции Броссе» в таблицу:

Номер Броссе	Шифр хранения	Название в каталоге Броссе	Оригинальное название (год)	Даритель
4	архив Р. 1, оп. 4, № 4	Голландско-японский словарь (2 тома)		Овермеер Фишер (1841)
4а	архив Р. 1, оп. 4, № 5	Голландско-японский словарь		Овермеер Фишер (1841)
6	А-3		字林玉篇補遺 (1820)	Пометы на голландском (Зибольд?)
8	С-224		摩多體文 (1788)	
10	???		俳諧暁山集 (1802)	
10а	С-103		日本名山圖會 (1812)	Подписи латиницей
12	???	Японская карта всего мира		
14	библиотека ИВР РАН 37а/843	Карта Японии с русскими названиями в переводе Киселева. В кожан. футляре		
16	С-229	Раскрашенный план города Эдо 1826 г. (японский)	分間江戸大絵図 (1826)	
20	???	План города Осака	摂州大坂大絵図	
31	А-19	Путеводитель по Киото 1755 года	京内まるり (1708)	
34	А-62	Названия монет (японск.) в хронологическом порядке		Европ. Рука
36	С-208	Антология ста поэтов (прил. Исэмоногатари), руков. для девушек 1811 г.	文化新版百人一首女萬両箱	Этолин
38	В-58		寫寶袋 (1770)	Овермеер Фишер Европ. Переплет

44	A-16		増補日本汐路之記 (1796)	
47	B-9	Описание монет на китайском языке (японск. изд.) 1697	泉志	Овермеер Фишер? Европ. переплет Ф. 152 Оп. 2 №24 л. 36 (1838?)
49	B-64	Золотые и серебряные монеты 1823	金銀図録 (1823)	Зибольд?
56	B-93	Картины птиц и цветов 1805	花鳥図会 (1827)	
72	B-59	Образцы для картин и текст к ним 1740	絵本鶯宿梅 (1740)	Овермеер Фишер Европ. Переплет
74	B-45	Рассказы о чужеземных бродячих воинах	天竺浪人咄	
87	C-203	Прописи для писем японской калл. стиля	御家當用手習状	
91	B-255	Дзэн-ко-дзи	善光寺 正本	

Таковы результаты исследования ранних поступлений японских рукописей и ксилографов в Императорскую Петербургскую академию наук и Азиатский Музей с 1791 по 1864 г. Теперь мы можем определенно говорить, что так называемую «коллекцию Броссе» составляют поступления как минимум от девяти дарителей.

Литература

- Васильева 2014 — *Васильева О.П.* «В пользу Императорской публичной библиотеки...»: приращение фондов восточными манускриптами в 1812–1814 гг. // Страны и народы Востока. Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М.: Наука, Вост. лит., 2014. С. 61–81.
- Горегляд 2018 — *Горегляд В.Н.* Японский фонд // Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. М.: Вост. лит., 2018. С. 530–558.
- Каменский, Липовцев 1818 — *Каменский П., Липовцев С.* Каталог китайским и японским книгам, в библиотеке Императорской Академии Наук хранящимся, по препоручению Господина Президента оной Академии, Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный. СПб., 1818.
- Кириченко 2001 — *Кириченко А.А.* Пиратские корабли «Юнона» и «Авось» // Информационно-аналитический бюллетень Депутатской группы по связям с парламентом Японии № 8. Специальный выпуск. Апрель 2001 г.
- Крузенштерн 1810 — *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. По повелению его Императорского Величества Александра I, на кораблях Надежде и Неве под начальством Флота Капитан-Лейтенанта, ныне Капитана второго ранга, Крузенштерна, Государственного Адмиралтейского Департамента и Императорской Академии Наук Члена. Часть 2. СПб., 1810.
- Ксенофонтова 1969 — *Ксенофонтова Р.А.* Из истории собирания японских коллекций Кунсткамеры (XVIII — начало XIX в.) // Сборник МАЭ. Т. XXV. Л., 1969. С. 280–303.
- Маранджян 2011 — *Маранджян К.Г.* Коллекция японских ксилографов из собрания отдела Библиотеки Российской Академии наук при Ботаническом Институте им. В.Л. Комарова РАН // Письменные памятники Востока. 2011. № 1 (вып. 14). С. 220–238.
- Маранджян 2019 — *Маранджян К.Г.* Об одной энциклопедии для повседневного использования из собрания ИВР РАН («„Хякунин иссю“. Она манрё бако» — «„Сто стихотворений

- ста поэтов“. Шкатулка для женщин») // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 3 (вып. 38). С. 85–94.
- Петрова, Горегляд 1963 — *Петрова О.П., Горегляд В.Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. I. М.: Вост. лит., 1963.
- Петрова 1970 — *Петрова О.П.* Коллекция книг Дайкокуя Кодая и ее значение для истории русско-японских культурных связей // История, культура, языки народов Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. С. 51–58.
- Протоколы 1911 — Протоколы заседания конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г., т. IV, 1786–1803. СПб., 1911. С. 273.
- Синицын 2008–2010 — *Синицын А.Ю.* Вклад Р.А. Ксенофонтовой в изучение истории японских коллекций МАЭ в начале XIX в. // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. СПб.: МАЭ РАН, 2008–2010. Вып. 6. С. 306–314.
- Синицын 2017 — *Синицын А.Ю.* Коллекция № 13 из японского собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук: состав и история формирования // Уникальные памятники традиционной культуры Японии: коллекция И.Ф. ван Овермеера Фишера и Ф.Ф. фон Зибольда в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Осака: Национальный музей этнологии; Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2017. С. 27–58.
- Синицын, Щепкин 2020 — *Синицын А.Ю., Щепкин В.В.* Японская коллекция доктора И.А. Штутцера (1763–1821) в собраниях МАЭ РАН и ИВР РАН: предметный состав (по архивным и музейным документам) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 6–31.
- Черная 2012 — *Черная Т.А.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (вып. 16). С. 212–241.
- Щепкин 2016 — *Щепкин В.В.* Неизвестные результаты экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова: карты Японии в России в начале XIX в. // История и культура традиционной Японии. Вып. LXV: *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. СПб.: Издательский дом «Гиперион», 2016. С. 282–290.
- Яроцкий 1963 — *Яроцкий А.В.* О деятельности П.Л. Шиллинга как востоковеда // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI. М.: Вост. лит., 1963. С. 218–253.
- Klaproth 1832 — *San Kokf Tsou Ran To Sets, ou Aperçu général des trois royaumes / Traduit de l'original japonais-chinois par Mr. J. Klaproth.* Paris, 1832.
- Lequin 2003 — *Lequin F.* À la recherche du Cabinet Titsingh: Its History, Contents and Dispersal: Catalogue Raisonné of the Collection of the Founder of European Japanology. Alphen aan den Rijn: Canaletto/Repro-Holland, 2003.

References

- Chernaia, Tamara A. “Karl Ivanovich Maksimovich — vydaiushchiisia rossiiskii “botanicheskii vostokoved” XIX v.” [Karl Ivanovich Maksimovich as an Outstanding Russian “Botanical Orientalist” of the 19th Century]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2012, vol. 1 (iss. 16), pp. 212–241 (in Russian).
- Goregliad, Vladislav N. “Iaponskii fond” [Japanese Collection]. In: *Aziatskii Muzei — Institut vostochnykh rukopisei RAN: putevoditel'* [Asiatic Museum — Institute of Oriental Manuscripts RAS: A Guide]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2018, pp. 530–558 (in Russian).
- Iarotskii, Anatolii V. “O deiatel'nosti P.L. Shillinga kak vostokoveda” [On the Activities of P.L. Schilling as an Orientalist]. In: *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia. Sbornik VI* [Studies on the History of Russian Oriental Studies. Issue VI]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1963, pp. 218–253 (in Russian).

- Kamenskii, Pavel & Lipovtsev, Stepan. *Katalog kitaiskim i iaponskim knigam, v biblioteke Imperatorskoi Akademii Nauk khraniashchimsia, po preporucheniiu Gospodina Prezidenta onoi Akademii, Sergeia Semenovicha Uvarova, vnov' sdelannyi* [Catalogue of Chinese and Japanese Books Housed at the Library of Imperial Academy of Sciences, Newly Made by Order of Its President Mr. Sergei Semionovich Uvarov]. St. Petersburg, 1818 (in Russian).
- Kirichenko, Alexei A. *Piratskie korabli "Iunona" i "Avos'"* [The Pirate Ships *Iunona* and *Avos'*]. *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Deputatskoi gruppy po sviaziam s parlamentom Iaponii*, no. 8. Spetsial'nyi vypusk. Aprel' 2001 g. [Information Analysis Bulletin of the Deputy Group for the Relations with the Parliament of Japan, no. 8. Special Issue. April 2001] (in Russian).
- Kruzenshtern, Ivan F. *Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 4, 5 i 1806 godakh. Po povelenniu ego Imperatorskogo Velichestva Aleksandra I, na korabliakh Nadezhde i Neve pod nachal'stvom Flota Kapitan-Leitenanta, nyne Kapitana vtorogo ranga, Kruzenshterna, Gosudarstvennogo Admiral'teiskogo Departamenta i Imperatorskoi Akademii Nauk Chlena. Chast' 2* [Voyage around the World in 1803, 1804, 1805 and 1806. By Order of His Imperial Majesty Alexander I, on the Ships *Nadezhda* and *Neva*, under the Command of the Navy Captain-Lieutenant, Now Captain of the Second Rank, Kruzenshtern, Member of the State Admiralty Department and the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1810 (in Russian).
- Ksenofontova, Regina A. "Iz istorii sobiraniia iaponskikh kollektzii Kunstkamery (XVIII — nachalo XIX v.)" [From the History of Acquisitions of Japanese Collections by the Kunstkamera (18th to early 19th Century)]. *Sbornik MAE*. T. XXV [Collection of MAE. Iss. 25]. Leningrad, 1969, pp. 280–303 (in Russian).
- Lequin, Frank. *À la recherche du Cabinet Titsingh: Its History, Contents and Dispersal: Catalogue Raisonné of the Collection of the Founder of European Japanology*. Alphen aan den Rijn: Canaletto/Repro-Holland, 2003 (in English).
- Marandzhian, Karine G. "Kollektsiia iaponskikh ksilografov iz sobraniia otdela Biblioteki Rossiiskoi Akademii nauk pri Botanicheskom Institute im. V.L. Komarova RAN" [Collection of Japanese Woodblock-Printed Books at the Department of Russian Academy of Sciences Library in V.L. Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2011, vol. 1 (iss. 14), pp. 220–238 (in Russian).
- Marandzhian, Karine G. "Ob odnoi entsiklopedii dlia povsednevnogo ispol'zovaniia iz sobraniia IVR RAN ("Khiakunin issiu. Onna manrio bako" — "Sto stikhotvorenii sta poetov. Shkatulka dlia zhenshchin")" [Concerning One Encyclopedia for Daily Purposes from the Collection of IOM, RAS ("Hyakunin issiu. Onna manryo bako" — "'One Hundred Poems by One Hundred Poets'. A Jewel-Box for Ladies")]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 3 (iss. 38), pp. 85–94 (in Russian).
- Petrova, Olga P. "Kollektsiia knig Daikokuia Kodaiu i ee znachenie dlia istorii rusko-iaponskikh kul'turnykh svyazei" [Daikokuya Kodayu's Collection of Books and Its Significance for the History of Russia-Japan Cultural Relations]. In: *Istoriia, kul'tura, iazyki narodov Vostoka* [History, Culture, Languages of the Peoples of the East]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1970 (in Russian).
- Petrova, Olga P. & Goregliad, Vladislav N. *Opisanie iaponskikh rukopisei, ksilografov i staropechatnykh knig. Vypusk I* [Description of Japanese Manuscripts, Woodblock-Printed and Old Printed Books. Issue 1]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1963 (in Russian).
- Protokoly zasedaniia konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 g., t. IV, 1786–1803* [Minutes of the Conferences of Imperial Academy of Sciences from 1725 to 1803, vol. IV, 1786–1803]. St. Petersburg, 1911 (in Russian).
- San Kofk Tsou Ran To Sets, ou Aperçu général des trois royaumes*. Traduit de l'original japonais-chinois par Mr. J. Klaproth. Paris, 1832 (in French).
- Shchepkin, Vasilii V. "Neizvestnye rezul'taty ekspeditsii N.A. Khvostova i G.I. Davydova: karty Iaponii v Rossii v nachale XIX v." [Unknown Results of N.A. Khvostov and G.I. Davydov's Expedition: Maps of Japan in Russia in Early 19th Century]. In: *Istoriia i kul'tura traditsionnoi Iaponii. Vyp. LXV: Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti* ["His-

- tory and Culture of Japan”. *Orientalia et Classica. Works of the Institute of Oriental and Classical Studies*. St. Petersburg: Izdatel'skii dom “Giperion”, 2016, vol. LXV, pp. 282–290 (in Russian).
- Sinitsyn, Alexandr Iu. “Kollektsiia № 13 iz iaponskogo sobraniia Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk: sostav i istoriia formirovaniia” [Collection No. 13 from the Japanese Collections in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences: Its Contents and History of Formation]. In: *Unikal'nye pamiatniki traditsionnoi kul'tury Iaponii: kolleksiia I.F. van Overmeera Fishera i F.F. fon Zibol'da v Muzee antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk* [Japanese Ethnographic Masterpieces: J.F. van Overmeer Fisscher's and Ph.F. von Siebold's Collections in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Osaka: Natsional'nyi muzei etnologii; Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk, 2017, pp. 27–58 (in Russian).
- Sinitsyn, Alexandr Iu. “Vklad R.A. Ksenofontovoi v izuchenie istorii iaponskikh kollektzii MAE v nachale XIX v.” [R. A. Ksenofontova's Contribution to the Study of History of Japanese Collections in MAE in Early 19th Century]. In: *Kiunerovskii Sbornik: Materialy Vostochnoaziatskikh i Iugo-Vostochnoaziatskikh Issledovani. Etnografiia, fol'klor, iskusstvo, istoriia, arkheologiia, muzevedenie* [The Kühner Collection: Materials of East Asian and South-East Asian Studies. Ethnography, Folklore, Arts, History, Archaeology, Museum Studies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2008–2010, no. 6, pp. 306–314 (in Russian).
- Sinitsyn, Alexandr Iu. & Shchepkin, Vasilii V. “Iaponskaia kolleksiia doktora I.A. Shtutsera (1763–1821) v sobraniakh MAE RAN i IVR RAN: predmetnyi sostav (po arkhivnym i muzeinym dokumentam)” [Dr. J.A. Stutzer's (1763–1821) Japanese Collection in MAE RAS and IOM, RAS: Its Contents (Based on the Archival and Museum Documents)]. *Iaponskie issledovaniia* [Japanese Studies], 2020, no. 2, pp. 6–31 (in Russian).
- Vasileva, Olga V. “‘V pol'zu Imperatorskoi publichnoi biblioteki...’: prirashchenie fondov vostochnymi manuskriptami v 1812–1814 gg.” [“In Favour of Imperial Public Library...”: Acquisitions of Oriental Manuscripts by the Collections in 1812–1814]. In: *Strany i narody Vostoka. Kollektzii, teksty i ikh “biografii”* [Peoples and Countries of the East. Collections, Texts and Their “Biographies”]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2014, vol. XXXV, pp. 61–81 (in Russian).

“Brosset Collection”: The History of Early Acquisitions of Japanese Manuscripts and Woodblock-Printed Books by the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and by the Asiatic Museum (1791–1864)

Vasilii V. SHCHEPKIN

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 20.07.2022.

Abstract: The article presents the results of a study of the history of early acquisitions of Japanese manuscripts and woodblock-printed books to the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and by the Asiatic Museum from 1791 to 1864, previously known under the collective name of the “Brosset collection”. The main sources for the study were the catalogs of Chinese and Japanese books by I. Busse (1798), P. Kamensky and S. Lipovtsev (1818), M.F. Brosset (1840, additions until 1864), as

well as lists of some acquisitions by the Asiatic Museum and by the Academy of Sciences housed at the Archive of Orientalists of the IOM, RAS, and at the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The method of work involved comparing the titles of books mentioned in each of the catalogs or lists with the Japanese manuscripts and woodblock-printed books stored today at the IOM, RAS. As a result, it was found that the “Brosset Collection” was made up of acquisitions from at least nine donors, including valuable collections by Daikokuya Kodayu, J.A. Stutzer, the Russian-American Company, P.L. Schilling and K.I. Maksimovich.

Key words: collections, Japan, Asiatic Museum, Japanese manuscripts, Japanese woodblock-printed books, Russia-Japan relations.

For citation: Shchepkin, Vasilii V. “‘Brosset Collection’: The History of Early Acquisitions of Japanese Manuscripts and Woodblock-Printed Books by the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and by the Asiatic Museum (1791–1864)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 88–109 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109687.

About the author: Vasilii V. SHCHEPKIN, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (vshepkin@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0007-1143.

Конференция памяти О.Ф. Акимушкина (Санкт-Петербург, 16 февраля 2022 г.)

Ю.А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109681

Статья поступила в редакцию 12.04.2022.

Ключевые слова: О.Ф. Акимушкин, востоковедение, Ближний и Средний Восток.

Для цитирования: *Иоаннесян Ю.А.* Конференция памяти О.Ф. Акимушкина (Санкт-Петербург, 16 февраля 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 110–115. DOI: 10.55512/WMO109681.

Сведения об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю.А., 2022

16 февраля 2022 г. в ИВР РАН состоялась очередная ежегодная иранистическая конференция памяти Олега Федоровича Акимушкина (1929–2010). В этом году, в отличие от прошлого, был предусмотрен один формат участия в конференции и чтения докладов — очный. Всего на конференции присутствовали 15 человек, выступили 10 докладчиков. Изначально было принято 11 заявок на участие, но один из докладчиков, Валеев Р.М. (КФУ, Казань), не смог прибыть в Санкт-Петербург из-за болезни. В этом году на конференции не прозвучал доклад и постоянного ее участника Я. Эшотса (Институт исмаилитских исследований, Лондон), которого не стало летом 2021 г.

Докладчики представляли пять Санкт-петербургских и одну московскую организацию: Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Государственный Эрмитаж (ГЭ), Институт востоковедения РАН (ИВ РАН, Москва), Санкт-Петербургский Государственный университет промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТиД), Отдел БАН при ИИМК, а среди присутствующих были работники РНБ и других учреждений.

Выступления охватывали широкую тематику: литература народов Среднего и Ближнего Востока (изучение памятников), философия, религиозные учения, история и культура региона. Немалое внимание было уделено и истории востоковедения. Такой широкий охват тем, отражающий многосторонность научных интересов О.Ф. Акимускина, затрудняет разбивку докладов по направлениям либо делает ее весьма условной. Ниже представлены аннотации прочитанных докладов.

1. Истории востоковедения были посвящены три доклада.

Н.Е. Васильева (СПбГУ) в докладе «„Географическая схема Востока“ К.А. Иностранцева и несостоявшийся диспут с В.В. Бартольдом» осветила ситуацию, сложившуюся в 1901 г. на магистерском диспуте К.А. Иностранцева. Позднее в письме С.Ф. Ольденбургу К.А. Иностранцев объяснил суть вопроса, с просьбой довести до сведения коллег его наблюдения. В 1933 г. в журнале «Известия государственного географического общества» была опубликована статья К.А. Иностранцева «Географическая схема Востока», в которой на основе письменных памятников VI в. были описаны представления арабских географов о понятии «Восток». Полвека спустя И.Ю. Крачковский, обнаружив в источниках сведения о понятии «Восток», основанные на математической географии, заимствованной арабами у индийцев и иранцев, проследил историю развития географической науки арабов. Подобными находками К.А. Иностранцев хотел поделиться с В.В. Бартольдом в 1901 г. Приведенные в докладе факты позволяют сделать заключение, что, несмотря на то что К.А. Иностранцев не претендовал на окончательное решение вопроса, не следует отнимать у него честь его постановки.

И.К. Павлова (СПбГУПТиД) в докладе «Мукри — первый посол ИРИ в Советском Союзе» отметила, что после официального провозглашения Исламской Республики Иран, 1 апреля 1979 г., первым полномочным послом нового государства в СССР стал Мухаммад Мукри (1921–2007). Его назначение на этот пост было одобрено духовным лидером страны аятоллой Хомейни и поддержано правящей верхушкой страны. Миссия господина М. Мукри заключалась в установлении взаимовыгодных отношений своей страны с Советским Союзом, основанных на исламской доктрине и новых внешнеполитических концепциях ИРИ. В сферу полномочий М. Мукри входило также расширение культурных и научных связей между странами. В связи с этим г-н М. Мукри дважды приезжал в Ленинград (февраль и май 1980 г.) для личного знакомства с иранистами и курдоведами Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и осмотра рукописного фонда Института. Благодаря стараниям М. Мукри в Ленинграде было открыто иранское консульство, которое в течение продолжительного времени, тесно сотрудничая с сотрудниками ЛО ИВ АН СССР, проводило ряд важных общественно полезных мероприятий в нашем городе.

Ю.А. Иоаннесян (ИВР РАН) в докладе «Заре Алиевна Юсупова и ее вклад в курдское языкознание» отметил, что 3 февраля 2022 г. ушла из жизни известный курдовед-лингвист, советник ИВР РАН, д.ф.н. Заре Алиевна Юсупова. По окончании в 1958 г. Восточного факультета ЛГУ, после прохождения в 1958–1961 гг. аспирантуры при ЛО ИВ АН СССР (ныне ИВР РАН) З.А. Юсупова поступила туда на работу и в 1965 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Предлоги и послелоги в южном диалекте (сорани)», а в 1992 г. — докторскую диссертацию «Курдский диалект горани по литературным памятникам XVIII–XIX вв.». З.А. Юсупова

посвятила свои исследования такому редкому направлению иранистики, как курдоведение, и прежде всего курдскому языкознанию, в котором зарекомендовала себя как уникальный специалист, заслуженно пользующийся репутацией непревзойденного авторитета и эксперта в данной области. В научной деятельности З.А. Юсуповой, воплотившейся в более чем 120 публикациях (в том числе в девяти монографиях и еще четырех монографиях, вышедших под ее редакцией) на русском, английском и курдском языках, особое место занимали изучение малоисследованных диалектов курдского языка (по письменным источникам и фольклорным текстам) и публикация литературных памятников. В докладе были приведены сведения о девяти монографиях З.А. Юсуповой.

2. Изучению текстов и памятников (источников) были посвящены четыре доклада.

С.А. Французов (ИВР РАН) в докладе «Топот коня и стук сердца. В поисках потертых томов *Китаб ал-Икль*» отметил, что И.Ю. Крачковский в «Арабской географической литературе» обратил внимание на жемчужину в творческом наследии йеменского ученого-энциклопедиста Х в. ал-Хасана ал-Хамдани — многотомный труд *Китаб ал-Икль* («Книгу Диадемы»), из которого до нас дошли четыре тома: два по генеалогии йеменских племен (т. 1 и 2), один по доисламским археологическим памятникам (т. 8), один по родословию хамдана, родного племенного объединения автора (т. 10). Он высказал осторожную надежду, что утраченные шесть томов удастся в скором будущем обрести (Сочинения. Т. 4. М.; Л., 1957. С. 168). Однако, отметил докладчик, его учитель П.А. Грязневич (1929–1997), блестящий знаток Йемена, объездивший эту страну в том числе и в поисках этих книг, был настроен куда более скептически. Увы, за прошедшие после его кончины четверть века новых томов *Китаб ал-Икль* найдено не было. Что касается обнаруженного в частном собрании жителя Саны ‘Абд ал-Халика б. Хусайна ал-Магриби списка 1899 г. с утраченным началом под заглавием *ал-Фасил байна-л-хакк ва-л-батил мин Китаб ал-Икль Мафахир Кахтан ва-л-Йаман*, заключительная часть которого, «Достоинства кахтанидов», соответствует т. 3, то оказалось, что это — фрагмент анонимного сочинения, скорее всего, составленного при дворе Расулидов, сохранившегося целиком в списке 826/1423 г., который был привезен из Йемена известным египетским археологом Халилем Нами. Его фотокопия доступна в виде микрофильма в Дар ал-Кутуб ал-Мисриййа (№ 5572 та’рих), а само оно уже опубликовано при участии французских исследователей. Идентификация пяти листов (fol. 2–6) рукописи Cod. arab. 1334/2 из Bayerische Staatsbibliothek как части т. 6 *Китаб ал-Икль* основана исключительно на ее титульном листе, тогда как ни ее содержание (история царя-иудея Химйара зу Нуваса и награнских мучеников), ни *иснады* не позволяют выявить прямые указания на наследие ал-Хамдани. Так что достоверность заглавия, под которым эти листы изданы, вызывает вопросы. В связи с этим, отметил докладчик, стоит помнить восточную мудрость: «Не следует принимать стук своего сердца за топот коня своего друга».

А.А. Хисматулин (ИВР РАН) в докладе «История одного текста: *Кимийа-йи са‘ада*т (Эликсир счастья) Мухаммада ал-Газали» указал, что сочинение *Кимийа-йи са‘ада*т было написано имамом ал-Газали (ум. 1111) в Хурасанский период после его возвращения из странствий в родной Тус, где-то между 1102–1106 г., на территории Салджукидского султаната. Этот текст в истории ислама и суфизма хронологически стоит четвертым в ряду первых системообразующих трудов по суфизму, ко-

торые были написаны на персидском языке в разных жанрах религиозными авторитетами мусульманского мира. Даты переписки, приведенные для рукописей *Кимийа* и сведенные вместе из разных коллекций, указывают на постоянный вековой спрос на это сочинение, начиная с XII в., не говоря уже о многочисленных литографированных изданиях, появившихся в XIX в. Иными словами, оно уверенно прошло проверку временем вплоть до наших дней. В 2018 г. был издан полный русский перевод *Кимийа-й-иса'адат* в четырех томах, подытоживший многолетнюю работу над этим текстом в истории российского исламоведения.

М.С. Пелевин (СПбГУ) в докладе «Легитимация политического лидерства в житийных рассказах индо-афганцев» проанализировал содержание ряда рассказов агнографической антологии из книги по этнической истории паштунов «Ханджаханова история и афганская сокровищница» (*Tārīkh-i Khānjahānī wa Makhzan-i Afghānī*, 1613). Целью данного доклада было показать функциональную направленность этих житийных нарративов как свидетельств легитимности политического лидерства паштунской племенной группы бетан, к которой относились династии Лоди (1451–1526) и Сури (1540–1555), правившие в Делийском султанате до прихода моголов, а также формальный адресат книги — могольский генерал Ханджахан Лоди (ум. 1631). Политические коннотации некоторых рассказов антологии сопутствовали ее главной задаче, связанной с институционализацией конфессионального компонента идентичности паштунов.

А.И. Колесников (ИВР РАН) в докладе «Библиография трудов о Мани и манихействе, изданная в Иране» представил обзор книги двух ученых Тегеранского университета (Рузбиха Зерринкуба и Сеййида Тоуфика Хосейни), которая вышла в свет в 2019 г. В отличие от своих иранских предшественников на поприще составления смешанных библиографий о манихействе, данные авторы сосредоточили внимание исключительно на библиографии исследований на европейских языках (латинском, французском, немецком, английском, испанском и в меньшей степени на русском). Библиография учитывает публикации с XVIII в. по первую четверть XXI в. (всего в ней содержится 6000 названий). Обширная манихейская тематика представлена в восьми тематических разделах, большинство которых состоит из нескольких рубрик, раскрывающих разные направления большой темы.

3. Религиозно-культурной тематике были посвящены два доклада.

П.Б. Лурье (ГЭ) в докладе «Фрагмент сцены поклонения на росписи дворца ранне-средневекового Мартшката» отметил, что на городище Хисорак в горной части Таджикистана настенные росписи сохраняются плохо, и до нас дошли только малые крохи некогда богатой художественной программы памятника. Роспись, сохранившуюся в тамбуре парадного зала 9 Дворца (Цитадели I), можно понять как изображение переносного столика, чаши над ним и контуров человеческой фигуры, подносящей две планки к чаше. В этом фрагменте угадывается часть композиции, которую мы встречаем на согдийских оссуариях и на сино-согдийских саркофагах: жрец в маске (часто с птичьим телом) оперирует щипцами в пламени алтаря огня, а перед ним расположен столик с сосудами. Эти сюжеты можно считать изображениями ритуала зороастрийского круга, и они находят параллели в современных обрядах ясны и афринагана у парсов.

Ю.И. Дробышев (ИВ РАН) в докладе «Следы тантрического буддизма в Ильханате» отметил, что расцвет буддизма в государстве ильханов давно известен, однако

менее известно, какие именно его течения пользовались покровительством основателя Ильханата Хулагу (1256–1265) и его потомков: Абаги (1265–1282), Аргуна (1284–1291) и Гайхату (1291–1295). При дворе ильханов подвизались буддийские учителя (*бакши*) из Китая, Кашмира, Индии, Тибета, Внутренней Азии. Можно полагать, что Хулагу, подобно своему брату Хубилаю, основавшему династию Юань в Китае, мог привлекать буддистов к решению военных задач. Это кажется парадоксальным, но факты свидетельствуют о широком использовании тантрических ритуалов, в том числе связанных с грозным божеством Махакалой, тибетскими ламами для подавления врагов Юань, поэтому есть основания заняться поиском следов тантры и в Ильханате. К сожалению, важнейший источник по истории Ильханата — «Сборник летописей» Рашид ад-Дина хотя и содержит информацию о наличии буддистов при дворе некоторых Хулагуидов, но не раскрывает интересующих нас подробностей. Некоторый свет на проблему проливают тибетские источники. Получив от хагана Мункэ (1251–1259) надель в Западном Тибете, Хулагу вступил в контакт с ламами школы Пагмодру и стал их формальным покровителем. В своих ближневосточных владениях Хулагу построил три буддийских храма: в Хое, Мараге и на летних пастбищах в Армении, что нашло отражение в сочинении армянского церковного деятеля и историка Киракоса Гандзакеци (ок. 1200 — 1271). На основании имеющихся сведений можно полагать, что в Ильханате были мастера тантры и, возможно, даже близко контактировали с правителями государства, но их деятельность практически не оставила следов в историографии.

4. Российско-персидским отношениям был посвящен один доклад.

Е.Ю. Янушкевич (Отдел БАН при ИИМК) в докладе «Развитие российской торговли с Персией в правление Николая I» представила анализ российской торговли с Каджарским Ираном в правление императора Николая I (1825–1855). В центре внимания докладчика оказался процесс экономического проникновения Российской империи в Персию, активизированный подписанием Туркманчайского мирного договора (1828). В докладе, с опорой на архивные документы из фондов РГИА, изложены предпринятые царским правительством шаги по расширению торгово-экономических связей между двумя государствами. В частности, рассмотрена проработка законодательной базы для функционирования торговых отношений и привлечения российского административного ресурса к регулированию восточного направления внешней торговли; освещены меры по защите торгового судоходства на Каспийском море, развитию путей сообщения и средств передвижения. В поле зрения докладчика также оказались проекты по учреждению торговых компаний и открытие «Московского для торговли с Азией дома через Астрабад». Собранные данные, подытожил докладчик, свидетельствуют о наличии устойчивого интереса со стороны российского правительства к развитию товарообмена с Персией.

В заключение следует указать, что сложные условия пандемии не помешали данной ежегодной конференции состояться даже при наличии только очного формата проведения. В очередной раз подобное мероприятие собрало специалистов из разных учреждений, изучающих тексты, философию, религию, историю и культуру региона Среднего и Ближнего Востока. Успешное проведение конференции высвечивает усиленный интерес исследователей к данному научному форуму.

**Conference in Memory of O.F. Akimushkin
(St. Petersburg, February 16, 2022)**

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 12.04.2022.

Key words: O.F. Akimushkin, Oriental Studies, Near and Middle East.

For citation: Ioannesyan, Youli A. “Conference in Memory of O.F. Akimushkin (St. Petersburg, February 16, 2022)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 110–115 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109681.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

Первая Всероссийская научная конференция «Рукописное наследие Востока» (Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2022 г.)

С.Х. ШОМАХМАДОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109421

Статья поступила в редакцию 04.07.2022.

Ключевые слова: ИВР РАН, классическое востоковедение, рукописное наследие Востока, восточные языки, манускриптология.

Для цитирования: *Шомахмадов С.Х.* Первая Всероссийская научная конференция «Рукописное наследие Востока» (Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 116–123. DOI: 10.55512/WMO109421.

Об авторе: ШОМАХМАДОВ Сафарали Хайбуллоевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории Сериндика ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (safaralihshom@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5322-349X.

© Шомахмадов С.Х., 2022

20–22 апреля 2022 г. в ИВР РАН прошла Первая Всероссийская научная конференция «Письменное наследие Востока». Целью конференции было объединить исследователей из различных областей востоковедных штудий, так или иначе связанных с письменными памятниками Востока: манускриптологов, исследователей эпиграфики, сфрагистики, нумизматики.

Письменная традиция в целом и восточная в частности, к области которой, бесспорно, стоит отнести как живые, так и древние языки, многие века способствовала распространению идей, религий, знаний. Изучение письменного наследия Востока дает возможность лучше проникнуть в менталитет «человека Востока» (араб. *shar-qiyyin* شرقيين) — специфическую систему морально-этических норм, логику изложения, богатство и своеобразие внутреннего мира. Знакомство с рукописным наследием Востока позволяет в том числе выявить ареал распространения традиционных идеологий, степень их трансформации в зависимости от региона. Весьма значимой

областью современной манускриптологии является изучение кодикологических аспектов рукописного дела, исследование истории возникновения и развития школ переписчиков-каллиграфов, знакомство с искусством художественного оформления рукописей. Пожалуй, отдельной областью изучения письменного наследия Востока может выступать изучение старопечатных книг и ксилографических изданий. Также среди запланированных на конференции тем значится освещение вопросов истории обнаружения письменных памятников, введения их в научный оборот, формирования современных рукописных коллекций, актуальных проблем сохранения и реставрации рукописей.

Таким образом, основными тематическими блоками, обсуждение которых было представлено на прошедшей конференции, стали:

- 1) изучение восточных рукописей;
- 2) актуальные проблемы палеографии и кодикологии рукописного наследия Востока;
- 3) вклад отечественных и зарубежных востоковедов-манускриптологов в изучение восточной рукописной традиции;
- 4) экспедиционная деятельность в Азии и археография рукописного наследия Востока;
- 5) деятельность современных центров изучения и сохранения восточных рукописей;
- 6) сохранение и реставрация рукописного наследия Востока.

Конференция задумана как ежегодное научное мероприятие, приуроченное к одной из памятных дат в области востоковедной науки и посвященное изучению письменного наследия Востока.

Данная конференция была посвящена памяти выдающегося санскритолога, специалиста по тохарским и согдийским рукописям Маргариты Иосифовны Воробьевой-Десятовской (1933–2021), чья профессиональная деятельность была неразрывно связана с ИВР РАН (ранее — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, затем — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) и изучением его рукописных собраний. Благодаря необычайному усердию Маргарита Иосифовна проникла во все тонкости современной ориентальной манускриптологии, по праву став признанным отечественными и зарубежными исследователями знатоком в области палеографии индийских и центральноазиатских рукописей.

План конференции был составлен таким образом, чтобы участники смогли ознакомиться с результатами своих коллег из различных областей востоковедной манускриптологии: арабисты с интересом слушали доклады тангутоведов, индологи — китаеведов. Регламент выступлений позволил слушателям задать докладчикам множество вопросов, обсуждение которых вело к интереснейшим дискуссиям. В конференции приняли участие 33 докладчика, среди них были как отечественные исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Сыктывкара, так и зарубежные коллеги из Японии, Турции, Германии, КНР, США, Франции.

Директор ИВР РАН И.Ф. Попова (член-корр. РАН) открыла утреннее заседание первого дня работы, обратившись к участникам конференции с приветственным словом, посвященным актуальности изучения рукописного наследия Востока, исследованию истории экспедиционной деятельности отечественных путешественников, усилиям ученых и дипломатов в деле формирования рукописных коллекций.

Доклад Е.П. Островской (д.филос.н., гл.н.с. ИВР РАН) под названием «Трудовой путь М.И. Воробьевой-Десятовской» был посвящен анализу основных вех трудового пути одного из выдающихся отечественных востоковедов-манускриптологов — продолжателя дела В.С. Воробьева-Десятовского (1927–1956) в области изучения и публикации памятников индийской письменности из Центральной Азии. Е.П. Островская отметила значительный личный вклад М.И. Воробьевой-Десятовской в исследование рукописей, содержащих фрагменты канонических текстов школ северного буддизма.

Т.В. Ермакова (к.филос.н., в.н.с. ИВР РАН) в докладе «Подход М.И. Воробьевой-Десятовской к изучению рукописной культуры Индии» осветила историко-культурное значение рефлексии Маргариты Иосифовны как опытного рукописника-практика, обусловленной глубоким проникновением в проблемы современной манускриптологии — от описания рукописного артефакта к отождествлению письменного памятника и определению его значения в контексте культуры. Вывод, представленный в докладе, заключается в том, что подход, использованный М.И. Воробьевой-Десятовской при работе с рукописным наследием Центральной Азии, носил комплексный характер, позволявший посредством изучения письменных памятников реконструировать историко-культурный процесс в регионе.

Цзин Чао-жун (Ching Chao-jung) — профессор Центра Перспективных исследований «Хакуби», Института гуманитарных исследований при Киотском университете (The Hakubi Center for Advanced Research & The Institute for Research in Humanities, Kyoto University) в своем докладе «И тут же он возносится к небесам Тушита: О связях и совпадениях между восточными рукописями в различных собраниях» (Straightway he goes among the Tuṣita gods: On the connections and junctions among the oriental manuscripts in various collections) изложила предварительные результаты исследования кучанских, гандхарских, китайских и хотанских документов из Дандан Уйлика (Хотан), подтверждающие теорию М.И. Воробьевой-Десятовской об «архиве Гайсаты (Gaysāta)», и представила новые данные о существовании соотнесений между рукописями, хранящимися в китайских, британских и российских манускриптологических собраниях.

Доклад «Актуальный обзор надписей брахми, найденных в районе Древней Кучи: Введение в пещерные надписи Древней Кучи» (Recent survey of the Brāhmī inscriptions found in the region of Ancient Kucha: Introduction to Cave Inscriptions of Ancient Kucha) одного из ведущих специалистов в исследовании Сериндийского письменного наследия Огихары Хиротоси (Ogihara Hirotoshi) — сотрудника Исследовательского центра буддийских культур мира при Университете Рюоку (Research Center for World Buddhist Cultures; Ryukoku University, Japan) был посвящен анализу эпиграфики письмом брахми, обнаруженной в пещерах Древней Кучи. Докладчик аргументированно доказал исключительную ценность данных надписей для лингвистов, филологов и искусствоведов.

Совместный доклад Л.И. Кряжиной (ведущего художника-реставратора ИВР РАН) и Н.В. Ямпольской (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) «Иллюстрированная грамота Алтан-хана как материальный объект: консервация и вопросы бытования» был посвящен обзору вопросов реставрации и кодикологическому описанию грамоты Алтан-хана (1580), представляющей собой иллюстрированный свиток, содержащий текст вассального письма монгольского хана императору Китая на китайском и монгольском языках и живописную часть, на которой изображен путь посольства с данью из ставки монго-

лов в Пекин. Тщательный кодикологический анализ позволил докладчикам установить происхождение свитка и уточнить его функционирование.

В.А. Ветюков (к.и.н., н.с. ИВР РАН) представил доклад «Записи о военном деле Фан Хюи Чу» — ценный источник по военной традиции Вьетнама; история создания, особенности, изучение». Памятник, проанализированный в докладе, составляет один из разделов грандиозного энциклопедического труда «Классифицированные записи по истории прошлых династий» вьетнамского историка-энциклопедиста Фан Хюи Чу (1782–1840). Также были освещены нюансы формирования военной традиции в государстве Дайвьет в X–XVIII вв.: комплектование и организация армии, ее снабжение, вооружение, униформа, транспортные и сигнальные средства, система военного обучения и военных экзаменов, юридическая сторона военного дела, а также воинские ритуалы.

В докладе А.Э. Терехова (к.и.н., н.с. ИВР РАН) «В поисках источника: проблема атрибуции одной цитаты из апокрифа „Чуньцю“» была изложена концепция Десяти эр (*ши цзи*) — один из ключевых элементов традиционной историографии древнейшего периода истории Китая. В докладе также был представлен текстологический анализ сохранившихся цитат из утраченных письменных памятников периода древности (I–II вв.) «Юань мин бао» («Буто изначального повеления») и «Мин ли сюй» («Последовательность периодов [правления, установленных Небесным] повелением»).

Д.А. Носов (к.ф.н., н.с. ИВР РАН) представил доклад «Рукописная традиция и фольклор монгольских народов: памятник E 289 из монгольского собрания ИВР РАН», в котором рассказал об уникальном манускрипте из рукописной коллекции ИВР РАН (Mong. E 289), представляющем собой полевую запись объемного эпического текста о происхождении богатыря Гэсэра. Документ содержит богатый этнографический материал по изучению шаманской традиции, записанной старо-монгольским письмом.

Доклад профессора Стамбульского университета Айдын (İstanbul Aydın Üniversitesi) Халила Ибрагима Усты (Halil İbrahim Usta) «Лексические элементы как показатели языковых напластований (на материале Среднеазиатского тафсира)» позволил исследователю, опирающемуся в своем сообщении на разграничение внутренних законов саморазвития языка и внешних — социальных — факторов его трансформации, а также анализ языковых изменений, охарактеризовать метод, применяемый к изучению среднеазиатского тафсира, как относящийся к диахронической социолингвистике.

Завершавший первый день работы конференции доклад С.Л. Бурмистрова (д.филол.н., в.н.с. ИВР РАН) «Буддийские корни „Упанишады об алмазной игле“» был посвящен текстологическому анализу трех текстов, два из которых («Ваджрасучикаупанишада» и «Апта-ваджрасучи-упанишада») приписываются Шанкаре (IX в.), а третий (трактат «Ваджрасучи») — видному буддийскому мыслителю Ашвагхоше (II в.). С.Л. Бурмистров в своем докладе указал на содержательное сходство всех трех произведений, подчеркивая, что о буддийской принадлежности третьего трактата свидетельствует восхваление бодхисаттвы мудрости — Манджушри, а также ряд концептуальных моментов, указывающих на возможную принадлежность текста письменного памятника к буддийской школе мадхьямака. Тем не менее, как указал докладчик, трактат «Ваджрасучи» составлен сугубо в брахманистском духе, а само произведение было принято брахманистской школой адвайта-веданта.

Второй день конференции был посвящен преимущественно изучению письменного наследия Центральной и Восточной Азии. Утреннее заседание открыл доклад «Новая интерпретация Дхаммапады на языке гандхари» (A new interpretation for the Gāndhārī Dhammapada) японского исследователя Тацуси Тамаи (Tatsushi Tamai), где докладчик предложил новую трактовку текста гандхарской Дхаммапады, фрагменты которой хранятся в Сериндийском фонде ИВР РАН и рукописном собрании в Париже. Выводы, сделанные Т. Тамаи в его докладе, раскрывают новые горизонты в области изучения письменного наследия Центральной Азии.

Сотрудник Саксонской академии наук (г. Лейпциг, ФРГ) Ольга Кинцлер представила доклад «Чудесные ландшафты в росписях Кучарского оазиса — визуализации из Yogalehrbuch?», в котором проанализировала изображения «чудесных ландшафтов» в буддийских пещерных комплексах Кучарского оазиса, акцентируя внимание на решении вопроса, до какой степени они соответствуют описаниям в «инструкциях по медитации» (Yogalehrbuch).

В докладе Яня Миньсяня (Yan Minxiang) (аспиранта Восточного факультета СПбГУ) под названием «Новые материалы о связях между членами корейской дипломатической миссии и Российской духовной миссии в Пекине в собрании ИВР РАН» были представлены результаты исследования ранее не изученных рукописных материалов о связях между членами корейской дипломатической миссии и Российской духовной миссией в Пекине из собрания Института восточных рукописей РАН.

Доклад П.Д. Ленкова (к.и.н., доцента кафедры истории религий и теологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена) «„Стела с записью деяний совершенного человека Ван Куньяна“» из Пекинского монастыря Байюньгуань как эпиграфический источник по истории школы Цюаньчжэнь/Лунмэнь» был посвящен анализу эпиграфического источника — стелы виднейшего наставника и теоретика даосской школы Цюаньчжэнь/Лунмэнь Ван Чан-юэ (Куньян-цзы, ?–1680).

Н.С. Яхонтова (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «Особенности графики рукописи „История Молон-тойна“ из Синьцзяна» представила результаты палеографического анализа манускрипта, хранящегося в собрании г. Или на территории СУАР КНР. Изучение рукописи позволило сделать выводы об особенностях сложения рукописного текста — над его созданием трудилось несколько писцов, что для такого небольшого текста явление редкое.

Доклад Е.А. Десницкой (к.филос.н., н.с. ИВР РАН) «„Мангалавада“ Варахарьи: проблемы интертекстуальности» открывал вечернее заседание второго дня работы конференции. В сообщении был представлен сравнительный текстологический анализ содержания принадлежащего школе навья-ньяя философского трактата Варахарьи (XVII в.), посвященного обоснованию практики составления хвалебных возгласаний — мангал, и релевантных ему произведений брахманистских мыслителей — Гангешы, Шашадхары и Харирамы Таркавагиши. Докладчик поднял вопрос об использовании автором явных и скрытых цитат из различных древних и средневековых санскритских произведений.

Р.В. Березкин (PhD, с.н.с. Института гуманитарных исследований при Фуданьском Университете (Шанхай, КНР), с.н.с. ИВ РАН) в своем докладе «Рукописи буддийских книг при минском дворе в XIV–XV вв.» отмечает интересный факт, что в исследуемый период при наличии развитого процесса тиражирования буддийских (главным образом, махаянских) текстов путем ксилографии сохранялась традиция трудоемкого (и в силу этого достаточно дорогого) рукописного распространения текстов

буддийского канона, обусловленного воззрениями на практику распространения буддийских текстов как на религиозную заслугу.

Т.А. Пан (к.и.н., в.н.с., зам. директора ИВР РАН по науке) свой доклад «Печати на маньчжурских ксилографах» посвятила анализу различных видов печатей, встречающихся на маньчжурских ксилографах, а также характеристике их особенностей. В целом докладчик указал на богатство фонда маньчжурских ксилографов ИВР РАН, наметив перспективы его исследования.

Доклад С.Х. Шомахмадова (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) «Рукопись из Мерва: история исследования, результаты и перспективы изучения» был посвящен обзору истории изучения «Рукописи из Мерва», а также результатам, к которым в процессе исследования манускрипта пришли М.И. Воробьева-Десятовская и ее многолетний соавтор — японский коллега С. Карасима (1957–2019). Докладчик обосновал корректное наименование манускрипта как «Рукописи из Байрам-Али», дал обзор структуры письменного памятника, принципов организации текста, указал на необходимость введения в научный оборот фрагментов рукописи, отставленных в процессе реставрации.

Завершал второй день работы конференции доклад докторанта Университета Пенсильвании (США) Н.А. Кузьмина «Тангутское наследие Дуньхуана», в котором докладчик дал подробный обзор письменного наследия тангутской империи Западное Ся (1038–1227), обнаруженного в пещерных комплексах Могао и Юйлинь близ Дуньхуана и составившего гордость рукописных собраний библиотек Франции, Японии, США и Китая.

Заключительный, третий, день конференции также отличался разнообразием тематик, представленных интересными сообщениями. Открыл утреннее заседание доклад В.Л. Успенского (д.и.н., зав. кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ) «О рукописи „Сокровенного сказания“ („Юань чао ми ши“) из Научной библиотеки СПбГУ». Докладчик указал на роль П.И. Кафарова в деле обнаружения письменного памятника, осветил вклад монголоведа А.М. Позднеева в введение в научный оборот текста «Сокровенного сказания», а также описал историю публикаций текста. В завершении своего доклада В.Л. Успенский обосновал актуальность нового факсимильного издания «Сокровенного сказания».

В.Ю. Климов (к.и.н., в.н.с. ИВР РАН) в докладе «Две конторские книги, хранящиеся в ИВР РАН, как исторический источник» проанализировал текст двух хозяйственных документов, письменно фиксирующих торговые отношения японцев и айнов юга о. Сахалин и относящихся к раннему периоду установления японского контроля за землями айнов. В ходе исследования письменного памятника В.Ю. Климов исправил неточности в отождествлении документов, допущенные предшественниками.

Доклад А.В. Мешезникова (м.н.с. ИВР РАН) «Неопубликованные фрагменты санскритской Суварнапрабхаса-сутры (SI 3045, SI 4646) из Сериндийского фонда ИВР РАН» был посвящен палеографическому анализу двух вновь обнаруженных фрагментов «Сутры Золотого блеска» из Сериндийского фонда ИВР РАН. На основе анализа данных палеографии и кодикологии А.В. Мешезников определил датировку фрагментов (V–VI вв.), высказал предположение, что они могли принадлежать одной рукописи. В завершение докладчик наметил перспективы изучения санскритского рукописного наследия Сериндийского фонда ИВР РАН.

К.М. Богданов (н.с. ИВР РАН) в докладе «Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото и перспективы исследования материалов Тангутского фонда

ИВР РАН» осветил результаты десятилетней работы по изучению и каталогизации материалов Тангутского фонда ИВР РАН, а также наметил возможные перспективы и направления научного исследования материалов фонда в сопоставлении с нереализованным проектом по изданию тангутских письменных памятников, артефактов и археологических материалов, подготовленным коллективом сотрудников Азиатского Музея и Эрмитажа во главе с Н.А. Невским в 1930-х годах.

Совместный доклад А.В. Зорина (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) и профессора Практической школы высших исследований (École Pratique des Hautes Études, Paris) Чарльза Рэмбла (Charles Ramble) «Первые тибетские рукописи в собрании Национальной библиотеки Франции» был посвящен истории обнаружения российскими военными в 1717–1721 гг. тибетских и монгольских книжных собраний в ойратских буддийских монастырях Прииртышья, заложивших основы формирования тибето- и монголоязычных рукописных коллекций Санкт-Петербурга и научных центров Западной Европы.

А.Ю. Лушенко (к.ф.н., н.с. ИВР РАН) в докладе «Японские письмовники периода Эдо из собрания ИВР РАН» внимание уделил обзору хранящихся в рукописном фонде ИВР РАН японских ксилографических пособий по написанию писем, представляющих ценный материал по изучению эпистолярного стиля — основы частной и деловой переписки периода Эдо (1603–1868). В докладе был рассмотрен общий вид и содержание японских пособий, показаны категории писем, даны конкретные примеры писем и деловых бумаг. Особое внимание было уделено скорописи и способам ее изучения.

Доклад О.М. Чунаковой (д.ф.н, в.н.с. ИВР РАН) «Согдийские рукописи в фондах ИВР РАН: манихейские гимны» был посвящен анализу согдийских рукописей, содержащих отрывки манихейских гимнов, из фондов ИВР РАН. Докладчик указал на то, что некоторые согдийские манихейские тексты представляют собой согдийские транслитерации гимнов, сочиненных на среднеперсидском и парфянском — языках литургии в манихейских общинах Центральной Азии. Списки с транслитерациями создавались как для личного пользования, так и в дар монастырям и были выполнены особым каллиграфическим почерком.

Б.Е. Рашковский (н.с. «Центра Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН) представил доклад «„Рукопись письма хазарского царя Иосифа“ (ОР РНБ Евр. II А 157): история и актуальные проблемы изучения», в котором осветил историю бытования и изучения рукописи ОР РНБ Евр. II А 157 из Второго собрания караимского коллекционера и общественного деятеля А.С. Фирковича — один из увлекательнейших сюжетов гебраистики XIX–XXI вв. Целью доклада являлось обобщение основных направлений изучения рукописи ОР РНБ Евр. II А 157, а также выдвижение новых положений относительно ее происхождения и датировки.

Доклад исследователя из Сыктывкара В.В. Понарядова (к.ф.н., с.н.с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) под названием «Сопоставление двух рукописей книги „Китаб ал-фурусийа ва-л-байтар“ Ибн Ахи Хизама» был посвящен текстологическому анализу двух частей одного трактата IX в., излагающего основы арабской традиции ветеринарии и коневодства, а также технике подготовки конного воина. Докладчик указал на то, что вторая часть трактата, посвященная арабской военной традиции, до сих пор не введена в научный оборот, подчеркнув актуальность восполнения этой лакуны.

Выступлением, завершающим три дня работы Первой Всероссийской научной конференции «Рукописное наследие Востока», стал доклад Е.М. Белкиной (аспиранта

ИВР РАН, ассистента кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ) под названием «„Иврит-персидский словарь“: две средневековые еврейские рукописи из собрания РНБ». Е.М. Белкина представила результаты палеографического исследования двух фрагментов (Евр I 75 и 76) списка средневекового словаря «Сэфер ха-мелица» (XIV в.) в контексте письменной культуры евреев Ирана. В докладе было отмечено, что детальные описание и анализ данного списка помогут заполнить лакуны в изучении письменного наследия евреев Востока.

В завершение в рамках свободной дискуссии участники конференции делились своими воспоминаниями о Маргарите Иосифовне Воробьевой-Десятовской, отмечали ее вклад в их собственные манускриптологические штудии. Была отмечена несомненная польза проведения подобного рода научных мероприятий, способствующих активному обмену опытом исследователей-манускриптологов из различных областей востоковедения. Участники конференции договорились о ежегодном проведении Всероссийской научной конференции «Рукописное наследие Востока».

The First All-Russian Academic Conference “The Written Heritage of Orient” (St. Petersburg, April 20–22, 2022)

Safarali Kh. SHOMAKHMADOV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 04.07.2022.

Key words: IOM, RAS, classical Oriental Studies, written heritage of Orient, Oriental languages, manuscriptology.

For citation: Shomakhmadov, Safarali Kh. “The First All-Russian Academic Conference ‘The Written Heritage of Orient’ (St. Petersburg, April 20–22, 2022)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 116–123 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109421.

About the author: Safarali Kh. SHOMAKHMADOV, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Laboratory Serindica, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (safaralihshom@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5322-349X.

Фрейманские чтения–2022 (Санкт-Петербург, 18 мая 2022 г.)

О.М. ЧУНАКОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109697

Статья поступила в редакцию 23.06.2022.

Ключевые слова: А.А. Фрейман, иранская филология, текстология, иранская мифология, сасанидское судопроизводство.

Для цитирования: *Чунакова О.М.* Фрейманские чтения–2022 (Санкт-Петербург, 18 мая 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 124–127. DOI: 10.55512/WMO109697.

Об авторе: ЧУНАКОВА Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ochunakova@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6409-1149.

© Чунакова О.М., 2022

18 мая 2022 г. в ИВР РАН прошли очередные Фрейманские чтения, которые проводятся ежегодно в память о выдающемся иранисте, члене-корреспонденте АН СССР, профессоре, докторе филологических наук Александре Арнольдовиче Фреймане (1879–1968). На заседании было заслушано девять докладов, подготовленных сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Государственного Эрмитажа (ГЭ), Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН), Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Санкт-Петербургского Института истории РАН (СПбИИ РАН) и Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

Доклады были посвящены самым разным проблемам, касающимся иранской филологии, текстологии, мифологии, религии и особенностей судебного процесса в сасанидском Иране.

Вопросам иранской мифологии посвятил свой доклад «Параллели с клинописными текстами в фольклоре ираноязычных народов» Е.Н. Дувакин (МАН РАН). В докладе были проанализированы несколько мотивов, зафиксированных в фольклоре иранских народов (персов, луров, курдов, белуджей и др.) и обнаруживающих соответствия в угаритских и аккадских текстах (включая повествования о Ба'лу и «Эпос о Гильгамеше»). Эти параллели удалось выявить в ходе работы над глобальной базой данных «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» в рамках коллективного проекта «Мотивы и сюжеты древневосточных письменных памятников в сравнительно-исторической перспективе» (грант РФФИ № 21-18-00232). Соответствия между ираноязычными и указанными клинописными традициями включают в себя в том числе мотивы «Пасть до неба», «Семиглавый дракон», «Дерево драгоценностей», «Дворец из золотых и серебряных кирпичей», «Столько золота, сколько весит невеста». Большинство этих повествовательных эпизодов и образов известно также в фольклоре других индоевропейских и семитских народов, однако имеет редкий на мировом фоне характер. Наличие параллелей в угаритских и аккадских источниках позволяет установить *terminus ante quem* существования данных мотивов в Передней Азии.

Особенностям судебного процесса в сасанидском Иране посвятил доклад «Статус участников судопроизводства по Сасанидскому судебнику» И.В. Тутаев (НИУ ВШЭ, СПбИИ РАН). Сасанидский судебник, составленный в VII в. Фаррахвартом, сыном Вахрама, является одним из наиболее ярких и важных правовых памятников, позволяющих реконструировать правовую систему раннесредневекового Ирана. Значительное место в документе занимают положения, затрагивающие регулирование судебного процесса. Соответственно, в рамках выступления была предпринята попытка, отталкиваясь от положений Судебника, выявить круг участников судопроизводства, а также определить их правовой статус.

Вопросам иранской текстологии были посвящены доклады А.И. Колесникова и А.А. Хисматулина.

В докладе А.И. Колесникова (ИВР РАН) «Персидские тексты Малой Авесты в литографии ИВР РАН» говорилось о хранящейся в Институте восточных рукописей РАН датированной 1873 г. редкой литографии «Хурда Авеста (Малая Авеста)», которая была составлена мобедом Тирандазом, сыном иранского перса мобеда Ардашира, для духовного просвещения зороастрийской молодежи. Литография включает сокращенные переводы авестийских сочинений на персидский язык и является ценным памятником средневековой культуры религиозного меньшинства не только в Иране, но также в Пакистане и Индии. (К сожалению, по техническим причинам доклад не сопровождался демонстрацией страниц литографии.)

С докладом «История одного текста: двухчастный *Насихат ал-мулук* (Совет владыкам) Мухаммада ал-Газали» выступил А.А. Хисматулин (ИВР РАН). В презентации к докладу была представлена обобщенная информация по: историко-литературному контексту появления первой, подлинной части этого текста; присоединению второй части от неизвестного автора; средневековому арабскому переводу и современным изданиям и переводам.

Большая часть выступлений была посвящена вопросам иранской филологии.

В докладе М.С. Пелевина (СПбГУ) «Язык пашто в индо-афганских агиографических рассказах» говорилось о том, что интенсивное развитие литературы на пашто в среде индо-афганской диаспоры начинается во второй четверти XVII в. благодаря

деятельности рошанитской общины. Фрагментарные сведения об использовании языка пашто его носителями-мигрантами в Индии в предшествующем столетии можно почерпнуть из агиографических рассказов в персоязычном сочинении «*Tārīkh-i Khānjahānī va Makhzan-i Afghānī*» (1613). Эти материалы анализировались в докладе как письменные свидетельства процесса конструирования паштунской идентичности в начале Нового времени. Кроме рассмотрения отдельных случаев употребления лексики пашто в персидском тексте житийной антологии в докладе утверждалось, что использование лингвонима *pashūt* параллельно с традиционным для персофонной письменной культуры эквивалентом *afghānī* было следствием осмысления языкового компонента этнической самоидентификации паштунов.

В докладе Ю.А. Иоаннесяна (ИВР РАН) «Гератский предлог ta(y)-ye/tey-ye: фонетическая трансформация или контаминация двух предлогов?» рассматривался предлог гератского диалекта, полностью совпадающий по семантике и грамматическим функциям с персидским предлогом tu-ye, но фонетически более сходный с предлогом ta(h)-e. На основе анализа, сопоставления с аналогами в других персидских и иранских диалектах автор приходит к выводу, что с высокой долей вероятности можно предположить, что указанный гератский предлог исторически представляет собой контаминацию tu-ye и ta(h)-e, чему способствовали фонетическая близость и отчасти перекликающийся круг грамматических значений обоих предлогов. При этом с синхронной точки зрения данный предлог в гератском вполне корректно рассматривать как диалектный вариант персидского tu-ye.

Бактрийскому языку был посвящен доклад П.Б. Лурье (ГЭ) «Буцефал-задэ из Урузгана». В докладе было предложено чтение двух бактрийских курсивных надписей из афганской провинции Урузган. Возможные их переводы — «Бокафал-зад, защищенный солнцем» и «Бокафал-зад, защищенный солнцем и луной» либо «Михрзиниг сын Бокафала» и «Михрмахзиниг сын Бокафала». В контексте недавно открытых серебряных сосудов с мотивами «Романа об Александре» из Бактрии, города Александрия Букефала, основанного македонским завоевателем в Северо-Западной Индии, трактовка имени в надписи как «Буцефал» или «Буцефал-задэ» кажется не столь фантастической.

О памятнике среднеперсидской литературы шла речь в докладе А.А. Амбарцумяна (НИУ ВШЭ) «Кто такой Гуджастак Абалиш и в чем заключалась его ересь». В докладе говорилось о зороастрийском еретике Гуджастаке Абалише (букв. «проклятый Абалиш») из г. Стахр в Фарсе, о котором известно из постзороастрийского сочинения «Гуджастак Абалиш» («Книга о проклятом Абалише», *Mādayān ī gujastag/gizistag Abālīš*), сохранившегося в рукописях с XIV в. в пехлевийских, пазендских и парсийских версиях (K20, TD, SP 33 и др.). Это сочинение состоит из вступления, излагающего суть коллизии, и описания последовавшего в дальнейшем теологического диспута. Страдая от жажды и голода, Абалиш, которого раньше звали Ден-Ормаздом, является в храм огня для получения воздаяния освященной пищей путем «принятия» сакральных формул ваджа (баджа), но там не принимают его ваджа и отказывают ему в пище. Обида и злоба подталкивают Абалиша к дальнейшим странствиям, и он приходит в Багдад ко двору просвещенного багдадского халифа Мамуна (813–833) из династии Аббасидов. Последний устраивает диспут между Абалишем и зороастрийскими жрецами, в котором принимают участие кадий, «вузург-фрамадар» халифа, и главный оппонент Абалиша — предводитель благоверных зороастрийцев Адур-Фарнбаг, сын Фаррохзада. Вопросы и сомнения Абалиша оказываются несостоятель-

ными, диспут завершается его поражением и изгнанием. В первой части выступления докладчик представил общий обзор текста и анализ вариантов интерпретации искаженного написания имени Абалиш, а во второй раскрыл суть семи основополагающих положений зороастрийского вероучения, рассмотренных в этом сочинении.

Выступление О.М. Чунаковой (ИВР РАН) «Сын Бога (βυρρωτ) в согдийских текстах» было посвящено анализу использования этого титула в согдийских манихейских (космогонический фрагмент М 178), документальных (Старые письма, № 2 и колофоны рукописей Р 8 и Or. 8212 (191) и буддийских переводных сочинениях (Дх 6354). Исследование показало, что во всех текстах титул имеет одно и то же значение, но разное происхождение (собственно согдийское, калька с китайского и калька с санскрита).

Все представленные доклады, столь разные по тематике, соответствовали кругу научных интересов А.А. Фреймана и, судя по заданным вопросам, были интересны слушателям. Кроме выступавших — постоянных и принявших участие в семинаре впервые — на заседании присутствовали коллеги из Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского государственного университета и Государственного Эрмитажа.

Очередное заседание иранистического семинара Фрейманские чтения состоится в мае следующего года.

Seminar in Memory of A.A. Freiman (St. Petersburg, May 18, 2022)

Olga M. CHUNAKOVA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 23.06.2022.

Key words: A.A. Freiman, Iranian languages and dialects, Iranian philology, Turfan manuscripts.

For citation: Chunakova, Olga M. “Seminar in Memory of A.A. Freiman (St. Petersburg, May 18, 2022)”. *Pis'mennoye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 124–127 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109697.

About the author: Olga M. CHUNAKOVA, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ochunakova@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6409-1149.

Научная конференция «Петр Великий и Восток» (Санкт-Петербург, 27 июня 2022 г.)

Т.А. ПАН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109684

Статья поступила в редакцию 12.07.2022.

Ключевые слова: Петр Великий, ИВР РАН, востоковедение, восточные коллекции, образ Петра I.

Для цитирования: *Пан Т.А.* Научная конференция «Петр Великий и Восток» (Санкт-Петербург, 27 июня 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 128–131. DOI: 10.55512/WMO109684.

Об авторе: ПАН Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока, заместитель директора по научной работе ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ptatiana@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2597-2530.

© Пан Т.А., 2022

Отмечая 350-летие со дня рождения российского императора Петра Великого, 27 июня 2022 г. Институт восточных рукописей РАН совместно с Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета провел научную конференцию «Петр Великий и Восток». Именно при Петре Великом началось активное движение России на Дальний и Ближний Восток. Петр I сыграл решающую роль в установлении дипломатических и торговых отношений между Россией и странами Востока. По его распоряжению благодаря собирательской деятельности членов различных экспедиций и миссий сформировались богатейшие востоковедные фонды и началось планомерное изучение культур стран Востока, а личность Петра I оказала определенное влияние на политику восточных стран. В связи с этим предполагалось осветить вопросы, касающиеся начала формирования восточных коллекций в России, экспедиций в Сибирь и на Восток, а также восприятия личности Петра в восточной культуре.

Конференцию открыла член-корр. РАН, директор ИВР РАН И.Ф. Попова приветственным словом к собравшимся участникам. На утреннем заседании под председательством Т.А. Пан (к.и.н., зам. директора по научной работе) было заслушано четыре доклада.

Н.А. Самойлов (д.и.н., профессор Восточного факультета СПбГУ) в своем докладе «„Окно в Европу“ и „Ворота в Азию“: Восточноазиатский вектор внешней политики Петра Великого» говорил о формировании парадигмы евразийской политики Российской империи, когда инициативы Петра Великого на восточноазиатском направлении были направлены на поддержание добрососедских отношений. Благодаря усилиям Петра I стали активно развиваться русско-китайская торговля и торговые отношения с центральноазиатскими государствами. Появление в Пекине Российской духовной миссии положило начало духовным, научным и культурным связям между Россией и Цинской империей. При Петре в России возник интерес и к соседней Японии.

О начале изучения Японии в России сделал доклад «Петр Великий и отечественное японоведение» В.Ю. Климов (к.и.н., в.н.с. ИВР РАН). Японоведение в России берет свое начало с указа 8 января 1702 г. после встречи Петра I с японцем, потерпевшим кораблекрушение у российских берегов. В 1705 г. Дэмбэй стал учителем японского языка в созданной школе японского языка при Петербургской мореходной математической школе. Ему не суждено было вернуться в Японию, поэтому в 1710 г. он был крещен и получил имя Гавриил. Петр I заложил традицию лично встречаться с японцами. Так же поступали и Екатерина II, и Александр I. Александр II поощрял покупки диковинных вещей в Японии и других странах Востока. Сам лично прибывал на корабли и покупал диковины у капитанов, старших офицеров за приличную цену. Музеи, архивы, созданные по инициативе Петра I, хранят коллекции редких вещей и документов. В музее ВМФ в Санкт-Петербурге имеются модели русских кораблей из черепашого панциря, а в архиве РГА ВМФ — уникальные архивные дела. Сейчас ученые могут исследовать российско-японские отношения, опираясь на первоисточники.

С.Х. Шوماхмадов (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «„Индийский поход“ Петра I» дал обзор неудавшейся экспедиции под руководством А. Бекович-Черкасского в 1716 г. Ее целью было установление возможных торговых путей в Индию. Среди основных причин неудачи указывается враждебное отношение подданных Хивинского хана к иноземцам. Архивные документы, привлеченные автором доклада, свидетельствуют, что личным указом Петра I участникам российской экспедиции вменялось максимально дружелюбно относиться к местным жителям. Также были освещены древнерусские письменные памятники, свидетельствующие о глубоких корнях геополитических и духовных устремлений русских в Индию.

С.А. Французов (д.и.н., гл.н.с. ИВР РАН) и М.А. Козинцев (м.н.с., аспирант ИВР РАН) в совместном докладе «Неизвестный универсал Петра I» рассказали об оттисках с медных досок трех тюркоязычных универсалов Петра Великого, хранящихся в Архиве востоковедов ИВР РАН (разряд I, опись 7, № 17, 18, 25, 26, 27, 28). Они были изданы для идеологического обеспечения Прутского похода в 1711 г. Два универсала, адресованные крымским и буджакским татарам, были опубликованы более века назад по их оттискам, обнаруженным в Синодальной типографии в Москве выдающимся тюркологом, академиком Ф.Е. Коршем. Однако третий универсал, обращенный к Кубанской и Ногайской орде (№ 27, 28), ранее известен не был. Он сохранился почти полностью: его текст, слегка обрезанный по краям, легко поддается восстановлению. Данный документ позволяет несколько по-новому оценить цели Прутского похода.

Второе заседание под председательством В.В. Щепкина (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) было посвящено формированию восточных коллекций петровской эпохи.

В докладе «Российская наука и Индия в Петровскую эпоху» В.П. Иванов (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) рассказал о начале исследования Индии в России в Петровскую эпоху, а также дал общую характеристику российско-индийским контактам во времена, предшествующие воцарению Петра I. Речь также шла о специфике индологических штудий, связанной с присутствием в России информантов-индийцев, в основном — выходцев из северо-западных областей Индии (из Мультана), проживавших в индийском торговом подворье в Астрахани. Докладчик кратко остановился на деятельности первых российских ученых немецкого происхождения, занимавшихся индийскими языками, — Георга Якоба Кера, Готлиба Зигфрида Байера, а также подробнее осветил научные изыскания Даниэла Готлиба Мессершмидта — ученого, стоявшего у истоков отечественной индологии, в неопубликованных бумагах которого (хранящихся в СПбФ АРАН и в древлехранилище ИВР РАН) обнаруживается материал, представляющий и ныне значительную индологическую ценность.

М.А. Козинцев (м.н.с., аспирант ИВР РАН) в докладе «Письмо Петра I османскому султану Ахмеду III от 30 сентября (11 октября) 1721 г. в подборке документов историографа Кесби (кон. XVIII в.)» рассказал о переводе на османский язык письма Петра I османскому султану Ахмеду III. В нем сообщается о подписании мира со Швецией и территориальных приобретениях России по итогам Северной войны, а также выражается стремление русского царя поддерживать добрососедские отношения с Османской империей. Данное письмо наряду с другой корреспонденцией включено в подборку документов, которая послужила основой компилятивного сочинения «Ибретнюма-йы девлет» («Наставление государству»), составленного османским чиновником и историком второй половины XVIII в. Кесби (ркп. ТУ, 5943 из Библиотеки Стамбульского ун-та). Письмо ценно как источник по истории русско-турецких отношений и памятник османского языка XVIII в.

М.Л. Меньшикова (с.н.с. отдела Востока Государственного Эрмитажа) посвятила свой доклад «Петр I как коллекционер Востока» собранию восточных предметов Эрмитажа, которые появились в России во времена Петра Великого, часть из них была подарками императора Канси Петру I. Большинство предметов были зарисованы современниками по указу русского императора, все эти рисунки также были освещены в докладе. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность Петра I была представлена на проходившей в Государственном Эрмитаже выставке «Диковинный и дорогой Китай. Знания о Востоке», посвященной празднованию юбилея Петра Великого.

Третье заседание под председательством Н.А. Самойлова (д.и.н., профессора, зав. кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ) состояло из серии докладов, посвященных восприятию образа Петра Великого в странах Востока (подготовлена по гранту РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация»).

В докладе «Образ Петра Великого в китайских позднечинских периодических изданиях» Д.И. Маяцкий (к.ф.н., доцент Восточного факультета СПбГУ) рассказал о публикациях об императоре Петре Великом, выходивших в китайских журналах в последнее тридцатилетие XIX в. накануне Синьхайской революции (Ваньго гунбао, Чжисинь бао и др.). Образ императора-реформатора являлся олицетворением государственных перемен, о которых мечтали китайские реформаторы того времени.

А.А. Гурьева (к.ф.н., доцент Восточного факультета СПбГУ) в докладе «Петр Великий в Корее глазами литературоведа» остановилась на истории знакомства корей-

цев с именем российского царя, репрезентации его личности и особенностях ее восприятия в свете корейской литературной традиции. Сохранились стихотворения конца XIX в., посвященные Петру Великому, а современные южные корейцы пишут о нем в своих так называемых «записках о литературных путешествиях».

Аналізу особенностей визуального образа Петра Великого во Вьетнаме был посвящен доклад А.М. Харитоновой (ассистентки Восточного факультета СПбГУ) «Визуальная составляющая образа Петра Великого во Вьетнаме». Знакомство вьетнамской аудитории с биографией Петра Великого и его достижениями часто сопровождается визуальной составляющей: портреты европейских художников, китайские и вьетнамские комиксы, изображение в видеоматериалах. Данный образ чаще всего встречается в образовательной и туристической сферах.

О японском восприятии деятельности Петра I говорил В.В. Щепкин (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) в своем докладе «Первые издания биографий Петра Великого в Японии». Речь шла о первых биографиях российского императора, изданных в Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Это были как переводы с европейских языков, так и оригинальные сочинения японских авторов в составе сборников и в виде отдельных изданий. Обилие биографий Петра в этот период подтверждает значимость реформ Петра как модели модернизации для Японии второй половины XIX в.

Однодневная конференция ИВР РАН явилась частью юбилейных мероприятий, проходивших в Санкт-Петербурге в честь Петра Великого, она вызвала большой интерес петербургской общественности и освещалась в новостных и образовательных программах телеканала «Санкт-Петербург».

Scientific Conference “Peter the Great and the Orient” (St. Petersburg, June 27, 2022)

Tatiana A. PANG

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 12.07.2022.

Key words: Peter the Great, IOM, RAS, St. Petersburg State University, Oriental studies, Oriental collections, the image of Peter I.

For citation: Pang, Tatiana A. “Scientific Conference ‘Peter the Great and the Orient’ (St. Petersburg, June 27, 2022)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 128–131 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109684.

About the author: Tatiana A. PANG, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, Deputy Director for Science, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ptatiana@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2597-2530.

Рецензия на книгу:

Rūzbeh Zarrīnkūb, Sayyīd Tawfīq Hosseynī.

Ketābšenāsī-ye Mānī wa Kīš-e Mānewī (be zabānhā-ye Orūpāyī)
[Mani and Manichaeism Religion's Bibliography]. —

Tehran: Jehād-e Dānešgāhī, Wāhed-e Šahīd Beheštī, 1398/2019. —

263 pp. — ISBN: 978-964-479-140-6

А.И. КОЛЕСНИКОВ

Институт восточных рукописей РАН

Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109685

Рецензия поступила в редакцию 11.07.2022.

Ключевые слова: библиографические сокращения, манихейские тексты, Мани, манихейское вероучение, манихейская легенда о сотворении мира, манихейские сословия, манихейская культура, манихейские законы.

Для цитирования: *Колесников А.И.* [Рец. на:] *Rūzbeh Zarrīnkūb, Sayyīd Tawfīq Hosseynī. Ketābšenāsī-ye Mānī wa Kīš-e Mānewī (be zabānhā-ye Orūpāyī) [Mani and Manichaeism Religion's Bibliography]. — Tehrān. Jehād-e Dānešgāhī, Wāhed-e Šahīd Beheštī, 1398/2019. — 263 pp. // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 132–136. DOI: 10.55512/WMO109685.*

Об авторе: КОЛЕСНИКОВ Али́й Иванович, доктор исторических наук, советник ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ali.koles@mail.ru).

© Колесников А.И., 2022

Библиография европейских трудов о Мани и манихействе под двумя титулами (персидском и английском) составлена преподавателями Тегеранского университета — доктором Рузбехом Зарринкубом и доктором Сеид-Тоуфиком Хосейни. Ее первое издание датировано 1398 г. солнечной хиджры, что соответствует 2019 г.

Во Введении, написанном Зарринкубом, отмечается, что работа над составлением библиографии заняла у авторов три года. Она была начата в 2015 г., сдана в печать в 2018 г. и опубликована в 2019 г. общим тиражом в 1000 экз. В том же Введении перечислены их иранские предшественники на поприще составления подобных библиографий (Йахйа Махйар Наваби, Фариди Рази и Шукри Кумаши). Отдавая должное их заслугам, Зарринкуб и Хосейни сосредоточили внимание исключительно на биб-

лиографии трудов о манихействе, изданных на европейских языках не только в странах Европы, но также и на других континентах, где имелись научные сообщества и специалисты, которые серьезно занимались изучением мировых религий древности и средневековья.

Возможно, это обстоятельство побудило иранских составителей Библиографии трудов о манихействе стремиться к выполнению всех требований, предъявляемых к научным изданиям такого рода. Оглавление книги четко фиксирует, а основной текст подробно раскрывает разнообразную тематику изучаемого манихейства. Научный аппарат представлен списками терминологических сокращений, аббревиатурами названий источников и литературы, периодических изданий и пр. (с. 13–36).

В компактном Введении (с. 5–11), оправдывающем необходимость составления новой библиографии, присутствует краткий очерк изучения манихейства в странах Запада и Востока, начало которого составители датируют XVIII в. и прилагают список более двух десятков изданий, вышедших в то время на латинском (11), французском (6), немецком (6) и английском (1) языках¹. Спокойно перешагнув из XVIII в. в начало XX в., составители отмечают всплеск манихейских штудий, который был вызван находкой оригинальных манихейских сочинений в Турфанском оазисе, осевших позднее в хранилищах Берлина, Киото, Лондона, Парижа, Пекина и Санкт-Петербурга. Они упоминают также об открытии коптских документов в Фаюме (Верхнем Египте) в 1930 г. и коптских документов из Наг Хаммади в Египте в 1945 г., а также об издании в Лейдене (Голландия) регулярных сборников «Наг Хаммади и Манихейские штудии», начиная с 1971 г.

Материал основной части Библиографии скомпонован в восемь тематических разделов, которые детализированы по 35 рубрикам, объединяющим названия трудов по более конкретным признакам.

Первый и наиболее детальный раздел — «Тексты» (с. 37–95) — представляет библиографию изданий и переводов оригинальных манихейских и антиманихейских сочинений, созданных на разных языках мира, преимущественно восточных. Он состоит из двух подразделов: «Тексты манихейские» (Motūn-e mānevī) и «Тексты неманихейские» (Motūn-e ʔaḡ-e mānevī). Подразделы включают по шесть рубрик, в каждой из которых учтены исследования и издания памятников на одном из шести языков. Речь идет о сирийском, иранских, коптском, греческом, тюркском, китайском — для манихейских сочинений; среднеперсидском пехлеви́йском, сирийском, греческом, латинском, арабском, новоперсидском — для неманихейских, т.е. полемических антиманихейских текстов.

Небольшой раздел «Мани и его апостолы» (Mānī wa hawāriyūn-e ū) (с. 95–108) состоит из двух рубрик. В первой в алфавитном порядке авторов представлены их труды о личности и деятельности пророка, во второй — исследования о деяниях Мани и его апостолов в странах Азии и Северной Африки.

Раздел «Манихейское вероучение и секты» (Kēš wa feraq-e mānewī) (с. 108–153) включает две рубрики. Первая представляет в основном библиографию обобщающих трудов по манихейской догматике (Moṭāle'āt-e 'omūmī dar bāre-ye kēš-e mānewī) из 459 названий. В их числе более 20 исследований А.Ш. Пюэша (Puech, H.–Ch.), опубликованных с 1937 по 1985 г., и более 60 статей и рецензий М. Тардьё (Tardieu, M.).

¹ По другим сведениям, историю изучения манихейства в Европе можно датировать второй половиной XVI в. (Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 13, со ссылками на литературу вопроса).

В рубрике «Манихейские секты» (Feraq-e mānewī) учтены 257 исследований, из которых 12 принадлежат В. Зундерману (Sundermann, W.) и 11 — П. Циме (Zieme, P.).

Небольшой раздел «Сотворение мира по манихейству» (Āfrīneš-e mānewī) (с. 153–160) изобилует мелкими рубриками (таких рубрик девять), из которых наиболее полное освещение получила первая — «Манихейская легенда о сотворении мира» (Ostūre-ye āfrīneš-e mānewī), состоящая из 40 публикаций. Авторство примерно половины статей в ней принадлежит А. Джексону, Дж. Ривесу (Jackson, A. V. W., Reeves, J. C.; оба из США), А.Ш. Пюэшу, Ж. Райесу (Ries, J.), Е.Б. Смагиной (Россия), В. Зундерману и М. Тардые. Вторая рубрика — «Отец Величия» (Pedar-e Bozorgī) — ограничена двумя статьями. Третья рубрика — «Мать Жизни» (Mādar-e zandagī) — представлена шестью исследованиями, в числе которых имеются статьи И.П. Асмуссена (Asmussen, J. P.), Е.Б. Смагиной и В.Б. Зундермана. Четвертая рубрика, посвященная Первому человеку (Ensān-e nāxostīn), приводит названия 10 тематических исследований. Пятая рубрика помещает исследования о Духе живом/Михр-изаде (Rūh-e zende/Mehr-īzad) в манихействе (29 названий), около половины из них написаны лично Зундерманом и в соавторстве с другими историками. Статья Райеса (Ries, J.) о Свете Иисуса в манихейской литургии, опубликованная в 1977 г., оказалась единственной в шестой рубрике «Возлюбленный небесных светил» (Dūst-e Rūšanān).

Три рубрики, завершающие этот раздел (с седьмой по девятую), представляют перечень трудов о манихейских ангелах и демонах (Fereštegān wa malāyek) — пять статей, из которых три написаны Зундерманом и Тардые; о Близнеце/Двойнике² Мани (Hamzād/Tūm) — семь статей, четыре из них принадлежат Р. Кассеру (Kasser, R.); о манихейской эсхатологии (Axtaršenāsī-ye mānewī) — 11 статей, представляющих исследования европейских авторов как первой половины XX в. (К. Олбери, Г. Бейли, А. Джексона, Ф. Кюмона), так и второй половины XX в. (Г. Бартелинк, Ф. Декре, И. Гарднер, Дж. Райес).

Небольшой раздел о манихейских сословиях (Tabaqāt-e kēš-e mānewī) (с. 160–161) дает короткий список научных сообщений в академических журналах, а также статей и рецензий в университетских изданиях по истории религий, таких как рецензия анонимного N.N. на издание и перевод В.В. Радловым «Покаянной молитвы манихеев», напечатанной в журнале Санкт-Петербургского Азиатского общества 1909 г.³, или рецензия А. Бенуа (Benoit, A.) на книгу Пюэша о манихействе в «Журнале по истории и религиозной философии» (RHPHr) теологического факультета Страсбургского университета 1950 г.

Раздел «Манихейская культура» (Honar-e mānewī) (с. 161–163) включает две рубрики: «Манихейская письменность и литература» (Xaṭṭ wa ketābat-e mānewī) из 13 названий и «Манихейская живопись» (Negārgarī-ye mānewī) — 32 названия. В первой численно преобладают отсылки к статьям в Иранской энциклопедии (Encyclopaedia Iranica) и в журнале «Museum», а также к рецензиям современных историков на книгу Климкейта «Манихейское искусство и каллиграфия» (*Klimkeit, H.-J. Manichaeen Art and Calligraphy. Leiden, 1982*). Библиографии второй рубрики помимо большего объема свойственно и большее разнообразие сюжетов этой обширной темы. В ней учтены исследования о влиянии сасанидского и манихейского искусства на персидскую

² В рубрике термины **syzygos** и **Thōm** употреблены во втором значении — Twin, Paraclat, «личное божество Апостола, его просветитель и хранитель» (о нем см.: Смагина Е.Б. Кефалайя (Главы). М.: Вост. лит., 1998. С. 393–394).

³ Труд В.В. Радлова был напечатан в том же, 1909 г. типографией Императорской Академии наук.

живопись, о манихейском искусстве на Шелковом пути, манихейской живописи Восточного Туркестана, настенной живописи и книжной иллюстрации манихеев, манихейских миниатюрах, сопровождаемых уйгурским текстом, манихейских миниатюрах на уйгурских тканях и о прочих сюжетах, без которых представление о масштабе манихейской живописи оставалось бы далеко не полным.

Раздел «Манихейские законы» (*Šarāyī‘-e mānewī*) (с. 164–175) включает три рубрики:

- 1) «Религиозные указы манихеев» (*Farmānhā-ye kēš-e mānewī*) — семь статей;
- 2) «Обычай, традиции и законы манихеев» (*Āyīnhā, ‘abādāt wa šarāyī‘-e mānewī*) — 182 позиции;
- 3) «Магия и колдовство» (*Rāzwarzī wa Jādū*) — семь позиций.

Последний, самый большой раздел — «Взаимоотношения манихейства с другими религиями и верованиями» (*Rawābeṭ-e motaqābel-e kēš-e mānewī bā dīgar adyān wa feraq*) (с. 175–262). Он включает пять рубрик:

- 1) «Манихеи и зороастрийцы» (*Mānewīyān wa zardūštīyān*) — 232 позиции;
- 2) «Манихеи и буддисты» (*Mānewīyān wa būdāīyān*) — 110 позиций;
- 3) «Манихеи и иудеи» (*Mānewīyān wa yahūdīyān*) — 18 позиций;
- 4) «Манихеи и христиане» (*Mānewīyān wa masīhīyān*) — 579 позиций;
- 5) «Манихеи и гностики» (*Mānewīyān wa ganūsīhā*) — 356 позиций.

Завершается Библиография манихейства списком избранных источников — 10 библиографических сборников разных лет, опубликованных с 1965 по 2012 г. Иранские авторы использовали их при составлении Библиографии трудов о Мани и манихействе, изданных на европейских языках.

Нельзя сказать, что составители Библиографии учли все исследования по манихейству. Так, в ней отсутствует упоминание о комментированном переводе коптского манихейского трактата «Кефалайа», выполненном Е.Б. Смагиной и изданном в 1998 г. Не учтена и монография А.Л. Хосроева, посвященная истории манихейства, с характеристикой оригинальных источников и полемической литературы (2007). Не удостоилось внимания и факсимильное издание уйгурского сочинения «Хуастванифт» («Манихейское покаяние в грехах») с транскрипцией и переводом текста, выполненными Л.Ю. Тугушевой, и комментариями А.Л. Хосроева⁴. Наконец, не упомянуто последнее издание среднеиранских манихейских фрагментов из Восточного Туркестана в коллекции Центральноазиатского фонда ИВР РАН⁵. Список антиманихейских трактатов не мешало бы пополнить главой «Рассказ о подлomme Мани» (*Qissatu Mānī al-la‘īn*) из Всемирной истории *Kitāb al-‘Unwān* арабо-христианского автора Х в., митрополита Менбиджа в Северной Месопотамии Агапия. «История» была издана дважды. В 1911 г. ее издал российский византист и востоковед А.А. Васильев с пере-

⁴ Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах). Предисловие, транскрипция уйгурского текста, пер. Л.Ю. Тугушевой. Коммент. А.Л. Хосроева. Факсимиле текста. К 100-летию первого издания Хуастванифта. СПб.: Нестор-История, 2008.

⁵ Манихейские рукописи из Восточного Туркестана: среднеперсидские и парфянские фрагменты. Введ., транслитерация, пер., коммент., прил. О.М. Чунаковой; факсимиле рукописей. М.: Вост. лит., 2011 (Памятники письменности Востока, СХІХ).

водом на французский в серии *Patrologia Orientalis*. В 1912 г. арабский текст сочинения Агапия был издан сирийским ученым Л. Шейхо в Бейруте, а в 1962 г. переиздан факсимиле в серии *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Сравнение текстов антиманихейской главы в двух разных изданиях обнаружило между ними столько различий, словно они принадлежат разным авторам⁶.

Эти немногие замечания не умаляют ценности книги Зарринкуба и Хосейни. Достоинство Библиографии трудов о манихействе, изданной иранскими учеными, заключается в том, что они удачно разделили материал по разделам и рубрикам, которые представляют разные аспекты эволюции средневековой религии, состоявшей в сложных отношениях с мировыми религиями и оказывавшей большое влияние на идеологию современного ей общества. Работа может оказаться полезной для историков религии, особенно для тех, кто желает сосредоточить внимание на изучении манихейства.

Review of the book:

Roozbeh Zarrinkoob, Sayyed Tawfiq Hosseini

Mani and Manichaeism Religion's Bibliography.

Tehran: Jehād-e Dānešgāhī, Wāhed-e Šahīd Beheštī, 1398/2019. 263 pp.

ISBN 978-964-479-140-6 (in Persian, English, German, French, and other European languages).

Aliy I. KOLESNIKOV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 24.03.2022.

Key words: bibliographical abbreviations, Manichaean texts, Mani, Manichaean dogma, Manichaean legend on the creation of the world, Manichaean estates, Manichaean culture, Manichaean laws.

For citation: Kolesnikov, Aliy I. [Review of the book:] "Roozbeh Zarrinkoob, Sayyed Tawfiq Hosseini. *Mani and Manichaeism Religion's Bibliography*. Tehrān: Jehād-e Dānešgāhī, Wāhed-e Šahīd Beheštī, 1398/2019. 263 pp. (in Persian, English, German, French, and other European languages)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 132–136 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109685.

About the author: Aliy I. KOLESNIKOV, Dr. Sci. (History), Counselor of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ali.koles@mail.ru).

⁶ *Kitāb al-'Unwān*. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd et trad. en Français par A. Vasiliev // *Patrologia Orientalis*. T. 7. Paris, 1911. P. 531–535; Agapius episcopus Mabbugensis. *Historia Universalis* / Ed. L. Cheikho // *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Vol. 65. *Scriptores Arabici*. T. 10. Lovanii, 1962. P. 186–190. Насколько нам известно, никто из исследователей манихейства не упомянул эту главу в качестве источника. См.: *Колесников А.И.* Рассказ о подлеме Мани (неучтенный источник о Мани и его религии) // *Христианский Восток*. Том 8 (XIV). СПб.: ГЭ, 2017. С. 267–282.

Рецензия на книгу:

**Русские моряки на Дальнем Востоке:
дневник начальника эскадры в Китайском море И.Ф. Лихачева.
1860–1861 гг. /**

Под ред. д.и.н. В.Г. Смирнова; отв. сост. В.П. Ципленков; сост.:
М.Е. Малевинская, С.В. Теренина. — М.: Паулсен, 2021. — 386 с.,
40 ил. — ISBN 978-5-98797-280-9

В.Ю. КЛИМОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109696

Рецензия поступила в редакцию 06.08.2022.

Ключевые слова: дневник И.Ф. Лихачева, посланник в Китае Н.П. Игнатьев, русская эскадра на Дальнем Востоке в 1860–1861 гг., Китай, Япония, Приамурье, Сахалин.

Для цитирования: *Климов В.Ю.* [Рец. на:] Русские моряки на Дальнем Востоке: дневник начальника эскадры в Китайском море И.Ф. Лихачева. 1860–1861 гг. / Под ред. д.и.н. В.Г. Смирнова; отв. сост. В.П. Ципленков; сост.: М.Е. Малевинская, С.В. Теренина. — М.: Паулсен, 2021. — 386 с., ил. 40 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 137–140. DOI: 10.55512/WMO109696.

Об авторе: КЛИМОВ Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия), (klimovvadim26@gmail.com). ORCID: 0000-0002-0182-3872.

© Климов В.Ю., 2022

В середине XIX в. заметно возрастает активность русских военных кораблей на Дальнем Востоке. К этому времени относится создание первой самостоятельной русской эскадры на Тихом океане. Возглавил ее капитан 1-го ранга Иван Федорович Лихачев (1826–1907). Под его командованием корабли эскадры с апреля 1860 г. по октябрь 1861 г. крейсировали в водах Желтого, Японского и Восточно-Китайского морей. В этот период И.Ф. Лихачевым была оказана поддержка российскому посланнику в Китае Н.П. Игнатьеву, который вел переговоры по вопросу территориального разграничения двух стран. Итогом этих переговоров стало заключение русско-китайского Пекинского договора (2 (14) ноября 1860 г.). Помимо этого, оценив стра-

тегическую важность японского острова Цусима, И.Ф. Лихачев предпринял попытку основания там русской военно-морской базы. Однако из-за повышенного внимания к Цусиме со стороны других европейских держав реализовать этот проект не удалось.

В течение всего времени командования эскадрой И.Ф. Лихачев вел дневник, в котором тщательно фиксировал все происходившие события (в тексте автор именуется дневник журналом, сам он название документу не давал). В настоящий момент этот документ входит в комплекс материалов его личного фонда, который хранится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ): рукописный подлинник (РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 21) и его машинописные копии (РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 22 с правками, 23, 24). Важно отметить, что текст документа может показаться трудным для восприятия в силу того, что содержит большое количество военно-морских терминов, упоминаний различных исторических событий, фамилий, географических объектов. Значительная часть географических объектов имеет по нескольку названий, в соответствии с русскими, английскими или японскими картами. В связи с этим сотрудниками архива при подготовке текста дневника к изданию была проведена кропотливая работа по его научной обработке.

Дневник публикуется впервые. Книга снабжена историческим предисловием, в котором раскрыты причины создания первой тихоокеанской эскадры и изложена биография И.Ф. Лихачева, и археографическим, содержащим историю поступления дневника в архив, его подробное описание как исторического документа и перечисление археографических принципов, примененных при подготовке издания.

Обработка текста дневника проведена на высоком научно-исследовательском уровне. Составлены развернутые предметно-тематические и биографические комментарии, раскрывающие и дополняющие содержание документа. В подстрочных примечаниях в тех случаях, где это необходимо, даны краткие пояснения по ходу повествования. Научно-справочный аппарат состоит из именного (с. 325–336), географического (с. 337–347), судового указателей (корабли Российского флота, с. 348–349; корабли иностранных флотов, с. 349), терминологического словаря (с. 350–360) и списка сокращений румбов (с. 361). В именном указателе приведены краткие сведения о персоналиях на момент описываемых событий. Местоположение малоизвестных географических объектов уточнено в подстрочных примечаниях, там же указаны их современные названия, если они отличаются. В указателях учтены все варианты написания фамилий и все названия географических объектов, встречающиеся в тексте. В качестве приложений даны основные даты жизни и деятельности И.Ф. Лихачева (с. 319–322) и список его опубликованных работ (с. 323–324). Издание проиллюстрировано портретами военно-морских и государственных деятелей, упомянутых в тексте, видовыми фотографиями, изображениями кораблей, картами, чертежами и планами (список иллюстраций, с. 364–367).

Дневник И.Ф. Лихачева представляет большую ценность как исторический источник. Помимо ежедневных официальных сведений о метеорологических условиях и передвижениях кораблей эскадры, заметок об истории и культуре, растительном и животном мире, традициях и быте жителей Китая, Японии и русского Дальнего Востока, в нем нашли отражение многие важные события российской и международной истории начала 60-х годов XIX в. Среди них: завершающий период Второй опиумной войны в Китае (1856–1860), заключение серии Пекинских договоров между Китаем и европейскими державами, окончательное установление русско-китайской границы в Амурском крае, русско-японские контакты в первые годы после установ-

ления дипломатических отношений в 1855 г., переход от парусного флота к паровому, создание первой самостоятельной русской эскадры на Тихом океане, освоение и развитие самых удаленных территорий нашей Родины — Приморской и Амурской областей и о-ва Сахалин.

Благодаря усилиям коллектива высокопрофессиональных историков-архивистов, сотрудников РГА ВМФ дневник контр-адмирала И.Ф. Лихачева с 3 апреля 1860 г. по 30 ноября 1861 г. увидел свет. Теперь специалисты по международным отношениям, владеющие японским, китайским и корейским языками, могут соотнести с архивными документами на европейских и названных восточных языках и сравнить описание одних и тех же событий с разных точек зрения. К примеру, в это время в Японии активно работал Филипп фон Зибольд (1796–1866), с которым консультировался по некоторым вопросам И.Ф. Лихачев. Тогда, в середине XIX в., естественно, транскрипция японских имен практически еще не устоялась. Тем более происходили ошибки при передаче произношения японского имени с одного европейского языка на другой. Речь идет не о Тукунае, а о Такахаси Кагэясу 高橋景保 (1785–1829), который служил архивистом-библиотекарем (*сёмоцу бугё*: 書物奉行) в хранилище *Момидзияма бунко* 紅葉山文庫. Такахаси составил атлас карт береговой линии Японии (*Дайнихон энкай ёти дзэндзу* 大日本沿海輿地全図) по результатам измерений Ино Тадатака 伊能忠敬 (1745–1818). В 1828 г. он познакомился с Зибольдом и обменял вышеназванные карты на европейские книги. Японский географ был посажен в тюрьму, умер в ней, и тем не менее уже просоленному, чтоб не разлагался, труп отсекли голову. В дневниковых записях И.Ф. Лихачев часто упоминает эти карты, полученные от Зибольда, подчеркивая, что они более точные, чем английские.

«6/18 декабря.

В 10 часов молебствие на фрегате. Визит [к] Зибольду. Толковали об осмотре и описи Ieso и Сахалина. У него огромное количество материалов как европейских, так и японских. Видел карты Ieso и Сахалина в большом масштабе и чрезвычайно подробн[ы], подаренные ему лет 30 назад географом Тукунаем (Такахаси. — В.К.), — подробную карту всей империи (на 60 с чем-то листах — каждое княжество особо), за которую Зибольд был выслан из Японии, а сделавшему подарок это стоило жизни» (с. 119–120).

И еще один, последний пример (их можно приводить до бесконечности). И.Ф. Лихачев с большой этнографической точностью описывает уже не существующий город Хакодате, находящийся в южной части о-ва Хоккайдо, настолько он изменился больше чем за полтора столетия. Однако если мы привлечем несколькими годами ранее сделанные зарисовки А.Ф. Можайским (1825–1890) этого города (альбом хранится в музее военно-морского флота в Санкт-Петербурге), то оставшийся в прошлом Хакодате середины XIX в. предстанет зримо перед нашими глазами.

«Хакодаде небольшой город — жителей 6000–7000; на улицах, на главной, по крайней мере, которая тянется вдоль берега, довольно движения. Беспреданно встречаются кучки вьючных лошадей. Лошади эти, кажется, довольны крепки и сильны, но некрасивы, длинная шерсть висит клочьями. Почти каждый дом имеет лавку. Замечательны также магазины, которые солиднее построены, чем дома, и выкрашены белой краской. Японский дом скорее похож на будку, и в нем никаких запасов и товаров, конечно, держать нельзя. В этих дощатых домиках стужа,

зимой редко бывает выше 0°. Нагреваются мангалами. Спят, раздеваясь, голыми и покрываются только несколькими толстыми одеялами. Храмов довольно много, они, конечно, гораздо значительнее частных домов, но все же небольшие деревянные здания. Казенных домов тоже довольно много. Они окрашены черной (подчеркнуто автором. — В.К.) краской. Хакодаде почти ничего не производит и не вывозит, кроме морской травы и крепатов в Китай» (с. 22–24).

Не вызывает сомнения, что публикация этого документа, выполненная на высоком профессиональном уровне и снабженная богатым научно-справочным аппаратом, представляет большой интерес для исследователей, занимающихся историей Российского Военно-Морского Флота, вопросами внешней политики России, ее дипломатических, экономических и культурных связей с другими государствами в середине XIX столетия.

Review of the book:

Russian Sailors in the Far East:

The Diary of I.F. Likhachev, a Squadron Leader in the China Sea. 1860–1861.

Edited by V.G. Smirnov, Ph.D. in history; head compiler: V.P. Tsiplenkov; compilers: M.E. Malevinskaya, S.V. Terenina. Moscow: Paulsen Publishing House, 2021. 386 pp., 40 ill. ISBN 978-5-98797-280-9 (in Russian).

Vadim Yu. KLIMOV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 06.08.2022

Key words: I.F. Likhachev's diary, envoy in China N.P. Ignatiev, Russian squadron in the Far East 1860–1861, China, Japan, the Amur region, Sakhakin.

For citation: Klimov, Vadim Yu. [Review of the book:] "Russian Sailors in the Far East: The Diary of I.F. Likhachev, a Squadron Leader in the China Sea. 1860–1861. Edited by V.G. Smirnov, Ph.D. in history; head compiler: V.P. Tsiplenkov; compilers: M.E. Malevinskaya, S.V. Terenina. Moscow: Paulsen Publishing House, 2021. 386 pp., 40 ill.". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 137–140 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109696.

About the author: Vadim Yu. KLIMOV, Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (klimovvadim26@gmail.com). ORCID: 0000-0002-0182-3872.

Рецензия на книгу:

Пу Сун-лин.

Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника).

Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т. 1 / Сост. А.Г. Сторожук; отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, пер. В.М. Алексеева, А.Г. Сторожука. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — 568 с., ил. — ISBN 978-5-288-06233-9 (Т. 1), ISBN 978-5-288-062323-2 (общий).

Т.И. ВИНОГРАДОВА

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109277

Рецензия поступила в редакцию 11.07.2022.

Ключевые слова: Китай, классическая литература, перевод, стиль.

Для цитирования: *Виноградова Т.И.* [Рец. на:] *Пу Сун-лин.* Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника). Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т. 1 / Сост. А.Г. Сторожук; отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, пер. В.М. Алексеева, А.Г. Сторожука. — СПб.: СПбГУ, 2022. — 568 с., ил. // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 141–143. DOI: 10.55512/WMO109277.

Об авторе: ВИНОГРАДОВА Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, заведомом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской академии наук (ОЛСАА БАН), (Санкт-Петербург, Россия) (olsaa@rasl.nw.ru). ORCID: 0000-0003-0664-48971.

© Виноградова Т.И., 2022

Пу Сун-лин (1640–1715) — самый знаменитый и популярный китайский писатель, причем не только у себя в стране, но и далеко за ее пределами. Известен он более всего «рассказами о необычайном». Сборники новелл о встречах людей с духами, о столкновениях с необъяснимыми явлениями появились в Китае за многие сотни лет до Пу Сун-лина. С ним этот жанр не исчерпался, но ни одному из таких сборников не была уготована столь славная судьба. Причиной тому, несомненно, уникальный литературный дар писателя, его мастерское владение словом и стилем.

Рассказы Пу Сун-лина переведены на многие языки мира, но надо отдавать себе отчет, что многие такие тексты, в том числе и классические англоязычные, являются

не столько переводами, сколько пересказами, в разной степени свободными изложениями сюжетной канвы оригинала. «Русскому» Пу Сун-лину повезло гораздо больше, ибо известнейший российский синолог, академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) поставил перед собой цель сделать стилистически аутентичный, научный перевод новелл Пу Сун-лина, воспроизвести все нюансы стиля великого китайского писателя. Эта стратегия обеспечила мгновенную и немеркнущую популярность новелл Пу Сун-лина у широкой русскоязычной аудитории.

В.М. Алексеев перевел примерно треть рассказов Пу Сун-лина. Трудновыполнимую на первый взгляд задачу представить русскому читателю «всего» Пу Сун-лина поставил перед собой заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета СПбГУ профессор А.Г. Сторожук.

Недавно вышел из печати первый том переводов из задуманных семи. Произошло это через сто лет после публикации первого сборника алексеевских переводов Пу Сун-лина «Лисьи чары», что, скорее всего, случайно, но очень символично. В.М. Алексеев отбирал рассказы для сборников из общего массива текстов по тематическому принципу: про оборотней-лис, про монахов, просто странные случаи.

Концепция нового издания предполагает перевод свода Пу Сун-лина рассказ за рассказом в том порядке, который ныне является общепризнанным, именно так «Ляо Чжай чжи и» издается в Китае с середины XVIII в. Двенадцать китайских цзюаней (свитков) образуют шесть томов, седьмой, заключительный, мыслится как справочный, в него войдут также переводы текстов «Ляо Чжай чжи и», сделанные другими людьми, включая самые первые опыты. Обещаны также переводы стихотворений, написанных специально для иллюстраций, сопровождающих литографическое издание 1886 г. Сейчас эти картинки помещены перед каждым рассказом. Хотелось бы, чтобы в заключительном томе было бы восполнено отсутствие иероглифики в примечаниях В.М. Алексева, унифицированы переводы на русский язык и транскрипции названий памятников китайской словесности у обоих сиологов.

В рецензируемый 1-й том вошли первые два цзюаня, 82 рассказа. Переводы В.М. Алексева и его комментарии приводятся в неизменном виде по авторитетным изданиям. Для удобства читателя тексты В.М. Алексева отмечены в заглавии рассказов и подстраничных комментариях синим цветом, А.Г. Сторожука — красным. Открывает том обширная статья А.Г. Сторожука о творчестве Пу Сун-лина и переводах его сочинений на русский язык. Завершает предисловие В.М. Алексева к сборнику «Лисьи чары» 1922 г. Дизайн тщательно продуман: дается китайский оригинал заглавия каждого рассказа в каллиграфическом исполнении А.Г. Сторожука, удачно имитируется внешний облик традиционной китайской книги, очень хороша обложка, причем и на ощупь тоже. Добавим, что существует и вариант издания в мягком переплете.

Отдельно нужно сказать о переводческих стратегиях В.М. Алексева и А.Г. Сторожука как его ученика (через поколение сиологов) и последователя. Язык рассказов Пу Сун-лина очень сложен и многослоен. Написаны они на китайском классическом языке вэньянь с включением разговорной речи вплоть до диалектизмов (непонятных без словаря жителям других регионов страны), пласты архаичного языка высокого стиля перемежаются вульгаризмами; прозаическое повествование чередуется с ритмической прозой и стихами. Всё это и формирует тот особый стиль Пу Сун-лина, за который его так ценят китайцы и который недоступен читателям других стран.

В мастерстве имитации стиля Пу Сун-лина А.Г. Сторожук даже превзошел виртуозность В.М. Алексеева, используя в своих переводах удивительную смесь старинной русской речи высокого стиля с примесью разговорных выражений, церковнославянских конструкций. Ему отлично удалась ритмизованная проза и стихотворные вставки. Удачен его прием использования полной или частичной редукации, столь характерной для китайского языка; сохранены китайские звукоподражания, весьма обильные. Многочисленные аллюзии и скрытые цитаты в текстах первоисточника толкуются в примечаниях. В текстах переводов нельзя изменить ни слова из опасения нарушить строго выверенную ритмическую конструкцию; это не тот случай, когда следует жертвовать стилем ради понятности или простоты.

Хочется надеяться, что остальные тома будут выходить регулярно по мере готовности, что у причастных к проекту хватит на это сил и средств. Оценить все достоинства и недостатки издания можно будет лишь по его завершению. Сейчас уже ясно, что столетие назад Ляо Чжай В.М. Алексеева стал явлением русской словесности. Возможен ли такой феномен в наши дни — покажет время.

Review of the book:

Pu Songling.

Liao Zhai zhi yi (Strange Stories from the Lodge of a Misfit).

Complete collection in 12 juans. In 7 vol. Vol. 1. Comp. by A.G. Storozhuk. Ed. by D.I. Mayatsky. Tr. by V.M. Alexeyev and A.G. Storozhuk. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2022. 568 p., ill. ISBN 978-5-288-06233-9 (Vol. 1), ISBN 978-5-288-06232-2 (common).

Tatiana I. VINOGRADOVA

Library Publications Department, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 11.07.2022.

Key words: China, classical literature, translation, style.

For citation: Vinogradova, Tatiana I. [Review of the book:] "Pu Songling. *Liao Zhai zhi yi (Strange Stories from the Lodge of a Misfit)*. Complete collection in 12 juans. In 7 vol. Vol. 1. Comp. by A.G. Storozhuk. Ed. by D.I. Mayatsky. Tr. by V.M. Alexeyev and A.G. Storozhuk. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2022. 568 p., ill." *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 141–143 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109277.

About the author: Tatiana I. VINOGRADOVA, Cand. Sci. (History), Head of Oriental Publications Department, Russian Academy of Sciences Library (St. Petersburg, Russian Federation) (olsaa@rasl.nw.ru). ORCID: 0000-0003-0664-48971.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Письменные памятники Востока

Научный журнал

Учредитель

Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)

Адрес учредителя: Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Главный редактор: член-корр. РАН Ирина Федоровна Попова

Над номером работали:

А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова, А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Сдано в набор 25.08.2022. Подписано к печати 03.09.2022. Дата выхода 25.09.2022. Формат 70×100¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. п. л. 9,0. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 500 экз. Зак. № Цена свободная.

Адрес редакции и издательства: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Лит. А — www.orientalstudies.ru

Адрес типографии: ООО "Литография Принт". 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14, Лит. А. www.litobook.ru e-mail: info@litobook.ru. Тел. +7 (812) 712-02-08